ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

R. A. Kazakevich

Р. А. КАЗАКЕВИЧ

DO NOT LABEL

Sotsial-demokraticheskie ...

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕТЕРБУРГА

конца 80-х — начала 90-х годов

(кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1960

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Ленинградского университета

Книга освещает малоизученный период истории КПСС. На основании архивных материалов и мемуарной литературы в книге рассматриваются возникновение первых марксистских кружков, состав, организационная структура и деятельность социал-демократических организаций в среде пролетариата, приемы и методы пропагандистской деятельности.

В работе анализируются программные положения и социально-политические воззрения членов с.-д. организаций, их борьба с народничеством. Показана преемственность в работе первых социал-демократических организаций.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей и студентов, а также пропагандистов и всех изучающих историю КПСС.

ВВЕДЕНИЕ

Коммунистическая партия Советского Союза прошла долгий и трудный путь от первых и немногочисленных марксистских кружков и групп, появившихся в России в 80-х годах XIX столетия, до многомиллионной партии коммунистов, руководящей первым в мире социалистическим государством, оказывающим решающее влияние на судьбы человечества. «Нигде в мире, — подчеркивал В. И. Ленин, — пролетарское движение не рождалось и не могло родиться „сразу“, в чистом классовом виде. . . Лишь долгой борьбой и тяжелым трудом самих передовых рабочих, всех сознательных рабочих давалось выделение и упрочение пролетарского классового движения из всяческих мелкобуржуазных примесей, ограничений, узостей, извращений».[1]

Извилист и тернист был этот путь. Первые русские социал-демократы, изучая передовое революционное учение — научный социализм, немало проявили творческой самостоятельности, применяя марксистскую теорию к российским условиям. «Мы думаем, — писал позднее В. И. Ленин, — что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России».[2]

Несмотря на все преграды, стоявшие на пути распространения марксизма в России, он медленно, но неуклонно пробивал себе дорогу. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного рево-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 230.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 191—192.

люционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».[3]

В. И. Ленин в своей замечательной работе «Что делать?» указывал, что история русской социал-демократии распадается на три периода. Первый период продолжался около десяти лет, с 1884 по 1894 г. «Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии». Второй период — 1894—1898 гг., — когда русская социал-демократия появилась «как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия», и, наконец, третий период «разброда, распадения, шатания» начался с 1898 г.[4] В. И. Ленин в краткой характеристике вскрывает не только содержание трех начальных этапов истории русской социал-демократии, он вместе с тем дает и вехи, по которым следует идти историку в их исследовании.

Первый период, когда совершалась идейная подготовка социал-демократии, был исторически неизбежным, необходимым этапом в развитии нашей партии. Он увенчался значительной победой над народничеством.

Исторические рамки первого периода охватывают годы от начала деятельности группы «Освобождение труда» и первых социал-демократических кружков в России до образования «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Именно в это историческое десятилетие в связи с ростом рабочего движения в России возникло новое социал-демократическое направление. В жесточайшей борьбе с народничеством развивалась и укреплялась теория и программа русской социал-демократии. Число сторонников нового направления в России в то время было невелико. «Социал-демократия, — как указывал Ленин, — существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития».[5]

Величайшей важности задача — соединение социализма с рабочим движением в этот период еще не была разрешена.

* * *

История русской социал-демократии 80—90-х годов XIX в. является наименее изученным периодом ее истории, в особенности это относится к 1884—1894 гг.[6] В эти годы образовалась

---

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 483—484.

[5] Там же, стр. 483.

[6] В 1959 г. в Изд. АН СССР вышла работа Ю. З. Полевого «Зарождение марксизма в России». Автор сделал попытку показать историю социал-демократических организаций ряда городов и национальных районов России. Однако отдельные положения и формулировки Ю. З. Полевого являются спорными и требуют уточнения.

за границей и развернула свою деятельность первая русская марксистская группа «Освобождение труда». В эти годы протекала деятельность первых социал-демократических групп в России, связанных с именами Д. Н. Благоева, Н. Е. Федосеева, П. В. Точисского, Ю. Д. Мельникова, М. И. Бруснева и др.

Если о деятельности группы «Освобождение труда», «Партии русских социал-демократов» (группа Благоева), кружка Федосеева имеется специальная литература, то деятельность социал-демократических организаций в Петербурге конца 80-х и начала 90-х годов, связанная с именами П. В. Точисского, М. И. Бруснева, передовых рабочих Е. А. Климанова, В. А. Шелгунова, Ф. А. Афанасьева и других, почти не освещена. До сих пор нет ни монографий, ни статей, обобщающих архивные материалы, мемуарную литературу об этих социал-демократических организациях, хотя отдельные документы об их деятельности опубликованы в исторической литературе.[7]

В данной работе автор поставил перед собой задачу, следуя ленинским указаниям, осветить историю первых социал-демократических кружков в Петербурге и ту историческую задачу, которая была выполнена русской социал-демократией в первый период ее существования. Автор стремился возможно полнее собрать материал и дать анализ деятельности двух социал-демократических организаций Петербурга: «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» (группа Точисского) и группы Бруснева; выяснить их социально-политические взгляды, программные положения, а также определить их место в ряду социал-демократических организаций Рос-

---

[7] Часть документального материала о деятельности групп Точисского и Бруснева была опубликована в исторических журналах и сборниках 20—30-х годов историками Н. Л. Сергиевским, В. И. Невским и др. Материалы, характеризующие пропагандистскую деятельность бусневцев, опубликованы в сборнике документов и материалов «Рабочее движение в России в XIX веке» (т. III, ч. II. М., Госполитиздат, 1952). Н. Л. Сергиевский, автор книги о группе Благоева, писал, что он работает над исследованием о социал-демократической группе Точисского. К сожалению, работа не была выполнена ни Н. Л. Сергиевским, ни кем-либо другим. Не лучше обстоит дело и с монографическими работами о деятельности социал-демократической организации М. И. Бруснева, хотя эта организация являлась предметом двух диссертаций: А. С. Рословой и Р. А. Казакевич. В брошюрах И. Никитина «Первые рабочие союзы и социал-демократические организации в России». (М., Госполитиздат, 1952) и С. Щепрова «На пути к созданию партии». (М., Госполитиздат, 1959) в обзоре деятельности первых социал-демократических организаций известное место отводится и организациям Точисского и Бруснева. Статья А. С. Рословой «Первые маевки и политические выступления петербургских рабочих» («Вопросы истории», 1956, № 2) рассказывает главным образом о проведении брусневцами маевок. Большой научный интерес представляют главы, посвященные социал-демократическим организациям, в издании «Очерки истории Ленинграда» (Изд. АН СССР, 1957), принадлежащие С. Н. Валку.

сии. В связи с тем, что влияние этих организаций вышло за пределы Петербурга, в данную работу включены и некоторые материалы, характеризующие работу кружков, возникших по инициативе или под влиянием членов петербургских организаций, в Москве, Туле, Нижнем Новгороде, Колпине и других городах.

При разработке темы были использованы архивные материалы, опубликованные документы, мемуарная литература и печатные источники, воссоздающие картину деятельности социал-демократических организаций Петербурга конца 80-х и начала 90-х годов.

Весьма ценный, мало использованный архивный материал по этому периоду имеется в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) в фондах Департамента полиции и Министерства юстиции; в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ) в фондах Министерства юстиции и Министерства народного просвещения; в Партийном архиве при Ленинградском институте истории партии (ЛПА) в рукописном фонде хранятся стенограммы, записи бесед, воспоминания и другие материалы участников первых социал-демократических организаций Петербурга и их современников. Однако весь этот документальный материал требует весьма осторожного и критического использования.

Мемуарная литература, раскрывающая деятельность социал-демократических организаций этого периода, также требует критического подхода ввиду того, что авторы часто односторонне, субъективно освещают отдельные вопросы и иногда дают противоречивые свидетельства. Следует учесть, что часть воспоминаний членов социал-демократических организаций была написана спустя 25—30 лет после событий, участниками которых они были.

Деятельность первых марксистских кружков, прокладывавших путь революционной теории и революционному движению в России, работавших над созданием «русских Бебелей», составляет одну из первых страниц героической истории Коммунистической партии Советского Союза. Эти первые страницы может быть не так ярки, в них нет того величественного пафоса, которым характеризуются революционные эпохи, когда на арену политической борьбы выступают массы, но в них не менее героизма, самоотверженного труда и самозабвенной борьбы за дело рабочего класса.

Анна Ильинична Ульянова, характеризуя деятельность первых социал-демократов, писала: «Нам всем трудно представить себе или восстановить в своей памяти условия работы первых кротов социал-демократического подполья, прорывавших первые бреши в тех капитальных стенах, которыми окружило самодержавие несознательные, придавленные рабочие

массы, чтобы не допустить туда ни одного луча света. Сколько из этих первых лучей погасло, сколько первых ласточек разбило свои крылья и усеяло преждевременными трупами подножия этих стен!»[8]

Первые социал-демократические кружки проделали трудную и важную работу по пропаганде марксизма среди передовых слоев фабрично-заводского пролетариата и сыграли положительную роль в распространении марксизма и развитии рабочего движения. «В свое время, — писал Ленин, — кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были всей историей *русского* революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия *не могла* развиться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России».[9]

Изучение всей истории нашей партии, ее борьбы за победу рабочего класса, за победу марксистского мировоззрения имеет исключительно важное значение.

На первом этапе ее истории шла борьба за революционную теорию и велась углубленная пропагандистская работа. Много интересного и поучительного раскрывает изучение работы первых пропагандистских социал-демократических кружков, постановка ими дела пропаганды марксизма среди рабочих и организация первых политических выступлений.

Большое воспитательное значение и в наши дни имеет знакомство с тем, как учились передовые пролетарии царской России, как они тянулись к запретной революционной книге, как они, несмотря на тяжелые условия труда на капиталистических предприятиях, находили время учиться и, как на праздник, шли на свои кружковые занятия, где жадно ловили слово пропагандиста, разъясняющего им неизбежность гибели капитализма и торжества нового общественного строя.

«Для сознательных рабочих, — указывал В. И. Ленин, — нет важнее задачи, как задача *познать* движение своего класса, его сущность, его цели и задачи, его условия и практические формы».[10]

Трудящиеся нашей страны и всех стран мира, изучающие опыт нашей партии, отдают должное первым страницам ее истории. Передовые пролетарии были членами первых марксистских кружков и групп в 80—90-х годах XIX в. в России. Их скромный, благородный, самоотверженный труд расчищал

---

[8] «Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России». Сб. воспоминаний. М. — Л., 1923, стр. 12.

[9] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 89.

[10] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 355.

почву для борьбы многомиллионной армии пролетариата. Их деятельность дала великие всходы.

На изучении героической истории нашей партии, истории борьбы российского пролетариата должно воспитываться молодое поколение строителей коммунизма. В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Наше молодое поколение не прошло той большой школы жизни и борьбы, которая выпала на долю старшего поколения. Молодые люди не знают ужасов и бедствий дореволюционного времени и лишь по книгам могут иметь представление об эксплуатации трудящихся. Весьма важно поэтому, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса».[11]

[11] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. М., Госполитиздат, 1959, стр. 63.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Россия встала на путь капиталистического развития позднее ряда европейских стран. Господствовавший в XIX в. крепостной строй задерживал развитие экономики России. Однако реформа 1861 г., несмотря на ее полукрепостнический характер, способствовала довольно быстрому развитию капиталистических отношений. «После падения крепостного права, — указывал Ленин, — в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая».[1]

За тридцать лет, с 1861 по 1890 г., добыча каменного угля в России увеличилась в 20 раз, производство железа в 4 раза, нефти в 200 с лишним раз. Появлялись новые фабрики, заводы, железные дороги, возникали новые отрасли промышленности. Количество рабочих с 1865 по 1890 г. на одних только крупных фабриках, заводах и железных дорогах увеличилось с 706 тысяч до 1432 тысяч, т. е. более чем вдвое.[2] Число рабочих «возрастало не только гораздо быстрее, чем население вообще, но даже быстрее городского населения».[3]

Развитие капиталистических форм хозяйства происходило и в деревне. Наблюдался быстрый процесс расслоения крестьянства. «Все пореформенное сорокалетие, — указывал Ленин, — есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания».[4] Наряду

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65—66.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 436.
[3] Там же, стр. 436.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 396.

с немногочисленной деревенской буржуазией возросло количество деревенских пролетариев и полупролетариев, пополнявших армию городских рабочих.

После реформы 1861 г., отмечает Ленин, «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века».[5]

Темпы развития капитализма в России могли быть выше, но на пути его развития продолжали оставаться феодальные пережитки, сохранившиеся в пореформенной России. В. И. Ленин подчеркивал, что «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом».[6] Главными из них были царское самодержавие и помещичья собственность на землю.

Особенно быстро росли крупные предприятия, происходил процесс концентрации производства. Быстрый рост концентрации русской промышленности является одной из особенностей развития капитализма в России. В свою очередь, высокий уровень концентрации производства означал рост рабочего класса.

Таблица характеризует процессы, происходившие в экономике страны.[7]

Группы фабрик по числу рабочих	1866 г.			1890 г.		
	Число фабрик	Число рабочих (в тыс.)	Сумма производства (в млн. р.)	Число фабрик	Число рабочих (в тыс.)	Сумма производства (в млн. р.)
С 100 до 499 рабочих	512	109,0	99,8	712	156,7	186,3
С 500 до 999 рабочих	90	59,9	48,3	140	94,3	148,5
С 1000 и более рабочих	42	62,8	52,9	99	213,3	253,1
Итого . . .	644	231,7	201,0	951	464,3	587,9

Одновременно происходило и техническое оснащение предприятий. Ручной труд вытеснялся машиной. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка, — указывал Ленин, — стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка».[8]

[5] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95—96.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 527.
[7] Там же, стр. 446.
[8] Там же, стр. 524.

В 80—90-х годах XIX столетия Россия представляла собой многонациональное помещичье-буржуазное государство, в котором трудящиеся массы испытывали тройной гнет: жестокую экономическую эксплуатацию, политическое бесправие и национальный гнет. 80-е годы были в истории России периодом жестокой политической реакции, которую В. И. Ленин назвал «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской».[9]

Но никакие репрессии, никакая политическая реакция не могли задержать развитие социал-демократической мысли в России. Именно в эту эпоху, как отмечал В. И. Ленин, «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания».[10]

Образование марксистских кружков и групп, развитие социал-демократической мысли в России неразрывно связано с ростом промышленного пролетариата, с ростом рабочего движения.

С развитием капитализма в России рос и формировался рабочий класс. «Все бо́льшая и бо́льшая часть населения, — писал Ленин, — окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города, фабричные и промышленные села и местечки, образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы».[11] Крупная промышленность, разрушая мелкотоварное производство, создавала класс промышленного пролетариата. Но город получал не просто разорившегося, а в большинстве своем обученного в крестьянских промыслах работника.

К 80-м годам значительная масса рабочих России была фактически не связана с деревней. «Перед нами, следовательно, — пишет Е. М. Дементьев, — уже сформировавшийся класс рабочих, не имеющий своего крова, не имеющий фактически никакой собственности, — класс, ничем не связанный и живущий изо дня в день. И он образовался не со вчерашнего дня. Он уже имеет свою фабричную генеалогию и для немалой своей части насчитывает уже третье поколение».[12] О том же процессе формирования рабочего класса на крупных мануфактурах указывает и Ф. Ф. Эрисман: «Прядильные и ткацкие отделения наших мануфактур выработали тип настоящего фабричного рабочего, часто родившегося на фабрике, выросшего в фабричных казармах, с ранних лет приступившего в качестве рабочего в фабричные мастерские и ни к чему, кроме фабричной

[9] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 267.
[10] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 230.
[11] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 84.
[12] Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897, стр. 46.

работы, не приспособленного».[13] Еще в большей степени число «потомственных рабочих» насчитывала металлообрабатывающая, машиностроительная и горнозаводская промышленность, требовавшая обученных, квалифицированных рабочих.

Рост капитализма в России сопровождался возникновением новых промышленных центров, центров крупной индустрии, сосредоточивших достаточно большие отряды промышленного пролетариата.

Одним из крупнейших индустриальных центров страны ко второй половине XIX в. был Петербург. Петербург с его концентрированной промышленностью, крупными металлообрабатывающими и машиностроительными заводами и громадными мануфактурами предъявлял спрос на постоянных, грамотных, квалифицированных рабочих. Занимая одно из первых мест в стране по технической оснащенности и организации производства, петербургская крупная промышленность собирала многочисленные кадры рабочих, рекрутировавшихся главным образом из отходников-кустарей, получивших уже производственные навыки, постепенно оседавших в Питере.[14] «С этими питерщиками, — пишет Д. Н. Жбанков, — живет чаще всего на стороне и вся семья... бездетные семьи и вовсе переселились в Питер и с деревней их связывает только то, что они ежегодно выправляют паспорты и числятся в крестьянах».[15]

Постепенно складываются характерные черты питерского пролетариата — сплоченность, организованность, боевитость. В борьбе выковываются его революционные традиции. Питерский пролетариат дает наибольший процент грамотных, передовых рабочих, участников пропагандистских кружков и революционных выступлений. Петербург с его многочисленным передовым отрядом рабочих становится центром революционного движения в России, городом возникновения первых социал-демократических кружков и групп.

Невероятно тяжелым было положение рабочего класса в России, страдавшего и от капиталистического гнета и от гнета остатков крепостничества. Средняя продолжительность рабочего дня равнялась 12—13 часам. В текстильной промышленности рабочий день был еще длиннее, он достигал 14—15 часов.[16] И. В. Бабушкин в своих воспоминаниях писал о тяжелой, изнуряющей человека работе на заводе: «Первый год работы на заводе... я не жил, а только работал... работал день, работал вечер и ночь... идя иногда с завода на

[13] Сборник статистических сведений по Московской губернии, т. IV, ч. I, 1890, стр. 292.

[14] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 26.

[15] Д. Н. Жбанков. Бабья сторона. Статистико-этнографический очерк. Материалы для статистики Костромской губернии, вып. VIII. Кострома, 1891, стр. 48.

[16] Е. М. Дементьев, ук. соч., стр. 90.

квартиру, я дорогой засыпал и просыпался от удара о фонарный столб. Откроешь глаза и опять идешь и опять засыпаешь... а завтра опять работа, та же тяжелая, продолжительная, убийственная работа и никакой жизни, никакого отдыха».[17]

О тяжелых сверхурочных работах, об изнурительном ночном труде вспоминает и другой рабочий, член группы Бруснева, А. Фишер. «Сверхурочно нас заставляли больно много работать. Это изнуряло больше всего. Работали таким образом: понедельник до 8 часов вечера, вторник до 10, среду всю ночь, четверг до 10, пятницу всю ночь..., а иногда даже заставляли работать и в воскресенье. Это было уж чересчур».[18] Широко эксплуатировался на предприятиях женский и детский труд.

Оплата труда фабрично-заводского рабочего была чрезвычайно низка. Многие рабочие получали 7—8 руб. в месяц. Только наиболее квалифицированные рабочие-металлисты получали 23—24 руб. Средний заработок мужчин равнялся 14 руб. 16 коп., женщин — 10 руб. 35 коп. в месяц.[19] Низкая заработная плата значительно уменьшалась применявшейся на фабриках системой штрафов, обсчетов, оплатой товарами и другими методами. Штрафы были настоящим бичом рабочих. «Почти на каждом предприятии применялась издевательская система штрафов»,[20] причем взимание штрафов не регулировалось законом. Нередко дело доходило до того, что 50% заработной платы рабочий отдавал фабрике в виде штрафов. Размер штрафа устанавливался совершенно произвольно. «Замеченные в нарушении фабричных правил штрафуются по усмотрению хозяев» — такой порядок был установлен на Вознесенской мануфактуре. Крупнейший фабрикант Савва Морозов получал более 20 тыс. руб. дохода в год от одних только штрафов. В. И. Ленин, рассматривая вопрос о штрафах, указывал, что «назначение штрафов — не вознаграждать за убыток, а создать дисциплину, т. е. подчинение рабочих хозяину, заставить рабочих исполнять хозяйские приказания, слушаться его во время работы».[21] На многих предприятиях рабочие, поступая на работу, заранее должны были давать согласие на все условия, которые им будут предъявлены только потом.

Свою нищенскую заработную плату, урезанную штрафами и обсчетами, рабочие получали крайне нерегулярно. Выплата производилась по усмотрению хозяев «под большие праздники».

[17] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900 гг. М., 1955, стр. 21—22.

[18] Ленинградский партийный архив, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 12, л. 1.

[19] Е. М. Дементьев, ук. соч., стр. 165.

[20] М. И. Калинин. «Правда», 2 октября 1937 г.

[21] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 20.

О нищенской, всеми способами урезываемой зарплате говорил на суде рабочий Петр Алексеев: «Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабеж доходом».[22]

Жилищные условия российского пролетариата были также исключительно тяжелы. Как правило, рабочие жили в фабричных домах, в рабочих казармах, которые являлись источником дохода для хозяев и дополнительным источником страданий рабочих. Крайне антисанитарные условия были в общих спальнях, где часто нары настраивались в два и три ряда и не соблюдались никакие жилищные нормы. По признанию ивановского фабриканта Я. П. Гарелина, в казармах приходилось воздуха на человека от 3,2 до 0,97 куб. метра. Это в 10—30 раз меньше средней необходимой жилищной нормы.

Охраны труда рабочих и медицинской помощи почти не существовало. Все это приводило к массовым несчастным случаям, жестоким увечьям, потере трудоспособности, высокой смертности. Примером бесчеловечного отношения к рабочим могут служить события, разыгравшиеся на Хлудовской фабрике, где в 1882 г. во время пожара рабочие были заперты в пятиэтажном горящем здании с целью заставить их лучше тушить пожар. После пожара из этого здания вывезли семь возов трупов.

Бедственное положение всего российского пролетариата разделяли и пролетарии Петербурга.[23]

Характеризуя угнетение рабочих, В. И. Ленин писал: «... положение рабочего по мере роста капитализма все ухудшалось... заработок найти становилось все труднее и труднее, и рядом с роскошными палатами богачей... росли лачуги рабочих, принужденных жить в подвалах, в переполненных сырых и холодных квартирах, а не то и прямо в землянках около новых промышленных заведений. Капитал, становясь все крупнее, сильнее давил на рабочих, превращая их в нищих, принуждая отдавать все свое время фабрике, загоняя на работу жен и детей рабочих».[24]

Неслыханная эксплуатация, чрезвычайно тяжелые условия труда, бесправное положение, политический гнет — все это наталкивало рабочих на необходимость бороться против эксплуататоров.

Еще Энгельс указывал, что «положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех

[22] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 44.

[23] Очерки истории Ленинграда, т. II. Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 197—198 и др.

[24] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 85.

социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий».[25]

Начало рабочего движения относится к 60-м годам. Первые шаги рабочего движения были неорганизованным, стихийным выражением протеста против непосильного гнета. В примитивных бунтах В. И. Ленин учил видеть некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли веру в незыблемость порядков, начинали «чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*».[26]

Рабочее движение 70-х годов по сравнению со стачками предыдущего десятилетия делает значительный шаг вперед.[27] Начиная с 70-х годов, стачки становятся систематическим явлением. В течение 70-х годов по официальным данным произошло 326 стачек и рабочих волнений.[28] Наиболее крупными центрами рабочего движения в 70-х годах являлись Петербург и Центрально-промышленная область. За это десятилетие в Петербурге произошло до 100 стачек, из которых 50% провели металлисты, составлявшие 37% всего числа рабочих. Петербургские металлисты заняли первое место и по числу стачек и по количеству стачечников.

Несмотря на более систематический характер стачек 70-х годов, они все еще были стихийными выступлениями рабочих в ответ на невыносимые акты эксплуатации. Предъявляемые рабочими требования были экономического порядка, а сами выступления носили оборонительный характер. «Взятые сами по себе, — писал Ленин позднее, — эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического».[29]

Стачечная борьба 70-х годов не прошла бесследно, передовые рабочие начали сознавать, что для успешной борьбы с эксплуататорами необходимо иметь свою рабочую организацию. Начали создаваться рабочие союзы.

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 238.

[26] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 347.

[27] В 60-х годах, по неполным данным, имели место свыше 50 стачек и рабочих волнений. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 35.

[28] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 45. — Указанная цифра количества стачек и волнений (326) является ниже фактического числа выступлений рабочих в 70-х годах. Наибольшего подъема рабочее движение достигло в последние годы этого десятилетия: в 1878 г. — 53 выступления рабочих, в 1879 г. — 60 стачек и волнений.

[29] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 347.

Первыми рабочими организациями в России явились «Южнороссийский союз рабочих», созданный в Одессе в 1875 г., и «Северный союз русских рабочих», оформившийся в 1878 г. в Петербурге.[30] Эти рабочие организации начали отмежевываться от народнического социализма. Они первыми в России провозгласили своей задачей борьбу за политические права для рабочих. «Когда в 1875 г., — писал В. И. Ленин, — образовался „Южно-русский рабочий союз" и в 1878 г. „Северно-русский рабочий союз", то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма».[31]

Во главе «Северного союза русских рабочих» стояли талантливые организаторы из рабочей среды С. Халтурин и В. Обнорский. На программу этого союза оказали влияние программы западноевропейских рабочих партий, I Интернационала, особенно германской социал-демократии.

Программа «Северного союза русских рабочих» указывала, что по своим задачам «Союз» примыкает к социал-демократическим партиям Запада. Своей конечной целью «Союз» ставил ниспровержение существующего политического строя, а ближайшей целью считал борьбу за политическую свободу.

Несмотря на слабость и непоследовательность первых рабочих организаций, замечательно то, что впервые требование политической свободы провозгласила программа рабочего «Союза». Г. В. Плеханов писал, что «к началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову»,[32] что «в семидесятых годах требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции».[33] Несмотря на большое значение первых рабочих организаций, их программных положений, все же на них еще лежала печать незрелости рабочего движения и революционной мысли в России, еще в общем потоке народничества не могла выделиться пролетарско-демократическая струя. «Выделение ее стало возможно, — писал Ленин, — лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа „Освобождение труда", 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)».[34]

[30] Истории первых рабочих союзов посвящены работы: Э. А. Корольчук. Из истории «Южнороссийского союза рабочих». Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 78. Л., 1948; Б. Итенберг. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России. М., 1954; Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Л., 1946.

[31] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 237.

[32] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 182.

[33] Там же, стр. 186.

Возникновение рабочих союзов совпало с дальнейшим подъемом забастовочного движения. Наибольший подъем стачечного движения падает на конец этого десятилетия. В 1878 г. в Петербурге происходила знаменитая стачка на Новой бумагопрядильне. Однако борьба все еще носила оборонительный характер. Стачечное движение 70-х годов сыграло большую роль в развитии революционного рабочего движения, в деле организации рабочих.

Восьмидесятые годы в России ознаменовались промышленным кризисом. На заводах и фабриках скопилось громадное количество сырья и готовой продукции. К 1883 г. кризис охватил все отрасли промышленности. Разразившийся промышленный кризис резко ухудшил и без того тяжелое положение рабочих. Начались массовые увольнения рабочих, увеличение норм выработки, уменьшение заработной платы. Буржуазия пыталась все тяжести этого кризиса переложить на плечи рабочих.

Вслед за промышленным кризисом начался и аграрный. Голодное, обнищавшее крестьянство увеличивало громадную армию безработных, которая росла изо дня в день. Если ко всему этому еще прибавить жесточайшую политическую реакцию 80-х годов, то станет ясно, что обстановка для борьбы рабочего класса была чрезвычайно неблагоприятной.

Невыносимые условия жизни толкали рабочих на борьбу против своих угнетателей. 80-е годы явились новым этапом в развитии забастовочной борьбы рабочего класса. Только за первую половину 80-х годов, с 1880 по 1884 г., в неблагоприятных условиях промышленного кризиса имели место 145 выступлений рабочих.[35] За все это десятилетие, несмотря на жестокие репрессии, произошло 446 стачек и волнений.[36] Восьмидесятые годы открываются крупной забастовкой на Хлудовской мануфактуре, за которой в 1883 г. следует стачка на Вознесенской мануфактуре и ряд других серьезных выступлений рабочих.

Переломным моментом в стачечном движении 80-х годов явилась знаменитая стачка 1885 г. на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова в Орехово-Зуеве. События на Морозовской мануфактуре показали, что рабочий класс вырос в могучую силу, способную сокрушить все препятствия на своем пути. «Эта громадная стачка, — писал Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало,

[34] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

[35] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, стр. 56.

[36] История Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1959, стр. 26.

что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования».[37]

Морозовская стачка происходила под руководством рабочих-вожаков, выдвинутых самой массой из своей среды. Среди руководителей Морозовской стачки были бывшие петербургские рабочие Петр Моисеенко, Лука Иванов, Василий Волков — участники петербургских стачек 70-х годов, активные члены «Северного союза русских рабочих». В результате этой стачки царское правительство вынуждено было в 1886 г. издать закон о штрафах, несколько ограничивавший произвол капиталистов.

В. И. Ленин, характеризуя фабричное законодательство, показал истинную цену правительственных мер. Правительство, писал Ленин, «старалось оставить лазейки фабрикантам, задержать введение новых правил, отжилить у рабочих, что только можно из их требований».[38] Эти указания еще раз подчеркивают ошибочность утверждений некоторых историков о том, что после Морозовской стачки и особенно в связи с законом о штрафах рабочее движение идет на убыль.[39]

Морозовская стачка способствовала дальнейшему размаху стачечной борьбы в России, росту ее организованности. В 1885—1886 гг. происходят волнения рабочих в Московской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Ярославской и других губерниях России.

80-е годы и в Петербурге отмечены рядом крупных забастовок. Петербургская промышленность занимала ведущее место в промышленности России и по количеству и разнообразию выпускаемой продукции, и по уровню технической оснащенности предприятий.

Петербургский пролетариат, в особенности рабочие фабрично-заводских предприятий, был наиболее крупным и организованным отрядом российского пролетариата.

Промышленный кризис 80-х годов больно ударил по петербургским рабочим, началась волна забастовок. В Петербурге в течение 1880—1889 гг. имели место 36 стачек. Металлисты в этот период продолжают бороться в первых рядах, они дают 50% всех стачек; 41,7% общего числа стачек дают текстильщики. Стачечная борьба развертывается главным образом на крупных предприятиях. В 1880 г. поднялись рабочие Александровского механического завода, забастовка окончилась победой рабочих. В 1882 г. бастовали рабочие Обуховского завода, и эта забастовка окончилась удовлетворением требований рабочих. Даже скудные официальные данные говорят о нарастании стачечной борьбы. Так, в 1882 г. в Петербурге прошло 5 забастовок, в 1883 г. — 6 забастовок, в 1884 г. — 8 забастовок.[40] Росло также и количество рабочих, втянутых в борьбу. В 1885 г. разразилась стачка 2000 рабочих на Путиловском заводе, которая окончилась победой рабочих.

Особенно бурный характер в этот период носили стачки на предприятиях текстильной промышленности Петербурга. Но они, как правило, заканчивались поражением рабочих. В 1884 г. прекратили работу 800 рабочих Екатерингофской бумагопрядильной фабрики — администрация уволила всех бастовавших. В 1886 г. бастовали рабочие трех крупнейших текстильных фабрик (Паля, Петровской и Спасской фабрик Максвеля), насчитывавших свыше 5000 рабочих. Борьба была прекращена после вмешательства правительства, применившего военную силу. Эта стачка была крупнейшей из тогдашних стачек, она многому научила ткачей, сплотила их. В 1887 г. рабочие Спасской и Петровской мануфактур опять поднялись на борьбу.

Стачки 80-х годов все еще оставались стихийными, они все еще носили оборонительный характер. Главной причиной стачек и волнений оставалась борьба против штрафов, снижения заработной платы, массовых увольнений и т. д. Стачечное движение 80-х годов, несмотря на значительный рост, продолжало оставаться «раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени».[41] Необходимо было внести социалистическое сознание в стихийное рабочее движение.

Размах стачечной борьбы 80-х годов оказал большое влияние на возникновение и деятельность первых марксистских групп и кружков в России. Но до соединения социал-демократии с рабочим движением было еще далеко. Начало этому соединению было положено только в конце следующего десятилетия и связано оно с именем В. И. Ленина.

90-е годы, знаменовавшие собой промышленный подъем, создали благоприятные условия для дальнейшей борьбы рабочего класса. С 1890 по 1895 г. имели место 232 стачки, в которых участвовало около 158 тыс. рабочих.[42] Это колоссально возросшее рабочее движение настоятельно требовало руководства. Необходимо было превратить его в сознательное, организованное движение масс, в целеустремленное политиче-

---

[37] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 23.

[38] Там же, стр. 249.

[39] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 1, стр. 9—10.

[40] С. Н. Валк. Рабочее движение в Петербурге в 80-х и начале 90-х годов и первые социал-демократические группы. Очерки истории Ленинграда, т. II, стр. 366—367. Э. А. Корольчук указывает, что в 1883 г. было 12 выступлений рабочих, в 1884 г. рабочие Петербурга также выступили 12 раз.

[41] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236.

[42] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 1, стр. 79.

ское движение пролетариата против существующего строя. «... Рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение. Произошло это оттого, что характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла... А эти передовые рабочие были социал-демократами... ...*Слияние* передовых рабочих с социал-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии».[43]

В России в течение длительного времени, вплоть до 90-х годов XIX столетия, рабочее движение и социализм существовали раздельно. «Во всех странах, — указывал В. И. Ленин, — был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения... Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени».[44]

В 70—80-х годах прошлого столетия в освободительном движении России еще преобладала народническая мелкобуржуазная идеология. Даже в 90-е годы остатки народничества, прошедшего эволюцию от революционного до либерального течения, упорно сопротивлялись распространению марксизма в России, мешали организации рабочего класса. Марксизм в России мог вырасти и окрепнуть, лишь преодолев утопический крестьянский социализм, лишь в борьбе с народничеством, реакционные теории которого и вредная тактика индивидуального террора тормозили развитие массового революционного движения.

Развитие капитализма в России, рост рабочего движения и создание первых рабочих организаций подготовили почву для распространения марксизма в России. В. И. Ленин писал, что «рост капитализма и обострение борьбы классов внутри капиталистического общества служили лучшей агитацией за идеи пролетарского социализма».[45] Отдельные произведения К. Маркса и Ф. Энгельса были известны в России уже в конце 40-х годов. Так, члены кружка Белинского познакомились со статьями Маркса в «Deutsch-Französische Jahrbücher». Однако влияние идей Маркса и Энгельса в 40—50-х годах на общественную мысль в России было еще весьма

[43] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 238—239.
[44] Там же, стр. 343.
[45] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 407.

ограниченным. С произведениями Маркса и Энгельса знакомились революционные мыслители того времени — Белинский, Герцен, Огарев и другие, читали работы Маркса такие представители русского общества, как Анненков, Боткин. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, — говорил Ленин, — передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом" Европы и Америки в этой области».[46]

Уже в 70-х годах отдельные произведения марксизма становятся достоянием группы передовых рабочих. Это было связано с ростом фабрично-заводского пролетариата и началом его политического пробуждения.

В 60-х годах в Петербурге в «Современнике» появилась статья Н. В. Шелгунова, в которой излагались идеи книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В этой же статье Шелгунов познакомил русского читателя с положением французских рабочих. В ряде других своих статей Шелгунов писал о социализме и рабочем движении. Статьи Шелгунова читались передовыми рабочими. Свое благодарное отношение к нему и его литературному труду они изложили в адресе, который в 1891 г. преподнесли больному писателю.[47]

В 1869 г. на русском языке появился «Манифест Коммунистической партии», а через три года, в 1872 г., был переведен первый том «Капитала». Изданная тиражом в три тысячи экземпляров работа К. Маркса очень быстро разошлась. Появление «Капитала» и других работ К. Маркса на русском языке послужило толчком для дальнейшего распространения марксизма в России.

В 1871 г. была опубликована работа профессора Киевского университета Н. И. Зибера, в которой излагались основы экономической теории К. Маркса. Маркс высоко оценил эту работу. Он писал: «При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения».[48] В 1872 г. в пятом номере «Вестника Европы» была помещена статья под названием «Точка зрения политико-экономической критики К. Маркса», где излагался диалектический метод Маркса. Автором статьи был профессор Петербургского университета И. И. Кауфман. Заметка была оценена Марксом

[46] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.
[47] Адрес петербургских рабочих Н. В. Шелгунову (Приложение к статье В. С. Голубева «Страничка из истории рабочего движения»). «Былое», 1906, № 12, стр. 120; «Красный архив», 1924, т. VI, стр. 261; «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, стр. 129—130.
[48] К. Маркс. Капитал, т. I. М., Госполитиздат, 1952. Послесловие к 2-му изд., стр. 14.

как одно из лучших изложений диалектического метода.[49] Люди, впервые переводившие Маркса на русский язык, не были марксистами, не были марксистами и те, кто в 60-х, а затем и 70-х годах в своих трудах, издававшихся на русском языке, излагали идеи Маркса и Энгельса.

Начало распространения марксизма в России связано с деятельностью группы «Освобождение труда» и первых социал-демократических кружков. С первых же шагов своего возникновения в России марксизму пришлось выдержать жестокую борьбу с народничеством, являвшимся главным идейным врагом на пути его распространения. Марксизм должен был, писал Ленин, «с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути».[50] Группа «Освобождение труда» нанесла первый серьезный удар по народничеству, выступив в защиту марксизма.

25 сентября 1883 г. бывшие члены группы «Черный передел» объявили об образовании новой группы «Освобождение труда». В эту первую русскую марксистскую социал-демократическую организацию вошли Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. И. Игнатов. Будучи связаны с русским освободительным движением, они после долгих колебаний под влиянием роста западноевропейского рабочего движения и знакомства с трудами К. Маркса и Ф. Энгельса совершили переход от народничества к марксизму. Большое влияние оказало на них все предшествующее развитие передовой русской общественной мысли и обнаружившаяся к тому времени полная теоретическая и практическая несостоятельность господствовавших в России народнических направлений.

С отдельными произведениями К. Маркса Плеханов и другие члены группы познакомились еще в 70-х годах. Однако переход Плеханова на марксистские позиции завершился в эмиграции в 1880—1883 гг., когда он и его товарищи ближе познакомились с западноевропейским рабочим движением и трудами основоположников марксизма. «Лично о себе могу сказать, — писал Плеханов впоследствии, — что чтение «Коммунистического Манифеста» составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен «Манифестом» и тотчас же решил его перевести на русский язык».[51]

Глубокое изложение марксистских воззрений и их применение к России были даны в первых программных работах Плеханова и двух проектах программы, разработанных группой «Освобождение труда».

Г. В. Плеханов так сформулировал задачи, которые поставила перед собой группа «Освобождение труда»:

[49] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 493—494, примечание 36.
[50] В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 17.
[51] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIV, стр. 178—179.

1) Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки и 2) критика господствующих в среде наших революционеров учений и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.[52]

Задача, которую взяли на себя первые русские социал-демократы, была нелегкой, так как влияние «Народной воли» на революционную молодежь было еще велико, а рабочее движение только зарождалось.

Деятельность группы «Освобождение труда» выразилась главным образом в литературной пропаганде марксизма. В Женеве было организовано издание как оригинальных трудов членов группы, так и переводов работ Маркса и Энгельса. Исключительно много внимания в своих первых изданиях группа уделяла критике народнической идеологии.

Работы Плеханова — «Социализм и политическая борьба», отправленная в Россию в 1883 г., и «Наши разногласия», опубликованная в 1885 г., — сыграли выдающуюся роль в борьбе с народничеством, в деле распространения марксизма в России.

В своих работах Г. В. Плеханов изложил основные идеи марксизма, показал применимость их к условиям России, доказал несостоятельность и утопичность теорий народников, подверг критике их положения об особых судьбах России, показал, что капитализм в России уже развивается, что нарождающийся пролетариат является ведущей силой в революционной борьбе.

Г. В. Плеханов в своих работах, как отмечал В. И. Ленин, «указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма».[53] Символом веры русского социализма назвал В. И. Ленин работу Плеханова «Социализм и политическая борьба». Высокую оценку работе «Наши разногласия» дал в свое время Ф. Энгельс.[54]

Острой и действенной была плехановская критика народничества, однако в своей критике Г. В. Плеханов не увидел революционные, общедемократические черты народничества 70-х годов. Справедливо критикуя субъективно-идеалистическую социологию народников, Плеханов не вскрыл социальные корни этого движения, не сумел, как это сделал

[52] Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 22—23.
[53] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 242.
[54] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 309.

В. И. Ленин, отделить «старое» народничество 70-х годов от «нового» либерального народничества 90-х годов. Глубокая всесторонняя оценка народничества, задача окончательного разгрома либерального народничества и создание партии нового типа была разрешена только В. И. Лениным.

В 1892 г. Плеханов опубликовал брошюру «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», в которой, вскрывая объективный ход исторического процесса, показал роль русского рабочего класса как могильщика царизма.[55]

В 1895 г. Плеханову удалось легально издать в России работу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», на которой, по словам В. И. Ленина, «воспитывалось целое поколение русских марксистов».[56]

Оценивая труды Плеханова по философии, В. И. Ленин в 1921 г. писал: «... уместным мне кажется заметить для молодых членов партии, что *нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».[57]

Плеханов в своих трудах неоднократно подчеркивал огромное значение революционной теории для рабочего движения. «Ведь без революционной теории, — писал Плеханов, — нет революционного движения, в истинном смысле этого слова... Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире».[58]

Труды Плеханова сыграли большую роль в деле разработки теории русской социал-демократии, в борьбе против оппортунизма разного толка. «Его личные заслуги громадны в прошлом, — писал В. И. Ленин. — За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников».[59]

Наряду с трудами Г. В. Плеханова в серии книг, издаваемой группой «Освобождение труда» под общим названием «Библиотека современного социализма», в сборнике «Социал-демократ» (4 сборника), а также в «Серии популярных брошюр для рабочих», были опубликованы труды и других членов группы «Освобождение труда». Особенно важное значение имело то, что члены группы переводили на русский язык, издавали и распространяли в России труды К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ряд произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в переводе на русский язык был издан в России еще до основания группы

[55] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 384.
[56] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 243.
[57] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 73.
[58] Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 71.
[59] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 333.

«Освобождение труда» — в 70-х и начале 80-х годов. В начале 80-х годов переводом работ Маркса и Энгельса занималось «Общество переводчиков и издателей», организованное передовым московским студенчеством. Этим «Обществом» были переведены и изданы: «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» (под названием «Социализм научный и социализм утопический»), «Анти-Дюринг», «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Издания «Общества переводчиков и издателей» распространялись среди революционных организаций Центральной России, Украины и других мест.

Известно, что между «Обществом переводчиков и издателей» и возникшей группой «Освобождение труда» начали устанавливаться связи, которые, однако, были вскоре прерваны. Властям удалось выявить и разгромить московское «Общество», которое так и не сумело широко развить свою деятельность.

Главная заслуга в переводе и распространении трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в России принадлежит несомненно группе «Освобождение труда».

В издании группы «Освобождение труда» вышли работы: в 1883 г. К. Маркса «Наемный труд и капитал», в 1884 г. Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» («Развитие социализма от утопии к науке»), в 1885 г. К. Маркса «Речь о свободе торговли» в переводе Г. Плеханова, в 1886 г. К. Маркса «Нищета философии», в 1892 г. Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и др.

Энгельс высоко ценил кропотливую и трудную работу по переводам произведений Маркса. «Для меня и для дочерей Маркса, — писал он, — будет праздником тот день, когда появится на свет «Нищета философии» в русском переводе».[60] Энгельса радовали сообщения о распространении в России теории научного социализма. Он писал В. Засулич: «То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, нашла себе убежище в России».[61] Энгельс приветствовал появление новых работ членов группы «Освобождение труда». Получив журнал «Социал-демократ», он писал Засулич: «... предвкушаю большое удовольствие от чтения Вашей статьи и статей Плеханова».[62] Он и сам принимал участие в изданиях группы «Осво-

[60] Письмо Энгельса В. И. Засулич 6 марта 1884 г. См. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 305.
[61] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 305.
[62] Там же, стр. 314.

бождение труда» и рекомендовал членам группы участвовать в изданиях немецкой социал-демократической партии.[63]

Группа «Освобождение труда» установила связи с рядом руководителей социал-демократических партий Германии, Франции, Англии — с К. Либкнехтом, К. Цеткин, А. Бебелем, П. Лафаргом и другими и вела с ними оживленную переписку.[64]

В 1889 г. на Первом конгрессе II Интернационала Плеханов, представляя русскую социал-демократию, выступил с речью. Он присутствовал и на Втором конгрессе Интернационала, а на Третьем конгрессе он выступал в качестве докладчика. Так было положено начало связям русской социал-демократии с международным рабочим движением.

Важными документами группы «Освобождение труда» являются проекты ее программы. Второй проект программы, изданный в 1888 г. несомненно является шагом вперед в развитии социал-демократического мировоззрения.[65]

Программа группы «Освобождение труда» утверждала, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», что пролетариат является единственным и самостоятельным борцом за социализм, что «коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений». Важнейшей задачей пролетариата России Плеханов и его группа считали создание партии пролетариата. «Русские социал-демократы считают, — говорится во втором проекте программы, — первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии».[66]

В программе группы «Освобождение труда» указывалось на необходимость борьбы за свержение царского самодержавия, борьбы за политическую свободу, за осуществление всеобщего избирательного права, за свободу слова, печати, совести, за всеобщее и обязательное образование и т. д.

Программа выдвигала и ряд конкретных экономических требований в интересах рабочих и крестьян.

Говоря о программе группы «Освобождение труда», В. И. Ленин подчеркивал, что в ней были точно сформулированы два основные положения русской социал-демократии: во-первых, что сущность ее в организации классовой борьбы пролетариата с целью завоевания политической власти, передачи всех средств в руки всего общества и замены капиталистического производства социалистическим, и во-вторых, что задачей русских социал-демократов является создание рабочей революционной партии, ближайшей целью которой должно быть уничтожение самодержавия, завоевание политической свободы.[67]

Ф. Энгельс высоко оценил деятельность группы «Освобождение труда». Он писал: «. . .я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».[68]

Однако у Плеханова и группы «Освобождение труда» имелись существенные ошибки. Одной из серьезнейших теоретических ошибок группы являлась недооценка роли крестьянства как союзника пролетариата. Плеханов считал, что «пролетарий и „мужичок" — это политические антиподы».[69] Неправильно оценивалась группой «Освобождение труда» и роль буржуазии. Плеханов писал, что «кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные силы или революционные комбинации».[70] Выступая за необходимость демократической революции, Плеханов вместе с тем неправильно представлял расстановку классовых сил: недооценивал крестьянство и переоценивал буржуазию.

Плеханов и группа «Освобождение труда» не отрешились и от лассальянства, от народнических установок, в частности, в их программе еще отдается дань индивидуальному террору, говорится о государственной помощи призводительным ассоциациям, выдвигается ошибочное требование прямого народного представительства и др. Однако, несмотря на ряд серьезных ошибок, группа «Освобождение труда» нанесла серьезный удар народничеству и сыграла большую роль в деле распространения марксизма в России.

В. И. Ленин, критикуя ошибки Плеханова, одновременно указывал на большую заслугу группы «Освобождение труда» по распространению марксизма в России и борьбе с народничеством. Ленин писал: «Плеханов подверг ее (народническую теорию — *Р. К.*) беспощадной критике в своих сочинениях: „Социализм и политическая борьба" (1883 г.) и „Наши раз-

---

[63] Там же, стр. 322.

[64] Сб. «Группа Освобождение труда», № 3. *М. — Л.*, ГИЗ, 1925, стр. 245—258.

[65] Г. В. Плеханов. Соч. т. II, стр. 400—404. — Второй проект программы впервые напечатан как приложение к брюшюре «Чего хотят социал-демократы?» (Женева, 1888).

[66] Там же, стр. 400—404.

[67] См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 262.

[68] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 309.

[69] Г. В. Плеханов. Соч., т. III, стр. 386.

[70] Там же, стр. 119.

ногласия" (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма».[71]

Указывая на ряд ошибочных положений, В. И. Ленин все же считал программу группы «Освобождение труда» стоящей на уровне современной социал-демократическй теории.[72] Она была более выдержана в марксистском духе, чем программы других западноевропейских рабочих партий.

Программа группы «Освобождение труда» и в особенности работы Плеханова явились острым оружием в руках русских социал-демократов, они оказали большое влияние на деятелей первых марксистских кружков. Давая высокую оценку программе и всей деятельности группы «Освобождение труда», Ленин писал, что «группа ,,Освобождение труда" лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению».[73] Деятельность группы «Освобождение труда» и первых марксистских кружков и групп в России означала, что марксизм стал течением русской общественной и революционной мысли.[74]

Идеи марксизма, преодолевая все трудности, проникали в Россию, завоевывая на свою сторону все новых и новых сторонников. Однако задача окончательного разгрома народничества, соединения социализма с рабочим движением, создания партии нового типа была разрешена только В. И. Лениным.

Одновременно с группой «Освобождение труда», созданной за границей, в России в 80-е и 90-е годы появились первые социал-демократические организации, сыгравшие большую роль в деле воспитания передовых рабочих, в деле распространения марксизма. Марксистские кружки были созданы в Петербурге, Москве, Казани, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде, Риге, Вильно, Ростове-на-Дону и других городах. Теоретическим выразителем этого движения была группа «Освобождение труда». Важнейшую роль в движении революционной мысли от народничества к марксизму сыграло нарастание борьбы российского пролетариата.

В 1883 г. в Петербурге возникла социал-демократическая группа «Партия русских социал-демократов».[75] Одним из ее организаторов явился студент С.-Петербургского университета болгарин Д. Благоев, впоследствии основатель и вождь

[71] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 242.
[72] См. В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 211.
[73] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 255.
[74] История Коммунистической партии Советского Союза, стр. 25.
[75] Возникновению и деятельности группы Д. Благоева посвящены работы: Н. Л. Сергиевский. Партия русских социал-демократов. Л., 1929; С. Овсянникова. Группа Благоева. М., 1959.

Коммунистической партии Болгарии. Эта организация, объединившая студентов Университета, Технологического и Лесного институтов создала значительное по тем временам количество рабочих кружков, преимущественно на крупных заводах. Рабочие кружки, в которых вели пропаганду благоевцы, были созданы за Невской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове, на Петербургской стороне. Основной деятельностью «Партии русских социал-демократов» была пропаганда среди фабрично-заводских рабочих. Для своей пропагандистской работы, для обслуживания кружков благоевцы создали несколько районных библиотек-летучек с подбором соответствующей литературы.[76]

«Партия русских социал-демократов» сделала попытку издавать свой печатный орган. Ей удалось организовать свою типографию и выпустить два номера газеты под названием «Рабочий». Третий номер «Рабочего» был также подготовлен, но начавшиеся аресты и конфискация типографии прервали работу по изданию газеты.

Группа Благоева выработала проект программы, который послала группе «Освобождение труда» с просьбой подвергнуть его обсуждению и критике. Несмотря на наличие элементов лассальянства и народничества, программа благоевцев признавала неизбежность развития в России капитализма, рабочий класс определялся как главная революционная сила, признавалась необходимость политической борьбы. Программа «Партии русских социал-демократов» подчеркивала необходимость создания самостоятельной рабочей политической партии, равенство наций. В программе говорилось об общенародной революции рабочих и крестьян как основном методе борьбы.

В своем письме к группе «Освобождение труда» благоевцы писали: «Прежде окончательной формулировки нашей программы, мы нашли нужным представить проект программы на рассмотрение своих единомышленников в других городах России, а также выяснить отношение к нашим взглядам заграничных сотоварищей по революционному делу».[77]

Группа «Освобождение труда» откликнулась на обращение «Партии русских социал-демократов». Плеханов и Аксельрод прислали свои статьи для второго номера газеты «Рабочий», отправили значительный транспорт литературы, подвергли критике полученный проект программы благоевцев. В результате этих связей «Партия русских социал-демократов» приняла программу группы «Освобождение труда».

«Партия русских социал-демократов» просуществовала до

[76] Д. Благоев. Мои воспоминания. М.—Л., 1928, стр. 40; ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1885 г., д. 100, лл. 144, 147.
[77] Программа первого в России с.-д. кружка. «Былое», 1918, № 13, стр. 51.

1887 г., когда после ряда провалов и арестов была разгромлена.

Значение группы Благоева заключается в том, что это была первая организация в России, провозгласившая свою принадлежность к социал-демократизму. Большое значение имели ее попытки выработать программу и тактику, отличные от народнических, ее теоретические труды, издание первой рабочей газеты. Благоевцы не были связаны с рабочим движением, но создание ими ряда рабочих кружков и вся их деятельность сыграла положительную историческую роль в деле пропаганды марксизма в России.

Вслед за «Партией русских социал-демократов» в 1885—1886 гг. в Петербурге возникает другая социал-демократическая организация: «Товарищество санкт-петербургских мастеровых», продолжившая пропаганду марксизма среди питерского пролетариата. Организатором возникшей группы явился Павел Варфоломеевич Точисский.

В 80-е годы социал-демократические кружки и группы возникают в целом ряде городов царской России. Во второй половине этого десятилетия в Казани возник кружок Н. Е. Федосеева,[78] в котором принимал участие В. И. Ленин. В Харькове в 1882 году Ювеналий Мельников организует социал-демократическую группу. Когда правительство выслало Мельникова в Киев, он и там создает социал-демократическую организацию. В Ростове-на-Дону Мотовилов организует социал-демократический кружок, с которым пытается установить связь Ю. Мельников. В конце 80-х годов в Петербурге создается социал-демократическая организация, одним из основателей которой являлся М. И. Бруснев.

* *
*

80-е и начало 90-х годов были тем периодом, когда в России создаются первые социал-демократические кружки и группы, сыгравшие большую роль в деле воспитания передовых рабочих, в изучении и распространении марксизма. Первые марксистские кружки и группы внесли свой вклад в дело создания условий для перехода ко второму этапу в развитии российской социал-демократии, для создания ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», положившего начало соединению социализма с рабочим движением.

[78] См. А. М. Валеев. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952 г.; С. Щепров. Выдающийся революционер Н. Е. Федосеев. М., Госполитиздат, 1958; Н. Федосеев. Статьи и письма. М., Госполитиздат, 1958.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ТОВАРИЩЕСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ МАСТЕРОВЫХ (ГРУППА ТОЧИССКОГО)

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ТОВАРИЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ МАСТЕРОВЫХ»

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» — одна из первых социал-демократических организаций России возникла во второй половине 80-х годов прошлого столетия в Петербурге. Начало существованию «Товарищества» положило первое организационное собрание, созванное его руководителем П. В. Точисским осенью 1886 г. На этом собрании был утвержден устав и принято новое название организации — «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Это знаменательное в жизни кружка собрание подвело итог предшествующей большой организационной работе Точисского и его ближайших помощников по созданию группы.

Еще в январе 1885 г. Точисский и Лазарев, работавшие на заводах Петербурга, установили связи с передовыми рабочими ряда предприятий за Невской заставой — на заводах Берда, Штритера и других, на Васильевском острове — на фабрике Лаферм, на Выборгской стороне — в Артиллерийском арсенале. Стремясь расширить связи с рабочими, они стали посещать ремесленное училище.

Точисский через свою сестру Марию, занимавшуюся на Высших женских курсах, привлек к делу создания организации нескольких революционно настроенных слушательниц этих курсов. К лету 1885 г. у Точисского уже созрел план кружка, целью которого должно было явиться поднятие умственного и культурного уровня рабочих,[1] а к осени 1885 г. он подобрал небольшую группу — ядро будущего кружка, состоявшее из нескольких рабочих и учащейся молодежи. Всех их объеди-

[1] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 326.

няла ненависть к существующему в России строю. Эта группа революционно настроенных рабочих и учащихся и явилась учредителями «Товарищества».

Таким образом, «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» фактически возникло примерно за год до первого организационного собрания группы. Официальной же датой возникновения организации следует считать осень 1886 г., когда состоялось собрание, положившее начало существованию «Товарищества».

С первых шагов своего возникновения группа Точисского отличалась от предшествующих социал-демократических организаций, в том числе и от группы Благоева, которые возникали как студенческие кружки, устанавливавшие затем связи с рабочими. Точисский же начал создавать свою группу с привлечения передовых рабочих, а часть интеллигентов, составивших ее ядро, и сам ее организатор стали рабочими.

Некоторое, хотя далеко не полное, представление о составе организации дают архивные материалы Департамента полиции, относящиеся ко времени разгрома «Товарищества», т. е. к 1888 г. В заключении прокурора санкт-петербургской судебной палаты, а также в «Докладе» по делу обвиняемых перечисляются следующие члены организации: Павел Точисский, братья Брейтфусы — Людвиг, Генрих (Андрей) и Эдуард, Дмитрий Лазарев, Мария Точисская, Любовь Аркадакская, Иван Шалаевский, Вера Лазарева, Елизавета Данилова, рабочие Нил Васильев; «Клим», «Семеныч» и «Фомич».[2] Личность последних дознанием не была выяснена. Многократные допросы обвиняемых о тех, кто скрывался за этими кличками, не дали результатов. Обвиняемые отказывались отвечать на эти вопросы, оберегая рабочий состав организации от арестов. Приведенный список участников организации далеко не раскрывает ни количественного состава кружка, ни тем более его довольно значительного рабочего состава. В списке привлеченных к дознанию указана только небольшая группа, ядро учредителей «Товарищества», главным образом его интеллигентская часть.

Организаторы «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» стремились связаться с рабочими разных районов Петербурга и привлечь их в состав кружка. Еще в период становления организации, зимой 1885 г., Точисский установил прочные связи с рабочими Невской заставы. Связь с рабочими этого района облегчалась тем, что он сам и Дмитрий Лазарев работали на одном из предприятий Невской заставы. Знакомились они с рабочими и в ремесленном училище, в котором оба учились. Была установлена связь с рабочими, посещавшими воскресную школу за Невской заставой.

---

[2] ЦГИАМ, ф. ДП., 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. 1, лл. 1, 46; ЦГИАЛ, ф. 1405, 1888 г., оп. 89, д. 11129, л. 115; Доклад Департамента полиции министру внутренних дел. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 344, 371.

Первым в «Товарищество» вступил рабочий Арсенала Нил Васильев. В кружке он был известен только под именем Нил.[3] Васильев был довольно развитым рабочим, но находился еще под влиянием народников. Есть предположение, что он знал Кравчинского, работавшего в Арсенале в 1872 г. Дома у него собирались рабочие (в основном пожилые), в какой-то мере разделявшие еще народнические взгляды. В этом кружке Васильев вел пропаганду. П. Точисский, борясь с народническими идеями, не одобрял взгляды как самого Васильева, так и членов его кружка. По этой причине рабочие, входившие в кружок Васильева, в «Товарищество» привлечены не были. Только Н. Васильев был его членом. Через него установили связи с рабочими как Арсенала, так и других заводов.

Кроме Нила Васильева, согласно материалам дознаний, в «Товарищество» входили и другие рабочие. Сопоставление отдельных высказываний и воспоминаний членов «Товарищества» дают возможность выяснить, кто из передовых рабочих Петербурга состоял членом, а кто примыкал или был связан с этой ранней социал-демократической организацией.

Членом «Товарищества» был Егор Афанасьевич Климанов (Афанасьев) — кузнец «Экспедиции заготовления государственных бумаг». Е. А. Климанов рано порвал связь с деревней, стал питерским рабочим и вырос в одного из передовых борцов за рабочее дело.

Еще подростком, работая в кузнице, он посещал вечерние классы технической школы. Известно, что Е. А. Климанов был связан с первой социал-демократической организацией Петербурга — «Партией русских социал-демократов», а после ее разгрома в 1886 г. вошел в «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» и стал одним из влиятельных его деятелей, пропагандистом марксизма. Вокруг Е. А. Климанова группировалась рабочая часть организации. Он был чутким, отзывчивым товарищем, человеком высоких моральных качеств и пользовался всеобщим уважением и любовью. Через Е. А. Климанова поддерживались связи с рабочими ряда заводов, и благодаря его влиянию многие питерские рабочие стали активными участниками «Товарищества». Такие рабочие, как В. Буянов, В. Шелгунов и другие нашли путь к революционной борьбе через Е. Климанова. Уже в то время он был принципиальным противником народничества, замечательным организатором рабочего движения 80—90-х годов. Умер Е. А. Климанов в 1918 г. коммунистом.

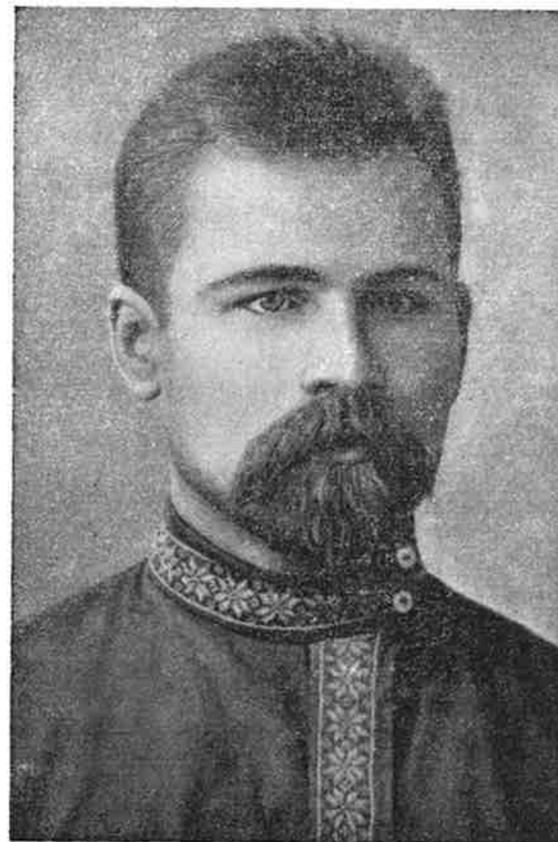
---

[3] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 335—336.

Данных о рабочем «Семеныче», которые помогли бы установить личность этого передового рабочего, очень мало. Однако известно, что он принимал активное участие в работе «Товарищества». «Семеныч», так же как и Е. А. Климанов, распространял среди рабочих литературу и поддерживал связи «Товарищества» с заводами. Сведений о том, где работал «Семеныч», где он жил, в сохранившихся материалах нет. Поэтому установить, с рабочими каких заводов поддерживались через него связи, невозможно. Для характеристики «Семеныча» имеется интересное замечание в письме за подписью «Л». Это письмо, посланное осенью 1888 г. Точисскому, было перлюстрировано полицией. Автор письма—член организации Л. Брейтфус, сообщая Точисскому о работе «Товарищества», писал, что «„Сем" и „Клим" (Е. А. Климанов. — *Р. К.*) с удвоенным рвением заботились прививать нашу идею к окружающей среде».[4] «Семеныча» Л. Брейтфус ставит в один ряд с выдающимся рабочим Климановым. Это указание также свидетельствует об активной пропагандистской работе «Семеныча» среди питерских рабочих. Хотя остается невыясненным, кто из рабочих носил эту конспиративную кличку, однако не подлежит сомнению, что он, как и Е. Климанов, принадлежал к группе передовых рабочих Петербурга, скромных героев рабочего движения. «Семеныч» — один из тех, кто отдавал свои силы, умение и знания за дело освобождения рабочего класса.

В состав «Товарищества» входил и рабочий Василий Андреевич Шелгунов, сыгравший большую революционную роль и в другой социал-демократической организации, в группе Бруснева, а затем и в ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В «Товарищество» В. А. Шелгунова ввел Е. А. Климанов. Зная В. Шелгунова по вечерней школе, которую оба посещали, Климанов сначала привлек его к участию в демонстрации в связи с похоронами Н. А. Некрасова, а затем познакомил его с Андреем Брейтфусом и рекомендовал принять в организацию.

В. Шелгунов прошел обычную для того времени «школу» передового рабочего. Вспоминая свою юность, он рассказывал, что еще мальчиком 13—14 лет, работая в Петербурге в переплетной мастерской, он впервые столкнулся с цензурой, с изъятием книг полицией и стал задумываться над тем, почему не все разрешается читать; с тех пор его интерес к «запрещенной» книге возрос. Первую нелегальную книгу Шелгунов получил от Климанова. «Смотри, чтобы не заметили», — шепнул рабочий, вручая ему «Слово на Великий Пяток».[5] За первой книгой последовали другие. Читали запрещенные книги небольшими группами в 3—4 человека, помогал понять прочитанное Климанов. В рабочем кружке В. Шелгунов

Василий Андреевич Шелгунов

впервые услышал о роли рабочего класса как ведущей силе в грядущей революции.

Всеми способами стремился Шелгунов пополнить свое образование: много читал, посещал вечернюю школу, ходил

---

[4] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 17; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 353. — Ю. З. Полевой считает, что кличку «Семеныч» носил рабочий Балтийского завода М. Стефаненков (см. Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., Изд. АН СССР, 1959 стр. 327).

[5] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2, стр. 90. — Э. А. Корольчук и Е. А. Соколова отмечают, что Шелгунов находился под влиянием П. В. Точисского (см. Хроника революционного рабочего движения в Петербурге, т. I. Л., 1940, стр. 135).

слушать публичные лекции, присутствовал на защите интересных диссертаций в Петербургском университете. Упорно работая над собой, В. Шелгунов стал одним из выдающихся пропагандистов и организаторов рабочих кружков. После разгрома «Товарищества», а затем и «группы Бруснева» Шелгунов был одним из тех, кому принадлежала заслуга в сплочении рабочего состава организации. Энергичный, жизнерадостный, убежденный революционер, Василий Шелгунов способствовал выработке классового сознания петербургских рабочих. Впоследствии В. И. Ленин специально занимался с ним, готовя его к самостоятельной работе организатора социал-демократа. Он отмечал, что В. Шелгунов являлся одним из передовых, выдающихся рабочих.[6] От первых социал-демократических кружков к «Союзу борьбы», от него к партии большевиков — таков славный путь Василия Андреевича Шелгунова. Он умер в 1939 г. членом Коммунистической партии.[7]

Членом «Товарищества» в последний период деятельности организации стал рабочий Балтийского завода И. И. Тимофеев. Через него «Товарищество» установило связи с рабочими не только Балтийского, но и других заводов. И. Тимофеев, как и Е. Климанов, «Семеныч» и другие, распространял среди рабочих революционную литературу. О нем его товарищи отзывались, как о личности незаурядной. Отличался он большой любознательностью, очень любил природу, интересовался естественными науками. И. И. Тимофеев обращал на себя внимание и своей начитанностью, серьезным отношением к делу.[8]

На Тимофеева руководители «Товарищества» возлагали большие надежды. Это видно хотя бы из перлюстрированного письма Л. Брейтфуса к П. Точисскому. Брейтфус писал, что с Балтийским заводом установили связи и что оттуда «можно ожидать большое сочувствие».[9] О том, что рабочий Тимофеев играл видную роль в «Товариществе», свидетельствует и тот факт, что после разгрома организации именно ему была передана библиотека «Товарищества». Впоследствии И. Тимофеев занимался в кружке пропагандиста — студента Технологического института Гурия Петровского, а затем вошел в группу Бруснева, куда и передал библиотеку «Товарищества».

Член «Товарищества» Василий Буянов был рабочим Путиловского завода. Девятнадцати лет он вступил в кружок рабочих, который находился под влиянием народников. В. Буянов старательно занимался в кружке. Однако работа на заводе, заводские порядки, сама жизнь наталкивали пытливого рабочего на мысль о необходимости бороться за свои права сообща, вместе с товарищами. После убийства Александра II Буянов, как и другие члены кружка, был арестован и выслан из Петербурга. Многое передумал, переоценил молодой рабочий. Растущее стачечное движение помогло Буянову понять непригодность террора как средства борьбы с существующим строем. В 1885 г. он возвратился на Путиловский завод, где встретился с Е. А. Климановым и вошел в кружок, связанный с «Товариществом санкт-петербургских мастеровых». Здесь В. Буянов услышал о рабочем классе как о революционной силе и понял, что освобождение от гнета — это дело рук самого пролетариата. Когда полиция разгромила «Товарищество», Буянов, сохранивший связи с Е. А. Климановым и В. А. Шелгуновым, в 1889 г. вступил в организацию Бруснева. В. Буянов выделялся среди товарищей своими организаторскими способностями, начитанностью, умелым подходом к рабочим. Поэтому вскоре он стал одним из пропагандистов рабочим. После ареста его рабочего кружка на Путиловском заводе. После ареста его в 1890 г. и вторичного ареста в 1891 г. Буянов в местах ссылки — в Туле и Костроме — не прекращал своей пропагандистской и организаторской деятельности среди пролетариата. В период революции 1905 г. он возвратился на Путиловский завод, и когда в Петербурге возник Совет рабочих депутатов, был послан туда депутатом от путиловских рабочих.

Совсем мало данных имеется о рабочем, члене «Товарищества», по прозвищу «Фомич». В показаниях обвиняемых это имя встречается, когда перечисляются участники собраний, когда называются члены тайного сообщества.[10] Из показаний Л. Брейтфуса следует, что рабочего «Фомича» принимали в члены «Товарищества» одновременно с его братом Эдуардом в феврале 1888 г. на собрании в деревне Кабловке. Н. Л. Сергиевский, говоря о составе кружка Точисского, упоминает молодого рабочего Александра Филимонова.[11] Вполне вероятно, что «Фомич» — это действительно А. Филимонов, так как он работал на Карточной фабрике за Невской заставой, где было распространено влияние «Товарищества».[12] Филимонов рано приобщился к кружковой работе. Он вступил в кружок передового рабочего Н. Богданова, который был близок к «Партии русских социал-демократов» (группа Благоева). Позднее Филимонов состоял членом

[6] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 225—226.

[7] ЦПА ИМЛ, ф. 124 (фонд старых большевиков и ветеранов революции), оп. 1, ед. хр. 2144, автобиография В. А. Шелгунова.

[8] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 337.

[9] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 17; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 354.

[10] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 18, 19 и др.; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 354, 355 и др.

[11] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 15.

[12] Ю. З. Полевой считает, что кличку «Фомич» носил рабочий Балтийского завода В. Фомин (см. Ю. З. Полевой, ук. соч., стр. 327).

группы Бруснева. Очевидно, он вошел в эту организацию после разгрома «Товарищества» вместе с другими рабочими, составлявшими его пролетарское ядро.

Имеются некоторые данные о работе в «Товариществе» и передового рабочего Петербурга, принимавшего участие еще в кружках народнического направления, Гавриила Мефодиева.[13] Связь Г. Мефодиева с кружком Точисского весьма возможна. По всей вероятности, Точисский использовал его, как и Н. Васильева и других, для связей с рабочими. Отсутствие достаточных данных о Мефодиеве объясняется конспирацией. Впоследствии Г. Мефодиев являлся одним из влиятельнейших членов социал-демократической группы Бруснева.

Все упомянутые рабочие — это только небольшая часть пролетариев, связанных с «Товариществом». Этот список далеко не полон, так как в нем отсутствуют данные о составе рабочих заводских кружков, среди которых велась пропаганда. Е. Климанов, В. Шелгунов, И. Тимофеев, В. Буянов и другие рабочие составляли руководящее ядро рабочей части организации. Именно они несли идеи «Товарищества» на фабрики и заводы Петербурга, где работали они сами и их товарищи-рабочие. Это люди, вышедшие из рабочей среды и тесно связанные с нею. Они хорошо знали жизнь рабочего люда, его чаяния и надежды. Отсюда их умение подойти к массе, влиять на нее, вести за собой.

Из состава интеллигентов членов «Товарищества» выделяется его организатор и руководитель П. В. Точисский. Павел Варфоломеевич Точисский родился в 1864 г. в Екатеринбурге (ныне г. Свердловск) в дворянской семье. Свою мать француженку-демократку Точисский любил, отца — полковника, начальника Екатеринбургской тюрьмы — ненавидел. Мать Точисского воспитала сына на революционных традициях, привила ему с детства любовь к республике, научила уважать борцов за свободу. Еще в раннем возрасте она познакомила его с биографиями Марата, Робеспьера, Дантона — деятелями французской революции. Детство, проведенное возле Екатеринбургской тюрьмы, арестанты, проходившие по этапу в Сибирь, произвели неизгладимое впечатление на мальчика. Он рано увидел человеческое горе и научился понимать человеческие страдания и несправедливость.

Сестра Точисского в своих воспоминаниях писала, что первые мысли о революционной борьбе возникли у Точисского под влиянием ссыльных.[14] Несомненно, что встречи его с про-

[13] Это утверждает Н. Л. Сергиевский. Эту же точку зрения разделяет Э. А. Корольчук и Е. А. Соколова (Хроника революционного движения в Петербурге, т. I, Л., 1941, стр. 135).

[14] М. Лебедева (Точисская). К биографии Точисского. Воспоминания сестры. «Историко-революционный сборник», т. III, 1926, стр. 296, 297.

ходившими через Екатеринбург ссыльными революционерами оказали огромное влияние на формирование его взглядов. Они-то и пробудили в нем критическую мысль и натолкнули на революционную стезю, с которой он не сходил в продолжение всей своей жизни до рокового выстрела, прекратившего жизнь в этой доброй, смелой и честной груди.[15]

Еще в гимназии в 1883 г. Точисский организовал кружок самообразования, куда вошли революционно настроенные

Павел Варфоломеевич Точисский

учащиеся. Сам П. Точисский, вспоминает его сестра, увлекался сочинениями Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, читал Флеровского, даже Оуэна и Лассаля.[16] Руководя кружком самообразования он знакомил с идеями этих произведений своих товарищей. В том же 1883 г. после столкновений с гимназическим начальством и с отцом он оставил гимназию, ушел из дому, порвав с семьей, и поступил чернорабочим на завод близ Нижнего Тагила, а затем в железнодорожные мастерские в Екатеринбурге. С этого момента судьба Точисского была определена. Он отдал себя целиком делу борьбы за освобождение рабочего класса. «Тяжелая жизнь и новые усло-

[15] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 324.

[16] Лебедева (Точисская.). К биографии Точисского. Воспоминания сестры. «Историко-революционный сборник», т. III, 1926, стр. 297.

вия тесно сблизили Точисского с его новыми товарищами», — вспоминает А. Брейтфус.[17]

В 1884 г. Точисский и его сестра Мария приехали в Петербург.[18] Здесь Точисский поступил на завод и одновременно начал учиться в ремесленном училище Русского технического общества возле Арсенала на Выборгской стороне. Тогда же Точисский установил первые связи с передовыми петербургскими рабочими и начал знакомиться с марксистской литературой; читал «Манифест Коммунистической партии», издания группы «Освобождение труда», работы Г. В. Плеханова — «Наши разногласия», «Современные задачи русских рабочих» и др.[19]

Постепенно формировались взгляды П. Точисского. Он становится сначала убежденным социал-демократом, а затем коммунистом.[20]

После разгрома в 1888 г. созданного им «Товарищества», Точисский, высланный из Петербурга, пытался объединить социал-демократические организации, для чего побывал в ряде городов: в Москве, Коломне, Нижнем Новгороде, Саратове, Тамбове. В 1888 г. в Екатеринославе (Днепропетровске), находясь под гласным надзором полиции, он вступил в местную социал-демократическую организацию. В 1898 г. П. Точисский, живя в Москве, участвовал в работе «Кружка интеллигентных пропагандистов». Затем последовали опять арест и высылка. На этот раз в Вологодскую губернию.

1905 г. застал Точисского в Москве, где он активно участвовал в революционной борьбе. Он стал одним из организаторов профсоюза техников, редактором журнала «Техник». После победы Великой Октябрьской социалистической революции, за которую Точисский боролся в рядах большевиков, он вел партийную работу на Урале, возглавив сначала большевистскую организацию на Белорецком заводе, а затем став председателем ревкома и военным комиссаром. Точисский до трагического конца своей жизни (он был убит в 1919 г. во время борьбы с контрреволюционным мятежом),

[17] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 325.

[18] Мария Точисская поступила на Высшие женские курсы, установила связи с революционно настроенными слушательницами этих курсов — Елизаветой Даниловой, Верой Лазаревой, Любовью Аркадакской, Юлией Беловой и познакомила их с братом. П. Точисский привлек их к делу создания кружка.

[19] О большом значении работы Г. В. Плеханова «Наши разногласия» для формирования марксистских взглядов П. Точисского пишет сестра Мария. — См. М. Лебедева (Точисская). К биографии Точисского. Воспоминания сестры. «Историко-революционный сборник», т. III, 1926, стр. 297, 298.

[20] Н. Л. Сергиевский, работавший над историей первых марксистских кружков в России, считал, что взгляды Точисского уже в то время были марксистскими.

несмотря на преследования, тюрьмы и ссылки, боролся за дело пролетариата. Он твердо прошел свой нелегкий путь профессионала-революционера, являясь одним из пионеров русской социал-демократии, отдавших свои силы и незаурядные способности делу пропаганды и организации пролетариата.

Одним из влиятельных членов «Товарищества» помощником Точисского был Дмитрий Лазарев. Он, как и Точисский, по происхождению не был рабочим. Не поступив в Высшее техническое училище, он пошел в ремесленное, стал рабочим и, встретившись с Точисским, вместе с ним работал над созданием организации «Товарищества», являясь одним из лучших его пропагандистов.

Рабочим стал и третий член организации Иван Шелаевский, хотя ранее думал учиться в Институте путей сообщения.

Организационная структура «Товарищества». «Товарищество» состояло из центрального ядра и кружков, организованных на заводах и фабриках почти всех районов Петербурга. Центральное ядро в свою очередь делилось на две части: рабочую и интеллигентскую. Все члены организации делились на действительных членов и членов-соревнователей или, иначе, пассивных членов.[21] Членов-соревнователей не посвящали в работу «Товарищества», хотя и знакомили с уставом кружка. Они не знали ни состава организации, ни места хранения библиотеки. Особенно тщательно скрывали от них формы связей с заводами. Члены-соревнователи помогали «Товариществу» в изыскании средств для нужд кружка: собирали пожертвования деньгами и книгами, устраивали лотереи, вечера и т. д.[22] Они платили членские взносы в размере 25 коп. в месяц, что составляло только часть членских взносов действительных членов.[23]

Между членами «Товарищества» существовало распределение обязанностей. Не все действительные члены в одинаковой мере были активны, не все выполняли ответственную работу. Руководил организацией избираемый общим собранием староста, в обязанности которого входило: сбор членских взносов, хранение устава, составление отчетов, проведение собраний членов организации.[24] Первым старостой «Товарищества» был его организатор Павел Точисский. Были

[21] А. Брейтфус в своих воспоминаниях называет следующих лиц, числившихся членами-соревнователями: Флегонт Волков (студент Военно-медицинской академии), Щербо, Вениамин Попов, Елисеев, Иван Тиханович, Василий Голубев, Петр Яковлев, Николай Игнатов, Юлия Белова (см. А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 331). К этим данным надо отнестись с большой осторожностью.

[22] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 332.

[23] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 50; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 374.

[24] Там же.

введены также выборные должности библиотекаря, заведующего «Ссудо-вспомогательной кассой» и заведующего «Кассой помощи политическим ссыльным и заключенным.»

Несмотря на необходимость строгой конспирации в работе организации, собрания ее членов созывались регулярно, раз в месяц, как этого требовал устав «Товарищества».

Вопросы, обсуждавшиеся на собраниях, касались всех сторон деятельности организации: прием новых членов, отчеты о денежных средствах организации и распределении сумм, деятельность библиотеки (приобретение новых книг, организация сбора книг), выдача ссуд и общее состояние касс. На собраниях ежемесячно обсуждались отчеты «должностных лиц», т. е. членов организации, ведавших определенным участком работы. Тот факт, что отчеты «должностных лиц» обсуждались на общих собраниях, свидетельствует о стремлении привлечь к активному участию в работе всех членов организации, о наличии известного контроля, проверки.

В связи с начавшейся полицейской слежкой и последующими высылками из Петербурга членов организации, «Товариществу» пришлось отказаться от ежемесячных общих собраний. Было принято решение созывать общие собрания раз в три месяца, а вопросы, требовавшие быстрого разрешения, рассматривать в рабочем порядке.

Вся ответственность за созыв собраний возлагалась на главу организации — старосту. Он должен был подготовить собрание, выработать повестку дня, оповестить всех членов организации и определить место сбора. Только благодаря той тщательности, с которой проводилась организационная подготовка собраний, ни одно из них, за исключением последнего, не было выслежено полицией и не было сорвано по «непредвиденным обстоятельствам». Собрания происходили в различных местах: в городе и за городом, на квартирах членов «Товарищества» и лиц, не принадлежащих к организации.

«Товарищество» просуществовало более двух лет, не будучи обнаружено полицией. Больше того, даже после арестов следствию не удалось выяснить всей деятельности организации, раскрыть всех участников кружка, особенно среди рабочих.[25] По существу, классовое, политическое лицо этой организации осталось нераскрытым. Объяснить это можно тем, что руководители «Товарищества» разработали целую систему конспиративных правил, соблюдения которых они требовали от всех членов «Товарищества».[26]

В целях конспирации все члены организации были наделены кличками. Настоятельно рекомендовалось пользоваться

[25] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 70; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 386—387.

[26] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 328.

кличками и при переписке. Выяснено, что кличку «Сентябрь» носил организатор кружка П. Точисский, сестра его Мария имела две клички — «Апроська» и «Дочка»; Елизавету Данилову звали «Солнышко», Людвига Брейтфуса — «Милая», Дмитрия Лазарева — «Момо», Эдуарда Брейтфуса — «Львов», Ивана Шалаевского — «Клад».[27] Рабочие члены «Товарищества» вообще были известны только под кличками, подлинных имен их не знало большинство членов интеллигентского состава организации.

Руководители тщательно оберегали рабочую часть кружка, временами прекращая даже встречи рабочих с интеллигентами. Особенно строго соблюдались правила конспирации, когда усиливалась полицейская слежка и начинались аресты. В это тревожное время все встречи, особенно передача книг, производились по установленному в организации плану, обычно на глухих улицах города. Андрей Брейтфус вспоминает, как ему приходилось по вечерам колесить по Фонтанке, около Коломенской части, где происходили встречи его с рабочими и передача им литературы. Брейтфус ходил справа налево, а рабочий, с которым он должен был встретиться, слева направо. Если при их встрече присутствовал прохожий, приходилось снова и снова описывать круги, пока не наступал благоприятный момент для передачи.[28]

Для характеристики своеобразных организационных форм группы Точисского может служить план сношений между членами организации. Этот план преследовал цель максимально обезопасить организацию от бдительного ока властей. Каждый член «Товарищества» мог сноситься только с двумя другими членами, причем порядок был такой, что через одного получались распоряжения для передачи другому, «бегать ко всем», ходить друг к другу строжайше запрещалось.

Руководители требовали безоговорочного подчинения правилам конспирации. Эти «драконовские меры» впоследствии были оценены членами организации: только благодаря строжайшей конспирации «Товарищество» могло осуществлять свою деятельность довольно значительное время. Этим же можно объяснить и тот факт, что перед «жандармским следствием» предстало лишь интеллигентское ядро организации, а рабочая часть «Товарищества» не подверглась репрессиям. Упоминаемый в жандармском дознании рабочий Нил Васильев скрылся и задержать его не удалось. У властей сложилось ложное представление о количественном составе организации и небольших размерах ее деятельности. Власти считали, что принятые меры пресечения не дали организации

[27] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 46; ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 89, 1888 г., д. 11129, л. 91. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 371.

[28] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 330.

развернуть преступную пропаганду.[29] Благодаря все той же конспирации удалось сохранить значительную часть библиотеки. Существо деятельности, характер «Товарищества» как революционной противоправительственной организации марксистского направления не были выяснены ни дознанием, ни следствием.

Следует отметить, что «Товарищество» крайне осмотрительно налаживало связи даже с рабочими и сугубо осторожно вербовало новых членов. Только после более близкого знакомства, повторных встреч, тщательной проверки решался вопрос о возможности привлечения данного человека в организацию. Одна из форм проверки пригодности того или иного рабочего или интеллигента для дела «Товарищества» состояла в том, что человека, которого имели в виду привлечь в кружок, приглашали на загородную прогулку. Точисский очень любил эти прогулки, вспоминает Брейтфус, и часто говаривал: «Развеет нас жизнь по разным краям России, но никакие края, никакие условия не вытравят из памяти моей эти прогулки».[30] На лоне природы, в необычной обстановке человек меньше всего думал о том, что его изучают, анализируют его поступки и высказывания. Он и не подозревал, что его проверяют. А вместе с тем на таких прогулках легче проявлялись качества человека, его хорошие и дурные стороны. В беседах и спорах определялись взгляды, характер человека, его пригодность к революционной пропагандистской работе. Бывали случаи, когда после такой прогулки организаторы «Товарищества» начинали сомневаться в искренности испытуемого и в организацию его не принимали.

Для знакомства, встреч и бесед с рабочими члены «Товарищества» посещали трактиры, чайные, эти своеобразные «рабочие клубы». Если беседа встречала сочувствие у рабочего, то с ним стремились снова встретиться. Встречи эти повторялись не один, а несколько раз. Повторные встречи служили для проверки первых впечатлений, которым не очень доверяли и на основе которых никогда не делали поспешных выводов. Только после более близкого знакомства, тщательной проверки решался вопрос о возможности привлечения испытуемого в организацию, о возможности посвятить его в работу «Товарищества».

Говоря о вербовке новых членов, следует указать еще на один очень существенный момент. Отрицательно относясь к народовольчеству и народничеству вообще, Точисский не рекомендовал другим и сам избегал вербовать в «Товарищество» рабочих, ранее находившихся под влиянием народников. Он считал, что такие рабочие, испорченные «революционным авантюризмом», не только не принесут пользы организации, а скорее нанесут вред. Поэтому члены организации предпочитали, как говорил Точисский, вербовать «свежих» товарищей, не тронутых и не «испорченных» народнической пропагандой.[31] Все же среди членов «Товарищества» были рабочие (Нил Васильев и Василий Буянов), которые ранее находились под влиянием народников. Близко к «Товариществу» стояли также народнически настроенный рабочий по кличке «Мурка» и газетчик Аникин. Однако последние в члены организации не были приняты. Их использовали лишь для установления связей, для знакомств с другими рабочими, но не во всем им доверяли. Всеми промахами Н. Васильева, Аникина и других Точисский пользовался для того, чтобы подчеркнуть, что их ошибки есть результат народнической пропаганды.[32]

Устав «Товарищества». «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» имело устав, принятый на собрании 1886 г., в котором были изложены организационные положения, принципы, структура и отчасти задачи общества.

Устав был выработан организатором «Товарищества» Павлом Точисским. Свое авторство Точисский признал на допросах во время следствия.[33] Об этом же говорили на допросах и другие члены организации.[34]

Основной целью организации, как указывалось в уставе, являлась борьба за поднятие материального положения и умственного развития рабочих. В уставе говорилось о средствах, какими члены «Товарищества» должны добиваться осуществления этих целей, а именно: через учреждение библиотеки и распространение литературы — повышать умственное развитие и нравственные качества рабочих; через организацию ссудо-вспомогательной кассы — улучшать их материальное положение.[35] Данные допросов обвиняемых подтверждают, что именно так были зафиксированы в уставе цели организации.[36]

---

29 ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I. л. 70; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 387.

30 А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1927, № 7, стр. 334.

31 Там же, стр. 328.

32 Там же.

33 ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 50; ЦГИАЛ, ф. 1405, 1888 г., оп. 89, д. 11129, л. 113; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 374.

34 ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 30, 34, 38; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 362, 364, 367.

35 ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 30, 38; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 362, 367.

36 В воспоминаниях А. Брейтфуса об уставе сказано: «К осени 1886 г. Точисским был выработан проект устава тайного общества, в котором говорилось: «Общество зиждется на основе поднятия интеллектуального и морального уровня рабочих путем: библиотек, чтений, кружков саморазвития и общений с революционной интеллигенцией». В нем говорилось об организации касс взаимопомощи, устройстве стачек и коллективных протестов против отдельных лиц, распоряжений, постановлений заводоуправлений и проч.» (см. А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 328).

Если судить только по этим материалам, то лицо организации выглядит довольно мирным и задачи не выходят за рамки тред-юнионистской организации. Однако другие материалы значительно дополняют и видоизменяют картину. Борьба за поднятие материального положения должна была проводиться, согласно уставу, не только через кассу, но и более действенными средствами, через «устройство стачек» и «коллективных протестов».[37] Борьба за поднятие культурного уровня, за развитие рабочих также не ограничивалась только распространением книг: устав рекомендовал организацию чтений, создание кружков саморазвития, пропагандистских кружков. Задачи, сформулированные в уставе «Товарищества», хотя и свидетельствуют о том, что организация в своей практической пропагандистской работе делала шаги по пути к социал-демократии, все же показывают недостаточную зрелость и идейную и теоретическую слабость его руководителей при определении программных установок рабочей организации.

Устав «Товарищества», принятый в первоначальном виде, несколько раз подвергался пересмотру. Первый раз П. Точисский предложил внести изменения в те положения устава, которые касались интеллигенции.[38] На общем собрании членов организации, состоявшемся в деревне Кабловке за Парголовом в феврале 1888 г., Точисский предложил отстранить интеллигентов от работы, исключить их из состава действительных членов «Товарищества» и допускать в организацию только в качестве членов-соревнователей. Это предложение вызвало протест со стороны всех присутствовавших на собрании. И интеллигенты и рабочие настаивали на необходимости принимать интеллигенцию в качестве действительных членов общества. Собрание не приняло никакого решения, но предложение Точисского было отклонено.

После бурного собрания в Кабловке члены организации неоднократно ставили вопрос о том, что рамки устава слишком узки. При этом они указывали на то, что пора шире привлекать рабочих к участию в работе «Товарищества», для чего следует ссудо-вспомогательную кассу сделать самостоятельным органом и предоставить возможность участвовать в ее работе всякому желающему рабочему, а не только члену организации. Этот путь, по мнению кружковцев, расширит базу для вовлечения новых членов в «Товарищество». Часть членов подвергла сомнению и необходимость иметь в составе «Товарищества» членов-соревнователей. Некоторые из них приходили к выводу, что наличие членов-соревнователей может повести не только к тому, что в «Товарищество» попадут нежелательные элементы, но также и к излишней огласке, к подрыву конспирации. Признавали также необходимым не ставить препятствий к участию интеллигенции в «Товариществе», не ограничивать доступ ее в организацию в качестве действительных членов.

[37] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 328.

[38] ЦГИАМ, ф. ДП, 3, д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 39; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 367.

В мае 1888 г. Людвиг Брейтфус, заменивший высланного из Петербурга П. Точисского на посту старосты кружка, предложил внести изменения в устав в соответствии с предложениями товарищей. На одном из очередных собраний опять встал вопрос об уставе. Собравшиеся высказались за изменение устава. Решение было принято.[39]

П. Точисский и Д. Лазарев находились в это время в ссылке в Житомире и ничего не знали о собраниях, где обсуждались изменения в уставе. После принятия решения Л. Брейтфус послал П. Точисскому письмо, в котором изложил все внесенные в устав изменения. Точисский и Лазарев были поставлены перед уже совершившимся фактом.[40]

Ознакомившись с видоизмененным уставов, П. Точисский и Д. Лазарев заявили о своем несогласии. Они утверждали, что изменения в уставе приведут к распаду «Товарищества», что широкий доступ интеллигенции ослабит организацию, ибо интеллигенция по своей сути не может быть заинтересована целями «Товарищества» в равной степени с рабочими. Находя, что изменения не соответствуют первоначальной цели «Товарищества», Точисский и Лазарев написали мотивированный протест, где изложили свое мнение. Этот протест они направили в Петербург. Интересно отметить, что отправили они его не старосте «Товарищества» Л. Брейтфусу и не кому-либо из других учредителей-интеллигентов, а обратились непосредственно к рабочему составу организации. Протест был направлен Е. А. Климанову, наиболее влиятельному рабочему, члену «Товарищества».[41]

Людвиг Брейтфус, извещенный о протесте Точисского и Лазарева, ответил им письмом, в котором, излагая положение дел в организации, критиковал взгляды Точисского и Лазарева и объяснял причины, вызвавшие необходимость изменения устава.[42] И действительно, изменения, внесенные в устав, диктовались той обстановкой, которая создалась в Петербурге. К этому времени поднялась довольно значительная волна стачечного движения. В 1886 г. на трех крупнейших

[39] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 18, 32, 35; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 354, 363, 365.

[40] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 40; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 368.

[41] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 18; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 355.

[42] Это письмо, посланное ценной посылкой из Дуббельса в Житомир на имя Точисского за подписью «Л», было перлюстрировано и предъявлялось на допросах как вещественное доказательство.

текстильных фабриках Петербурга происходили стачки: забастовали рабочие Паля, Петровской и Спасской фабрик. В 1887 г. рабочие-текстильщики опять возобновили борьбу. 1888 г. дал новую волну стачечного движения. Массовое стачечное движение не могло не оказать своего влияния на «Товарищество санкт-петербургских мастеровых». Руководящее ядро организации пришло к мысли о необходимости шире открыть двери в кружок. Этой цели и соответствовало решение о выделении кассы взаимопомощи и о приеме в нее не только членов организации.

Репрессии, аресты и ссылки, обрушившиеся на рабочих в связи со стачечной борьбой, сделали весьма актуальным вопрос об оказании помощи пострадавшим и их семьям. Это обстоятельство имело своим следствием решение о расширении деятельности и кассы помощи ссыльным и заключенным, которая была организована в результате обсуждений устава.

Таким образом, обстановка рабочего движения диктовала необходимость изменений в уставе. В этом отношении известный интерес представляет письмо Марии Точисской к Е. Даниловой, в котором она писала: «Наша компания, по всей вероятности, останется при последних измененных условиях... говорят, что при нынешней подготовке рабочих прежнее т<«Товарищество»> невозможно потому, что двигаться будем куриным шагом. Если касса будет отделена, то она может разрастись и начать приносить пользу матери, причем из среды уча<ствующих> уже можно приобщать к другой к<ассе> и к библиотеке, т. е. к этой группе теперешней... она (касса. — *Р. К.*) будет служить средством для соединения людей и знакомства с ними. Так как для того, чтобы рабочий согласился прямо вступить в прежнее т <«Товарищество»>, надо, чтобы он был развит, а это будет удобнее сделать, т. е. развивать и выбирать, когда люди уже будут сгруппированы и когда при постоянном соприкосновении с ними можно их узнать».[43] Эта выдержка из письма еще раз указывает на причину внесения в устав одного из существенных изменений, а также говорит о методах, которыми члены общества предполагали вербовать новых членов, и о приемах работы среди рабочих для развития классовой солидарности, для объединения их вокруг коллективного дела взаимопомощи.

С высылкой П. Точисского из Петербурга заканчивается один из этапов деятельности «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». В связи с новыми условиями делается попытка раздвинуть рамки организации, шире привлекая в ее ряды рабочих и интеллигенцию. Новое направление в деятельности кружка не могло не сказаться на основном документе — уставе «Товарищества». Понадобилось узаконить новую линию в работе организации. Это и было сделано по инициативе Л. Брейтфуса, который внес изменения в первоначальный устав, утвержденные затем членами «Товарищества».

К сожалению, сам устав, этот интереснейший документ, излагавший цели, задачи и организационные принципы одной из ранних социал-демократических организаций России, не сохранился. Судьба его такова: ожидая жандармского обыска, староста организации Л. Брейтфус уничтожил устав, который мог послужить вещественным доказательством существования противоправительственной организации.[44]

---

[43] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 10. — Письмо было отобрано у Даниловой во время обыска; «Красная летопись», 1923, № 7 стр. 349.

[44] Там же, л. 39. — На допросах Л. Брейтфус признал, что он хранил устав и уничтожил его как улику. При этом он указывал, что сжег его в феврале 1888 г. Дату Л. Брейтфус называет явно ошибочно, так как в это время еще происходили обсуждения внесенных в устав изменений.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ПРОГРАММНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ «ТОВАРИЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ МАСТЕРОВЫХ»

Каковы были социально-политические взгляды членов «Товарищества» и программные положения данной организации? Выяснение этих вопросов, без которых нельзя понять сути этой организации, ее места в рабочем революционном движении России, ее роли в развитии русской социал-домократии, представляет большие трудности. Специально изложенной программы «Товарищество» не имело. Из указаний ряда членов организации следует, что в уставе «Товарищества», наряду с собственно уставными, организационными принципами, частично были сформулированы цели и задачи кружка.[1] Вследствие этого значение данного документа выходит за рамки только устава: его можно рассматривать как изложение и программных установок организации. Хотя устав и не сохранился, все же есть возможность в известной степени уяснить идейный облик этой ранней социал-демократической организации.

Обратимся к названию организации. «Товариществом санкт-петербургских мастеровых» она была названа не сразу, а после длительного обсуждения. Первоначально организация называлась «Общество содействия поднятию материального, морального и интеллектуального уровня рабочего класса в России».[2] При сопоставлении этих двух названий возникает мысль о том, что Точисский, предложивший новое название, стремился к такому, которое точнее отражало бы характер

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 38; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 367.

[2] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 50; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 374, показания П. Точисского. Ю. З. Полевой считает, что название организации было изменено из конспиративных соображений (см. Ю. З. Полевой, ук. соч., стр. 326).

организации. С самого начала Точисский и Лазарев имели в виду создать такую организацию, которая помогла бы изменить тяжелое положение рабочих.

Первое название организации говорит об узко поставленной цели и вместе с тем не отражает глубокого убеждения Точисского и других членов кружка в том, что сами рабочие являются той активной силой, которая должна и может изменить существующее положение. Первое название как бы указывает, что помощь в поднятии умственного и материального положения рабочих может прийти со стороны других революционных элементов. Еще живы были народнические и народовольческие взгляды, еще имелись остатки народовольческих организаций, взявших на себя задачу без участия широких масс изменить существующий строй. Точисский не разделял этих взглядов, был ярым их противником.[3] Весьма возможно, что в связи с этим, уточняя название организации, он искал такое, которое непосредственно подчеркивало бы классовый характер организации и нашел его в наименовании «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» (мастеровыми в то время называли рабочих).

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» строилось на идейной основе, совершенно отличной от народничества. Точисский близко подходил к социал-демократической оценке классовых отношений. Он в основном правильно оценивал роль пролетариата, крестьянства, в оценке же интеллигенции допускал ошибки.

В противоположность народникам, Точисский считал, что в России основной революционной силой является пролетариат. Он говорил, что так называемые «революционеры» (народники и народовольцы) сильно грешили, ошибались, игнорируя рабочий класс. Только непониманием, недооценкой исторической роли пролетариата Точисский объясняет шарахание революционеров народнического толка то в крестьянскую среду, то к интеллигенции. Точисский подчеркивал, что промышленный пролетариат является наиболее революционным, а потому и до конца последовательным классом.[4] Он утверждал, что революционные элементы одни, без масс, без народа не могут завоевать для рабочих свободу, уничтожить царизм. Поэтому, говоря о задачах, которые стояли перед революционерами в отношении рабочего класса, Точисский указывал, что они должны идти в рабочий класс и помочь ему самому осознать свою силу и подготовить его для предстоящей революции. Революционеры должны помочь воспитать рабочий класс, пробудить его сознание. Что понималось под воспитанием революционных сил пролетариата и как реко-

[3] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 325—326.

[4] Там же, стр. 326.

мендовалось проводить эту работу? Точисский и его товарищи считали, что на почве экономической борьбы надо воспитывать и подготавливать пролетариат к политической борьбе.[5] Так решался членами «Товарищества» вопрос о соотношении между политической и экономической борьбой.

Отдельные нечеткие, расплывчатые формулировки Точисского объясняются как слабостью его самого в теоретическом отношении, так и тем, что российская социал-домократия находилась на первом этапе своего развития, когда еще только разрабатывалась ее теория и программа.

Точисский, в противоположность народникам, считая пролетариат ведущей революционной силой, вместе с тем понимал, что уровень сознательности пролетариата еще очень низок, что классовое сознание рабочих в России находится, как он говорил, в «потенции». Он считал, что рабочему классу в деле развития его классового сознания может и должна оказать помощь интеллигенция. В оценке интеллигенции у Точисского имелись противоречия. С одной стороны, он указывал, что интеллигенция должна помочь пролетариату создать организацию, а с другой — он всех интеллигентов считал идеологами буржуазии. «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся»,[6] — говорил он. Точисский по существу отождествлял революционную интеллигенцию с буржуазной. Он считал, что рабочий класс должен создать свою пролетарскую революционную интеллигенцию, а пока ее нет, пролетариат вынужден терпеть в своих рядах буржуазную интеллигенцию, используя ее.

Взгляды Точисского на интеллигенцию разделяли и некоторые другие члены «Товарищества». В рукописи, отобранной у Даниловой во время обыска, говорилось даже о том, что интеллигенция вредит рабочему классу. Эта мысль обосновывалась тем, что эгоистические интересы чиновников (интеллигенции) при расширении прав народа значительно пострадают, а отсюда делался вывод, что интересы интеллигенции противоположны интересам народа.[7] В письме, отобранном

[5] Мария Точисская в своих воспоминаниях говорит несколько иное. Она пишет, что Точисский якобы стоял за организацию рабочих «на экономических интересах, не втягивая в политическую борьбу» (см. М. Лебедева (Точисская). К биографии Точисского. Воспоминания сестры. «Историко-революционный сборник», т. III, 1926, стр. 298). Однако это положение, высказанное спустя много лет, не подтверждается ни материалами допросов, ни вещественными доказательствами (тетради, рукописи, письма), ни воспоминаниями А. Брейтфуса (см. А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923. № 7, стр. 326).

[6] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 326.

[7] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 11; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 350.

у той же Даниловой, один из членов «Товарищества» так же отзывался об интеллигенции. В письме говорится, что пока нет своей рабочей интеллигенции, придется интеллигенцию допустить к работе, но поручить ей можно только технические, обслуживающие функции, как-то: выбор книг для рабочих, создание библиотеки, проведение занятий с рабочими, изыскание денежных средств для нужд «Товарищества».[8] И действительно, за исключением двух-трех человек интеллигентская часть «Товарищества» выполняла в организации чисто техническую работу. Часть членов «Товарищества» не очень доверяла интеллигенции и старалась держать ее подальше от революционных рабочих. Только весной 1886 г. интеллигентская часть «Товарищества» стала знакомиться с рабочим составом; но вместе с тем, близких связей между интеллигентским составом и рабочими руководители организации не допускали.

Свое отношение к интеллигенции Точисский не скрывал от интеллигентов участников организации. Привлекая интеллигентов к работе, он заявлял им, что как только пролетариат создаст свою интеллигенцию, они будут отстранены от работы в среде пролетариата. Брейтфус, вспоминая об отношении к интеллигенции, говорил, что она нужна была постольку, поскольку могла помочь начать работу, и они все прекрасно понимали, что как только «Товарищество» встанет на твердую почву, интеллигенция будет отодвинута как посторонний элемент, как балласт.[9]

Члены «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» правильно считали, что одной из задач пролетариата является создание своей рабочей интеллигенции. Ошибка Точисского и некоторых членов организации в оценке интеллигенции заключалась в том, что они, видя, как часть буржуазной интеллигенции действительно отходила от революции, переносили свое отрицательное отношение на интеллигенцию вообще. Они не поняли того, что часть буржуазной интеллигенции может перейти и переходит на позиции рабочего класса и что «пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей».[10]

По вопросу о крестьянстве и задачах организации по отношению к деревне «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» стояло на следующих позициях. В противовес народникам, члены «Товарищества» трезво оценивали крестьянство,

[8] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 10. — Это письмо, как установило следствие, было написано М. Точисской. Оно фигурировало как вещественное доказательство под литерой «К»; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 349.

[9] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 327.

[10] В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 176.

они видели как положительные, так и слабые его стороны. Точисский и другие члены организации не идеализировали крестьянина, деревню, общину. Они видели различие между пролетариатом, который организуется как передовой класс самим процессом производства, и крестьянством, которое процесс производства распыляет. Точисский неоднократно говорил об отсутствии у крестьян того единства, которое присуще рабочему классу, и находил объяснение этой разобщенности крестьян в том, что они «не спаяны одними интересами». Таким образом, Точисский близко подходил к социал-демократическому пониманию экономической основы распыленности и неоднородности крестьянства. Члены «Товарищества» видели, что крестьянство и «в культурном отношении» стоит ниже, чем рабочий класс и, тем более, в «смысле классового самосознания».[11] Исходя из этого, «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» категорически отрицало положение о том, что крестьянство может стать авангардом революции. Авангардную, руководящую роль «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» по праву отводило рабочему классу.

Имеющиеся данные говорят о том, что «Товарищество» принципиально не отрицало работы среди крестьянства. Вопрос о работе в деревне был предметом обсуждения на собраниях организации. Об этом свидетельствует письмо Марии Точисской из Петербурга от 7 сентября 1888 г. к Елизавете Даниловой в Москву, в котором подробно сообщается о решении, принятом «Товариществом» по вопросу о работе среди крестьянства. Письмо, как видно, было написано под впечатлением недавно состоявшегося собрания. Учитывая силы организации и ту роль, которую «Товарищество» признавало за рабочим классом, решено было, как сообщала Точисская, направить в данный момент все имеющиеся силы (а их было не так много) на работу среди пролетариата как на «более восприимчивый и подготовленный класс». Однако члены «Товарищества» определенно высказались за то, что при изменившейся обстановке, «когда условия станут лучше, когда будет сделан шаг вперед, тогда можно будет действовать и там», т. е. среди крестьян.[12]

Обсуждение крестьянского вопроса свидетельствует о том, что «Товарищество» не чуждалось крестьянства, и, очевидно, среди его членов были и такие, которые высказывались за необходимость в недалеком будущем начать работу в деревне.

В письме М. Точисской обращает на себя внимание еще

[11] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 325.

[12] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 10; ЦГИАЛ, ф. 1405, 1888 г., оп. 89, д. 11129, л. 84. — Это письмо служило вещественным доказательством «преступной» деятельности «Товарищества»; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 349.

один момент, а именно то, что «Товарищество» ставило своей задачей работать не только среди городских рабочих, но и в среде «остальных обывателей города».[13] Имелась в виду работа среди городской эксплуатируемой бедноты, ремесленного люда, которые рассматривались как восприимчивый к пропаганде слой городских жителей.

Для выяснения того, каких взглядов придерживались другие члены «Товарищества», может служить письмо Елизаветы Даниловой к Дмитрию Лазареву, а также показания на допросах этих двух влиятельных членов организации. В своих показаниях Лазарев говорил, что он поставил перед собой задачу работать среди пролетариата и что целью его деятельности является объединение рабочих в союзы. Лазарев говорил и о том, что он стоит за организацию стачечной борьбы, что он не остановится перед тем, чтобы организовать рабочих на «возмущение против своих эксплуататоров». Е. Данилова, обещая ему помощь в этом деле, говорила, что она также стоит за организацию рабочих союзов.[14] В своем письме к Лазареву Данилова писала: «Если пойду, то не бойтесь, не сплошаю». Из этих слов видно, что Данилова сознательно и твердо шла на борьбу. Она возмущалась тем, что общество делится на людей капитала и людей труда, возмущалась несправедливым господством капитала. Капиталистов она называла «толстой бычьей шеей и башкой» и говорила, что у ней «руки чешутся против этой головы и шеи».[15] Эти высказывания свидетельствуют о том, что Лазарев и Данилова понимали необходимость борьбы против эксплуататоров. В одной из заметок Данилова писала, что у народа два врага — «правительство и капитал»,[16] и призывала к борьбе против капиталистов и против правительства, которое их поддерживает. Данилова утверждала, что будущее принадлежит трудящемуся классу, что эксплуататоров ждет неминуемая гибель. Она писала: «Прислушайтесь, если вы только способны что-нибудь расслышать. Разве вы не слышите раскаты грома, разве не видите, как на горизонте блеснула молния? Трепещите — это приближается буря. Гром оглушит вас, молния убьет, а буйный ураган развеет ваш прах, чтобы исчезло о вас всякое воспоминание».[17] Под бурей Данилова, как и Лазарев, имела в виду «возмущение рабочих», которых надо поднять на

[13] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 10; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 349.

[14] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 19, 20; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 355, 356.

[15] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 20; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 356.

[16] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 7; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347.

[17] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 6; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347.

борьбу. Своей обязанностью они считали всячески содействовать рабочим в этой борьбе.

Данилова была убеждена в том, что если народ осознает несправедливость общественного строя и объединится, он победит. Поэтому, выясняя задачи, стоящие перед революционерами, она говорила о необходимости помочь народу осознать свое положение, способствовать его объединению для борьбы с правительством.[18] В этих словах высказывается мысль, прямо противоположная народовольческим идеям. Не отдельные герои-революционеры должны вести борьбу с правительством, а объединенный сознательный народ победит правительство. Под «народом» имеются в виду трудящиеся, и, очевидно, из конспиративных соображений или просто по привычке употребляется народническая терминология. Данилова серьезно изучала рабочий вопрос. Во время обыска у нее были отобраны тетради с записями, конспектами по рабочему вопросу, на основе которых ей было предъявлено обвинение в противоправительственных взглядах. Данилова — член «Товарищества», ясно понимала, что на рабочий вопрос не может быть одной точки зрения у эксплуататоров и у людей труда. И это нашло отражение в ее записях.[19]

Члены «Товарищества» были убеждены в конечной победе труда над капиталом, высказывая мысль, что капитал должен подчиниться труду, говорили о необходимости насильственного переворота.[20] Насильственную революцию Данилова сравнивала с ампутацией гнилого члена. При этом она заявляла, что всякое промедление ампутации влечет за собой смертельную опасность. Резать надо скорее, утверждала она, и без страха, ибо жестоко делать операцию только наполовину. Таким образом, жестоким признавался не призыв к социальной революции, требующей жертв, а половинчатые меры — реформистский путь.

Однако было бы ошибочным на основании этих данных считать некоторых членов «Товарищества» решительными и убежденными сторонниками социальной революции. Та же Данилова на допросах заявляла, что решила бы стать в ряды восставших только тогда, когда убедилась бы в невозможности изменить существующий строй иным путем, а именно путем «взаимных уступок».[21] Однако члены «Товарищества» не очень

[18] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 7; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347.

[19] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 21; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 356.

[20] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 9, 11; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 349, 350.

[21] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 22. — Возможно, впрочем, что это показание Данилова сделала из соображений самозащиты; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 357.

надеялись на такой исход борьбы и готовы были встать в ряды восставших, когда восстание явится неизбежным. Тем не менее сама мысль о возможности мирного разрешения противоречий между трудом и капиталом путем взаимных уступок явно немарксистского порядка.

При выяснении идейных установок членов «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» невольно напрашивается вопрос о том, каково было их отношение к идеям Бакунина, Лаврова, Лассаля. Этот вопрос тем более правомерен, что другая ранняя социал-демократическая организация, а именно «Партия русских социал-демократов», по заявлению ее организатора Д. Благоева, в своей программе имела и «лавризм» и «лассальянство».[22]

Члены «Товарищества» несомненно были знакомы с народнической литературой. В их библиотеке имелись «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова), «Календарь Народной воли», газета «Народной воли» и листки «Земли и воли», не говоря уже о брошюрах, изданных народниками.[23] Однако безоговорочное отрицание Точисским и другими членами организации народнической идеологии и тактики индивидуального террора говорит о критическом изучении народнической литературы.

Члены организации не увлекались идеями Ф. Лассаля. Точисский был даже ярым противником «ассоциаций», «артелей», «государственной помощи» и пр. Об этом свидетельствует и следующий факт. Еще в 1885 г. А. Брейтфус завел связи с ассоциацией граверов. Точисский познакомился с участниками этой ассоциации, надеясь найти среди них демократически настроенных людей, чтобы использовать их для революционной работы, но вскоре разглядел мелкобуржуазную сущность этой ассоциации и немедленно порвал с ней.[24]

И все же мысли об «ассоциациях», высказанные Даниловой и Лазаревым на допросах, заставляют насторожиться. Оба они говорили, что для достижения цели общества в поднятии умственного развития рабочих и улучшения их материального положения предполагалось учредить ассоциации. Объединенные в ассоциации рабочие,—говорила Данилова,—смогут свободно конкурировать с капиталом.[25] Однако, сказанное Даниловой и Лазаревым по поводу ассоциаций никем из других членов «Товарищества» не было подтверждено.

[22] Д. Благоев. Мои воспоминания. М. — Л., 1928, стр. 42.

[23] При обысках у многих членов «Товарищества» была обнаружена в значительном количестве народническая литература, что свидетельствует об изучении ими этих работ (А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 330).

[24] Там же, стр. 338.

[25] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 19; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 355.

В библиотеке «Товарищества» были книги марксистского направления. Это значит, что члены организации имели возможность познакомиться с идеями марксизма и, практически работая в пролетарской среде, стать последователями социал-демократии. Какой марксистской литературой располагало «Товарищество»? Из работ К. Маркса и Ф. Энгельса имелось около 10 экземпляров «Манифеста Коммунистической партии». Кроме того, были марксистские работы, изданные группой «Освобождение труда»: «Наши разногласия» Г. В. Плеханова (8 экземпляров), «Речь рабочего Алексеева на суде» и другие.[26] Сравнительно большое количество экземпляров «Манифеста Коммунистической партии» и «Наших разногласий» свидетельствовало о том, что с этими работами члены «Товарищества» были знакомы, что они распространялись для чтения среди рабочих. «Коммунистический манифест» изучался в специально созданных для этого кружках. Таким образом, можно утверждать, что марксистская литература членами организации изучалась и пропагандировалась.

Сохранившиеся архивные материалы о кружке Точисского не позволяют с полной определенностью сказать о последовательности социал-демократических взглядов членов «Товарищества». Но все же имеющиеся документы не опровергают этой мысли. Данные, которые указывают на непоследовательность или отступления от марксизма, могут быть отчасти объяснены теми обстоятельствами, при которых члены «Товарищества» высказывали эти взгляды,— жандармские допросы, показания в качестве обвиняемых в «преступной, противоправительственной» деятельности. Можно утверждать, что социал-демократическое мировоззрение было близко учредителям «Товарищества».[27] Организаторы его с первых же шагов своей деятельности искали ответа на волнующие их вопросы: за какие цели бороться, как ставить свою работу не в многочисленных направлениях разного толка, а именно в социал-демократическом направлении. Характерно, что в 1886 г. Точисский принес литографированную программу немецкой социал-демократической партии. Эта программа была поставлена на обсуждение членов организации, подверглась тщательному разбору и обсуждению. Этот факт указывает, в каком направлении работала мысль членов «Товарищества» и в первую очередь его организатора П. Точисского, пытавшихся критически подойти к опыту международной социал-демократии. Позднее В. И. Ленин писал, что «начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уменье критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его».[28]

[26] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 330.

[27] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2(35), стр. 15.

В библиотеке «Товарищества» не было программы группы «Освобождение труда». Однако известно, что в библиотеке имелась газета благоевцев «Рабочий», где была помещена статья Г. В. Плеханова «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)»[29], которая по существу являлась программной статьей. В ней Г. В. Плеханов излагал свои взгляды на задачи рабочего движения. Знакомство членов «Товарищества» с указанной статьей дает право утверждать, что «Товариществу санкт-петербургских мастеровых» были известны основные программные положения группы «Освобождение труда».

При выяснении тактических установок «Товарищества» мы убеждаемся в явно отрицательном отношении его членов к народовольческой тактике. Тактические установки «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» прямо противоположны тактике террора. П. Точисский резко критиковал террористическую деятельность народовольцев, решительно и безоговорочно выступал против террора. Он утверждал, что «террор — рисовка», что террористы гонятся за громкой славой. Больше того, характеризуя классовую подоплеку террора, он говорил, что террор лишь средство завоевать власть для растущей буржуазии, для нового врага народа. Народ, по убеждению Точисского, в силу своей темноты и несознательности, не сумеет воспользоваться результатами террористической борьбы народовольцев. «Террор—это покушение с негодными средствами»,— убежденно заявлял он.[30] Отрицательная позиция Точисского по отношению к террористической тактике была его большой заслугой. Надо иметь в виду, что эти взгляды на террор высказывались тогда, когда народовольчество еще продолжало владеть умами молодежи, интеллигенции.

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых», отрицая террор, враждебно относясь к нему, противопоставило ему другую революционную тактику, тактику, которая отвечала социал-демократическому направлению. Точисский был сторонником политической, социальной революции, совершаемой народными массами. Он утверждал, что только революция, только решительный политический переворот есть действенные средства борьбы, причем революция не одиночек, не верхушеч-

[28] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342.

[29] Н. Л. Сергиевский. «Рабочий» — газета партии русских социал-демократов (благоевцев). 1885 г. Л., 1928, стр. 55—66.

[30] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 326.

ная, а как результат «глубинного движения народных масс».[31] Народные массы—вот та сила, которая только и может совершить решительный переворот. Члены «Товарищества», противопоставляя героизму одиночек движение масс, восстание народа, утверждали, что революция возможна только в результате такого движения, которое поднимет, всколыхнет широкие народные массы, а не в результате вспышек террористических фейерверков, как бы блестящи они ни были.

Очень важным является еще и то обстоятельство, что Точисский говорит не о народе вообще, не о народе в народническом понимании. Под движением «народных масс» он имеет в виду ту эксплуатируемую часть народа, «которая является действительно революционной по отношению к существующему строю». «Только трудовые массы способны на решительную борьбу», — утверждал Точисский. Самым же революционным элементом он считал рабочий класс.

Отрицательное отношение Точисского к террору разделялось и другими членами организации. Данилова на допросе заявляла, что цареубийство, террор, как ею, так и другими товарищами по организации, не одобрялись, что террор расценивался как тактика, вредящая делу, ибо, как поясняла она, во-первых, террор не ведет к уничтожению существующего строя, а во-вторых, как показала практика, следующие за каждым террористическим актом репрессии со стороны правительства могут задержать развитие народа.[32] Особенно интересна мысль Даниловой о пагубном значении террора для дела развития самого народа. Данилова, так же как Точисский и Лазарев, индивидуальному террору противопоставляла подготовленное, организованное выступление масс. «Научите народ думать, соедините его, и тогда правительство в наших руках».[33]

В оценке террора членами «Товарищества» нет, конечно, последовательно марксистских положений о классовой сущности индивидуального террора, но важно то, что «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» пришло к категорическому, безоговорочному отрицанию индивидуального террора как тактики, как средства борьбы. В своем отрицательном отношении к террору «Товарищество» было более последовательным, чем благоевская группа, принявшая программу

---

[31] А. Брейтфус в своих воспоминаниях, характеризуя идейные взгляды Точисского, пишет: «Революция и радикальный переворот, утверждал Точисский, возможны лишь в результате глубинного движения народных масс и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношению к существующему строю». Под этой частью народа Точисский имел в виду пролетариат (см. там же).

[32] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 21; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 356.

[33] Там же, л. 7; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347.

группы «Освобождение труда», допускавшую тактику индивидуального террора.

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» стояло за упорную, кропотливую пропагандистскую работу среди рабочих. Оно считало, что необходимо воспитать из среды рабочих организаторов, способных руководить планомерной, систематической борьбой с существующим строем.[34]

Революционные тактические установки членов «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» свидетельствуют о том, что хотя Точисский и его товарищи еще во многих вопросах и ошибались, но все же они близко подходили к правильной оценке соотношения классовых сил в России.

«Товарищество» стояло на социал-демократических позициях в оценке пролетариата как единственного до конца революционного класса; в крестьянстве оно отмечало характерную для него распыленность, инертность, темноту, но считало необходимым работать и в деревне, подчеркивало возможность совместной борьбы рабочего класса и городского мелкого люда. Буржуазию и царизм «Тварищество» рассматривало как злейших врагов трудящихся. Оно отмечало непоследовательность буржуазной интеллигенции. На основе всех этих положений «Товарищество» отбрасывало террор и искало других, революционных методов борьбы. Выработанная руководителями организации тактика, отрицание авантюризма, отрицание индивидуального террора народовольчества, признание революции и передовой роли в ней рабочего класса — все это указывает на социал-демократические позиции «Товарищества санкт-петербургских мастеровых».

---

[34] Н. Л. Сергиевский. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. «Историко-революционный сборник», т. II, 1924, стр. 120.

ГЛАВА III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ТОВАРИЩЕСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ МАСТЕРОВЫХ»

Пропагандистская деятельность среди рабочих. «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» установило связи с рабочими ряда предприятий Петербурга. Особенно прочные связи были налажены с рабочими заводов и фабрик Невской заставы, в том числе таких крупных предприятий, как Александровский завод, Обуховский завод, Бумажно-прядильная фабрика Варгунина, Карточная фабрика.[1] На Васильевском острове проводилась работа среди рабочих крупнейшего предприятия — Балтийского завода, где работал И. И. Тимофеев. Здесь же, на Васильевском острове, были установлены связи с женщинами-работницами табачной фабрики «Лаферм».[2] Пропагандистская деятельность велась среди рабочих Охтинского порохового завода, а также среди солдат стоявшего там Новочеркасского полка.[3] Хорошо была поставлена работа на заводе Берда, где работали П. Точисский и Д. Лазарев. В Экспедиции заготовления государственных бумаг вел работу Е. Климанов. Через него была также налажена работа на заводе Штритера. Рабочие Арсенала привлекались к деятельности «Товарищества» через Н. Васильева. Таков далеко не полный перечень предприятий, на которых в той или иной степени распространялось влияние «Товарищества санкт-петербургских мастеровых».

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» проводило значительную работу среди пролетариев Петербурга. Все члены организации были привлечены к пропагандистской работе, получали постоянные или временные поручения. Степень ответственности порученной работы зависела от того доверия, которым тот или иной член «Товарищества» пользовался в организации, и конечно, от его умения и способностей.

[1] Л. Н. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2(35), стр. 15.

[2] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 337—338.

[3] В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 145.

Наиболее выдающимися и деятельными пропагандистами группы были П. Точисский, Д. Лазарев и рабочий Е. Климанов. Под их руководством изучались в рабочих кружках «Манифест Коммунистической партии» и другие произведения марксистской мысли.

П. Точисский был талантливым пропагандистом, прекрасным оратором, умевшим увлечь слушателей. Рассказывал он очень образно, и кружковцы просиживали до поздней ночи, не замечая, как бежит время.[4] Точисский был не только лучшим пропагандистом «Товарищества», но и организатором, по праву являясь руководителем кружка. Обладая большой выдержкой и работоспособностью, он самую трудную и опасную работу брал на себя. Почти все связи с заводами также проходили через него. Большую работу вел он и по вербовке новых членов в организацию. Кроме Точисского, наиболее деятельным пропагандистом организации являлся Д. Лазарев. Он был одним из тех немногих, которые допускались к непосредственным сношениям с фабриками и заводами. Лазарев, так же как и Точисский, знакомился с рабочими, вел среди них пропаганду и вербовал новых последователей.

Одной из основных форм работы «Товарищества» была организация рабочих кружков, где велась систематическая пропаганда. В кружках, которые собирались на квартирах рабочих, велись занятия. Это были большей частью кружки самообразования. Единой программы занятий организация не имела. Известно, однако, что Точисский настаивал на том, чтобы рабочим давали положительные знания, чтобы рабочие на этих занятиях развивались. Он считал, что пропагандистскую деятельность надо начинать с того, что рабочим понятно, и постепенно, повышая их общеобразовательный и политический уровень, воспитывать из них передовых рабочих, сознательных социал-демократов.

Кроме кружков самообразования, создавались специальные кружки по изучению таких работ, как «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Сущность социализма» А. Шеффле и другие.[5]

Кроме коллективной кружковой работы, пользовались и другими приемами пропаганды среди рабочих. Так, проводились занятия с отдельными рабочими, к которым прикрепляли пропагандистов. Этот метод практиковался в отношении наиболее одаренных рабочих, способных в будущем стать руководителями, пропагандистами. Известно, что Л. Брейтфус занимался с очень развитым рабочим Балтийского завода

[4] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 325.

[5] Там же, стр. 330.

И. И. Тимофеевым,[6] через которого велась большая работа среди пролетариев этого крупного предприятия.

Члены «Товарищества» распространяли среди рабочих книги из созданной ими библиотеки. Эта работа по тем временам была поставлена довольно солидно. Распространением книг занимались члены организации мужчины, исключением была М. Точисская. Получая из библиотеки до 15 экземпляров книг, они передавали их специально выделенному рабочему, который отвечал за распространение книг непосредственно на предприятии. Сам рабочий числился в паре с интеллигентом кружка, от которого и получал книги. В соответствии с правилами конспирации, каждый встречался только со своим напарником. Место и время, когда должна была состояться передача книг, были строго установлены, были разработаны маршруты к местам передач. Обычно эти встречи происходили по вечерам.[7]

По возможности, народническую литературу для самостоятельного чтения рабочим не выдавали, хотя сами руководители ею пользовались. Точисский резко протестовал против такого рода литературы, называя ее «нелегальщиной».

В обязанность женщин — членов «Товарищества» — входило обслуживание библиотеки, а также выполнение всей технической работы. Они же доставляли и средства для расширения библиотеки. «Товарищество» сделало попытку начать пропаганду и среди женщин-работниц. Известно, что на фабрике «Лаферм» был организован пропагандистский кружок. Инициаторами его являлись работницы Андреева, Константинова, Волкова. Стремление членов кружка распространить свое влияние и на наиболее отсталый отряд пролетариата — на работниц — следует особо отметить, так как вероятней всего, что именно «Товарищество» впервые предприняло эту попытку. О работе «Партии русской социал-демократии» среди работниц ничего не известно.

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» проводило работу и среди солдат. Связь с солдатами Новороссийского полка, расположенного на территории Охтинского порохового завода, была установлена через газетчика Аникина. Он же доставлял солдатам книги из библиотеки «Товарищества», получая их через члена организации Ивана Шалаевского. Принесенные книги и брошюры Аникин передавал солдатам вместе с легальными газетами.[8]

Руководители «Товарищества» применяли и такие формы пропаганды, как индивидуальные беседы.

Об агитационной работе кружка говорить не приходится.

[6] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, стр. 337.

[7] Там же, стр. 330—331.

[8] Там же, стр. 337—338.

Можно отметить лишь отдельные элементы агитации. Так, например, члены «Товарищества» распространяли прокламации в связи с десятилетием со дня смерти Н. А. Некрасова. Часть рабочих — членов организации — присутствовала на панихиде у могилы писателя.

Члены «Товарищества» мечтали о своей типографии. Точисский ставил вопрос о создании типографии для печатания брошюр. Принялись даже за изготовление станка и поиски шрифта. Через наборщиков «Товарищество» получило шрифт. Однако наладить типографию не удалось: помешали начавшиеся аресты и ссылки. Шрифт «Товарищества» перешел к последующей социал-демократической организации, к «группе Бруснева».

Библиотека «Товарищества». Библиотека «Товарищества» была создана в помощь пропагандистской работе и состояла из двух отделений — легальных и нелегальных книг.[9] Наличие в библиотеке нелегальных изданий послужило одним из оснований для обвинения «Товарищества» в преступной деятельности. «Это сообщество, — отмечал прокурор санкт-петербургской судебной палаты, — имело своею целью развитие и поддержание в среде рабочих противоправительственных идей в интересах революционной партии, подтверждением чему служит устройство при библиотеке этого сообщества отдела книг преступного содержания».[10]

О том, что представляла собой библиотека «Товарищества», на какие средства она организовалась, как функционировала и, особенно, каков был библиотечный фонд, — на все эти вопросы ответ дают показания обвиняемых, а также данные жандармских обысков.

В уставе «Товарищества» было зафиксировано положение о библиотеке.[11] П. Точисский требовал, чтобы библиотека учитывала запросы основного читателя — рабочего. Когда количество книг в библиотеке значительно выросло, нелегальные издания были выделены в самостоятельную библиотеку, имевшую своего руководителя.[12] Согласно уставу, половина суммы от членских взносов передавалась библиотекарю для приобретения книг. Но этих средств было мало и членам организации приходилось изыскивать дополнительные источники:

[9] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 47, 48; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 372, 373. А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 329, 330.

[10] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 66—67; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 384.

[11] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I. лл. 20, 42; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 355, 369.

[12] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 35, 47; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 365, 372. — Руководителем нелегальной библиотеки «Товарищества» был выделен А. Брейтфус. А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 329.

сбор денег, книг, устройство лотерей, вечеров и т. д.[13] На допросе Данилова показала, что найденные у нее лотерейные билеты остались у нее от лотереи, которая была разыграна на ее квартире в пользу библиотеки «Товарищества». Известно, что Точисский и другие члены «Товарищества» ходили за книгами к Л. Н. Толстому, М. Е. Салтыкову-Щедрину и многим другим писателям и получали у них их сочинения, подчас в нескольких экземплярах.

«Товарищество» имело два переплетных станка, на которых переплетались книги для библиотеки, так как из соображений экономии, их приобретали большей частью без переплетов. Особенно нуждались в брошюровке и переплетении статьи, вырезаемые из журналов. Переплетным делом занимались сами члены организации.[14] Один из станков был отобран полицией и служил вещественным доказательством противоправительственной деятельности «Товарищества». Второй станок был передан Е. Климанову, а затем И. Тимофееву. Эта передача означала, что среди рабочего ядра «Товарищества» были люди, помогавшие обслуживать библиотеку.

Библиотека была хорошо организована: был заведен учет книг как приобретенных, так и полученных в дар, имелся каталог книг, куда вносилась вся вновь приобретенная литература; каждая книга снабжалась соответствующим инвентарным номером. К сожалению, каталог библиотеки не сохранился. Он был уничтожен, когда начались жандармские обыски.[15] Благодаря принятым мерам предосторожности при первом обыске книги удалось сохранить. Однако подчистка номеров и уничтожение каталога не спасли библиотеку от провала. При повторном налете жандармов 19 ноября 1888 г. часть книг была конфискована.

В легальной библиотеке «Товарищества» к моменту разгрома насчитывалось более 700 названий книг. В библиотеке имелась художественная литература, книги по историческим и экономическим вопросам. «Товарищество» получало журналы и газеты. Из периодических изданий в библиотеке имелись такие общественно-политические журналы, как «Русская мысль», «Северный вестник», «Русское богатство», из газет— «Русские ведомости» и «Московские ведомости». Журналы и газеты использовались в пропагандистской работе.

«Товарищество» ставило перед собой задачу руководить

[13] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 20, 31. — Средства на приобретение книг изыскивала интеллигентская часть организации; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 355, 363.

[14] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 31, 35. — Переплетением книг приходилось заниматься самим не только потому, что средств было мало, а и потому, что библиотека имела нелегальную литературу; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 362, 365.

[15] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 42; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 369.

чтением рабочих, прививать определенные знания. Члены организации рекомендовали книги, которые развивали бы читателя, открывали бы ему глаза на существующий строй. В соответствии с этим все книги, принадлежащие «Товариществу», снабжались специальными аннотированными рукописными оглавлениями.[16] Книги рекомендовались по известному Челябинскому каталогу систематического чтения, в котором наряду с легальными произведениями, рекомендовались и нелегальные издания: А. Шеффле «Капитализм и социализм», П. Лавров «Исторические письма», Г. В. Плеханов «Наши разногласия» и др. Экземпляры этого каталога, переписанные от руки, были обнаружены во время обысков у ряда членов «Товарищества».

Довольно подробные сведения о легальной и нелегальной библиотеках «Товарищества» приводит в своих воспоминаниях А. Брейтфус.[17]

Нелегальная библиотека из конспиративных соображений была разделена на две части. Одна часть — дневной запас, установленный на основе спроса и предназначенный для выдачи читателям, хранилась в квартире Брейтфуса в стене, где была устроена ниша, закрывавшаяся обоями, другая — склад нелегальной литературы — была спрятана на чердаке дома, где жил Брейтфус, над квартирой какого-то генерала.[18]

По списку книг, составлявших нелегальную библиотеку, можно судить, над чем работали члены «Товарищества». Вот названия некоторых книг из нелегальной библиотеки: К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», Г. В. Плеханов «Наши разногласия», газета группы Благоева «Рабочий», «Речь рабочего Петра Алексеева», А. Шеффле «Сущность социализма», речь Бардиной, «Письма Миртова» (П. Лаврова), процесс Г. Лопатина, «Календарь народной воли», газеты «Народной воли» и другие ее издания, «Хитрая механика» Дикштейна, «Сказка о четырех братьях», «Царь-голод» (собственного гектографирования), «Слово на Великий Пяток», листки «Земля и воля», разные прокламации, биографии революционных деятелей и др.[19]

[16] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 42; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 369.

[17] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 329—330.

[18] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 16. — Людвиг Брейтфус в письме к Точисскому, характеризуя деятельность библиотеки, сообщал, что нелегальные книги «скрыты в надежном месте»; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 353.

[19] Этот список книг приводит А. Брейтфус в своих воспоминаниях о кружке Точисского. Брейтфус указывает и количество экземпляров каждого названия. Что касается гектографированных брошюр, то это было сделано им еще до вступления в «Товарищество». А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 327, 330.

П. В. Точисский отрицательно относился к распространению среди рабочих народнической литературы. Из приведенного выше списка книг нелегальной библиотеки он рекомендовал для чтения с рабочими брать преимущественно следующие: «Манифест Коммунистической партии», «Наши разногласия», «Сущность социализма», «Речь рабочего Петра Алексеева» и др. Однако не все члены организации были так осмотрительны, как Точисский, и подчас рекомендовали рабочим народнические издания без особого разбора. Не вся литература была доступна рабочим при самостоятельном чтении. Газеты и такие книги, как «Хитрая механика», «Царь-голод», рабочие могли читать сами. Более серьезная литература, требовавшая пояснений пропагандистов, читалась в кружках. Как уже отмечалось, особое внимание члены «Товарищества» уделяли коллективному изучению в кружках «Манифеста Коммунистической партии».

Библиотека «Товарищества» приносила большую пользу в пропагандистской деятельности организации.

Интересна судьба этой библиотеки. Хотя часть книг «Товарищества» была взята жандармами при обысках, однако большую часть библиотеки удалось спасти от разгрома, и есть основание утверждать, что она перешла в руки рабочего Балтийского завода И. И. Тимофеева, который после разгрома «Товарищества» стал членом группы Бруснева и передал ей книги «Товарищества». Таким образом, группа Бруснева стала преемницей библиотеки «Товарищества санкт-петербургских мастеровых».

Одним из мероприятий в деле организации рабочих, как уже указывалось, было создание при «Товариществе» двух касс: ссудо-вспомогательной и кассы помощи ссыльным и заключенным. По идее устава ссудо-вспомогательная касса должна была стать стачечным фондом.[20] Но средства кассы были настолько малы, что из них не мог образоваться сколько-нибудь существенный фонд для стачечной борьбы. Ссуды выдавались главным образом библиотеке на приобретение новых книг. Часть этих ссуд покрывалась из пожертвований.[21]

Касса помощи ссыльным и заключенным по уставу должна была оказывать помощь рабочим, даже не членам организации, но подвергшимся преследованиям за революционную деятельность.[22] Однако денежные средства и этой кассы были невелики, поэтому сколько-нибудь существенную помощь

[20] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 31; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 362.

[21] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 329.

[22] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 31; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 363.

нуждавшимся в ней она оказать не могла. Этой кассой в летние месяцы ведал Е. А. Климанов.[23]

Новое положение устава несколько оживило деятельность касс. Брейтфус в письме к Точисскому в Житомир писал, что «кассы развиваются».[24] Но правительство уже напало на след организации и пресекло начавшую было развертываться работу.

Связь «Товарищества» с другими городами. Руководители «Товарищества» стремились установить связи с провинцией, распространить свое влияние и за пределы Петербурга. С этой целью было намечено создать ряд организаций, аналогичных «Товариществу», в других городах. Известна попытка создать кружок в рабочем поселке Колпино, где расположен Ижорский завод.[25]

Поставив перед собой цель, «Товарищество» взялось за ее осуществление. В июле 1887 г. Точисский переехал из Петербурга в Колпино и поступил на завод. Началась знакомая нам по петербургским заводам деятельность Точисского. Он знакомится с рабочими, присматривается к товарищам по работе, заводит связи, начинает подбирать людей для задуманной им организации. Организаторский талант Точисского, петербургский опыт и личное обаяние помогли ему за короткое время найти подходящих людей и создать ядро будущего «Товарищества колпинских мастеровых». Над созданием организации колпинских рабочих Точисский работал не один. Известно, что к нему из Петербурга приезжали товарищи, чаще всего Андрей Брейтфус, привозивший в Колпино книги из библиотеки «Товарищества».[26] Эти книги затем распространялись среди рабочих, завербованных Точисским. Поездки из Петербурга в Колпино с грузом книг совершались несколько раз за сравнительно короткое время. Все возраставший спрос на литературу свидетельствовал о растущем охвате рабочих Колпино пропагандистской деятельностью.

Точисский прожил в Колпино несколько месяцев. (В июне 1887 г. он приехал в Колпино, а осенью уже возвратился в Петербург.[27])

Чем был вызван такой срочный отъезд из Колпино, почему Точисский оставил работу по созданию здесь организации?

[23] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 34; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 365.

[24] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 17; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 353.

[25] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 332.

[26] Там же.

[27] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 52; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 375.

Дело в том, что его деятельность привлекла внимание полиции. Возникла опасность провала работы на Ижорском заводе, и, что особенно важно, этот провал мог дать в руки жандармов нити к самому центру организации, к «Товариществу санкт-петербургских мастеровых». В целях конспирации Точисский вынужден был покинуть Колпино. За короткий период, около трех месяцев, он много поработал над созданием организации среди колпинских рабочих.

Связь Петербурга с Колпино сохранялась, хотя сам Точисский больше туда не смог поехать. Однако дело создания прочной организации в Колпино местными силами, даже при сохранившихся связях с Петербургом, не увенчалось успехом.

После высылки из Петербурга основных деятелей «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» в 1888 г. была сделана попытка организовать «Товарищество» в Москве. В это время в Москве жили члены «Товарищества» Л. Аркадакская и Е. Данилова. После приезда в Москву из ссылки А. Брейтфуса и П. Точисского было обсуждено предложение организовать здесь тайное общество по образцу петербургского с теми же целями. Были уже сделаны первые шаги, но Точисский и его товарищи вынуждены были срочно покинуть Москву ввиду начавшейся полицейской слежки.[28]

Преемственность в деятельности социал-демократических организаций. «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» и «Партия русских социал-демократов» некоторое время работали среди петербургского пролетариата параллельно. Естественно возникает вопрос: существовала ли связь между этими двумя организациями? Известно, что в библиотеке кружка Точисского имелась газета «Рабочий» — орган «Партии русских социал-демократов». Если учесть, что сама группа Благоева располагала не столь большим количеством экземпляров своей газеты, то из этого следует, что газета «Рабочий» не случайно попала в руки Точисского. Очевидно, «Товарищество» получило газету от членов благоевской группы, с которой кто-то из членов «Товарищества» имел связь.

Материалы дознания свидетельствуют, что члены «Товарищества» были знакомы с участниками группы Благоева.[29] Прокурор С.-петербургской палаты в своих выводах указывал, что «Товарищество» было связано с благоевской группой, а именно с членами этой группы — Григорием Хлопиным, Гурием Петровским и другими.[30] Действительно, у Ивана Шалаевского при обыске было отобрано фото Хлопина.

[28] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 334.

[29] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 64; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 383.

[30] ЦГИАЛ, ф. 1405, 1888 г., оп. 89, д. 11129, лл. 111, 113;

В письме, взятом у Е. Даниловой, М. Точисская сообщала, что «Хлопин забран был, но теперь отдан на поруки».[31] У Гурия Петровского был куплен переплетный станок.[32] Итак, связи между двумя группами поддерживались через отдельных представителей.

Данные, которыми мы располагаем, не говорят об органической связи между этими родственными группами, о внутренней плановой согласованности в их работе. Не имели места и встречи руководителей обеих организаций. Знакомство Точисского и Благоева состоялось значительно позднее в Болгарии, в г. Варна, уже после высылки Благоева за пределы России.

Однако можно ли объяснить простым совпадением фактов то, что арестованного пропагандиста благоевской группы А. А. Герасимова заменил П. Точисский? А. Герасимов занимался пропагандой среди рабочих Александровского завода. После его ареста Точисский собирал кружок рабочих этого завода, еженедельно проводил в нем занятия, а Брейтфус по заданию Точисского снабжал рабочих литературой. Вероятнее всего, что Точисский, работая в это время за Невской заставой, знал о деятельности благоевца на Александровском заводе и, получив сведения о том, что кружок потерял пропагандиста, явился на завод и продолжил начатое дело.[33]

Можно предположить, что существо пропагандистской деятельности «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» было близко к аналогичной работе «Партии русских социал-демократов», по крайней мере, на отдельных ее участках, в частности в деле создания рабочих кружков.

Почему же Точисский не установил более тесных связей с «Партией русских социал-демократов», не был знаком с ее руководителями, действовал самостоятельно, хотя благоевская группа была более оформленной, имела программу, газету, типографию, довольно значительные связи с рабочими? Очевидно, ответ на этот вопрос надо искать в том, что́ принципиально отличало эти две ранние социал-демократические организации.

В благоевской группе всю основную работу выполняли студенты — члены организации, т. е. интеллигенция. Точисский же придерживался прямо противоположного взгляда, рассматривая интеллигенцию как временного попутчика рабочего класса, как техническую силу, которую только в этом смысле и следует использовать. В практической деятельности

[31] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, лл. 7,25; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347, 359.

[32] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., т. I, л. 45; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 371.

[33] Н. Л. Сергиевский. О кружке Точисского. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 340.

«Товарищества» он стремился именно рабочих сделать ведущей силой, руководящим ядром организации. Эту линию Точисский последовательно и принципиально отстаивал: об этом свидетельствуют его предложения об изменении устава, а затем его протест по поводу принятых без него изменений устава, в которых Точисский усмотрел ломку основной линии. Таково первое принципиальное различие во взглядах, в приемах работы этих двух социал-демократических организаций. Естественно, что придерживаясь этих взглядов, Точисский не мог пойти на объединение с благоевцами.

Второе принципиальное различие состояло в том, что «Товарищество» категорически и безоговорочно отрицало индивидуальный террор, в то время как в программе благоевцев, хотя и с оговорками, это положение имело место.[34] Даже принятая благоевцами программа группы «Освобождение труда» отдавала дань увлечению терроризмом. «Товариществу санкт-петербургских мастеровых» были чужды идеи Ф. Лассаля об «ассоциациях» и «государственной помощи», разделявшиеся «Партией русских социал-демократов».[35] Наконец, осторожный конспиратор Точисский, по-видимому, считал более целесообразным для своей организации работать параллельно с группой Благоева, хотя и разделял многие взгляды последней и, в частности, практические методы пропаганды среди петербургских рабочих.

Таким образом, «Товарищество» в известной мере самостоятельно, но параллельно «Партии русских социал-демократов» прокладывало дорогу социал-демократизму в России.

Можно ли установить преемственность между «Товариществом санкт-петербургских мастеровых» и третьей по времени образования в Петербурге социал-демократической группой Бруснева?

Известно, что в составе брусневской организации после разгрома «Товарищества» работали Егор Афанасьевич Климанов, Василий Андреевич Шелгунов, Иван Иванович Тимофеев, Василий Владимирович Буянов и другие передовые рабочие, являвшиеся в свое время активными деятелями «Товарищества». Это, несомненно, указывает на то, что часть, и именно рабочая часть «Товарищества санкт-петербургских мастеровых», вошла в состав брусневской группы. Некоторые из рабочих (Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов) вошли даже в состав рабочего центра группы Бруснева и играли в ней видную роль.

---

[34] «Проект программы русских социал-демократов». См. Программа первого в России с.-д. кружка. Из материалов по истории с.-д. движения в России. «Былое», 1918, № 13, стр. 48.

[35] «Проект программы русских социал-демократов». «Былое», 1918, № 13, стр. 43—46.

Уцелевшее после арестов, обрушившихся на «Товарищество», рабочее ядро не прекратило своей работы. Руководство пропагандой перешло к студенту Технологического института Гурию Петровскому, с которым «Товарищество» имело связь еще до арестов и высылки интеллигентской части организации.[36] Гурий Петровский привлек к пропагандистской работе среди рабочих «Товарищества» одного из руководителей-пропагандистов группы Бруснева.[37]

Кроме рабочих основного ядра «Товарищества» к группе Бруснева примкнула часть его рабочих кружков. Установлено, что в группу Бруснева вошли кружки И. И. Тимофеева (на Балтийском заводе), В. В. Буянова (на Путиловском заводе), Е. А. Климанова (в Экспедиции заготовления государственных бумаг) и др. Эти кружки были периферийными районными рабочими кружками «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Не случайным является и тот факт, что шрифт, переплетный станок и библиотека «Товарищества» стали достоянием группы Бруснева.

Таким образом, «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» может по праву считаться связующим звеном между «Партией русских социал-демократов» и последующей социал-демократической организацией Бруснева.

Аресты, разгром организации. «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» просуществовало до конца 1888 г.

Провал «Товарищества» произошел по нескольким причинам. Во-первых, выследили самого Точисского и других членов руководящего ядра; во-вторых, повлияли аресты членов других организаций: арест Хлопина навел полицию на след кружка Точисского. Провал наступил не сразу. Еще в феврале 1888 г. часть членов «Товарищества» попала под подозрение полиции. Перед руководящим ядром кружка встала задача принять необходимые меры для сохранения «Товарищества», его библиотеки, его связей в рабочей среде. Решено было собраться, чтобы обсудить создавшееся положение и распределить функции на случай арестов. Собрание было намечено Точисским в деревне Заманиловке, за третьим Парголовом. Несмотря на строжайшие предосторожности и соблюдение конспирации, собрание не состоялось. За Е. Даниловой увязался шпик. Предупредить об опасности разместившихся по разным вагонам товарищей не было возможности и только на станции Удельной удалось сообщить о шпиках Точисскому и Лазареву. На ходу поезда Лазарев, Точисский и Брейтфус на глазах у шпиков выпрыгнули из вагона в снег и пешком

---

[36] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 45; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 371.

[37] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, 2 (35), стр. 16—17.

добрались до города. Так и не удалось больше собраться вместе всем членам организации.[38]

В марте 1888 г. начались аресты. Первыми были арестованы Точисский, Лазарев и А. Брейтфус. За арестами последовала высылка их из Петербурга. Точисский и Лазарев были высланы в Житомир, А. Брейтфус — в Тверь. Этими арестами полиция не ограничилась; напав на след организации, она продолжала следить за другими членами. Были использованы все приемы жандармского «искусства» — и слежка, и перлюстрация писем, и филерские донесения. Наконец, было возбуждено дело «О преступном сообществе санкт-петербургских мастеровых». Ядро учредителей «Товарищества» было выявлено, арестовано и предстало перед властями по обвинению в государственном преступлении. Необходимо подчеркнуть, что благодаря той системе конспирации, которая пронизывала всю деятельность «Товарищества», власти получили крайне скудные материалы, поэтому установить действительное положение дел в организации они не смогли. Интересно, что выводы министра юстиции разошлись с выводами прокурора по вопросу о степени «преступности» организации и ее отдельных членов.

Министр юстиции считал, что дознание не дало достаточных данных, свидетельствующих о том, что «Товарищество» вело революционную пропаганду среди рабочих. Он полагал, что организация имела небольшое число членов и была обнаружена настолько быстро, что не смогла и не успела проявить своей преступной деятельности.[39] Совсем иначе звучат выводы прокурора. Прокурор считал, что организация и деятельность «Товарищества» свидетельствуют, что его целью являлось «развитие и поддержание в среде рабочих противоправительственных идей в интересах революционной партии».[40]

Всего по делу «Товарищества санкт-петербургских мастеровых», которое разрешалось в административном порядке, было привлечено десять человек. Рабочая часть организации уцелела и сыграла большую роль в дальнейшем развитии пропаганды среди петербургских рабочих.

Благодаря тому, что истинная сущность организации осталась невыясненной, участники ее понесли сравнительно легкое наказание. Прокурор предложил П. Точисского и Л. Брейтфуса подвергнуть одиночному заключению на год, Д. Лазарева — на 9 месяцев, А. Брейтфуса — на 6 месяцев, М. Точисскую и Э. Брейтфуса — на 4 месяца, Л. Аркадак-

[38] А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 334. — Данилова, как вспоминает Брейтфус, была «очень близорука и никогда не умела следить за хвостами».

[39] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г. д. 1112, т. I, л. 70; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 386—387.

[40] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, т. I, л. 66; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 384.

скую — на 2 месяца, В. Лазареву и И. Шалаевского — на месяц каждого. После отбытия тюремного заключения обвиняемых должны были отдать под гласный и негласный надзор полиции на разные сроки. Братьев Брейтфусов предлагалось выслать за пределы России как неблагонадежных прусских подданных.[41] В отношении Е. Даниловой дознание было прекращено ввиду ее психического заболевания с указанием, что дело будет возобновлено по ее излечении. Сроки наказания обвиняемым были несколько уменьшены по предложению министра юстиции, сенатора Манасеина. Павел Точисский, Людвиг Брейтфус и Дмитрий Лазарев отбывали свой срок одиночного тюремного заключения в петербургских Крестах.

Тернист и тяжел путь революционера. Не всякий преодолевает стоящие перед ним трудности, опасности, лишения. Большинство членов «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» оказалось людьми стойкими, преданными революционному делу; никто из них не струсил, не отступил, не оказался предателем, не проявил малодушия на жандармских допросах, не дал себя запугать. «Кто служит идее, — говорила Данилова, — тот должен быть готов на самые тяжелые жертвы».[42] Из членов «Товарищества» отошел от работы по состоянию здоровья еще до разгрома организации только И. Шалаевский.

* *
*

О «Товариществе санкт-петербургских мастеровых» сохранилось мало данных как документальных, так и мемуарных. «Товарищество» было почти неизвестно своим современникам. Расправа царского правительства с кружком Точисского в административном порядке не дала возможности его членам громогласно заявить о себе обществу, превратить суд в политическую трибуну.

«Товарищество» проделало немалую работу, имело довольно значительные связи в рабочей среде, вело пропаганду на ряде заводов, но оно еще не успело в полной мере развернуть свою деятельность: «Товарищество» не создало своего печатного органа, не разработало программы. Этими обстоятельствами в некоторой степени можно объяснить, почему современники мало знали о «Товариществе».

Отсутствие достаточных данных о «Товариществе» объясняется и приемами его работы. Точисский стремился

[41] Будучи высланным за границу, Андрей Брейтфус обратился с письмом к группе «Освобождения труда», в котором сообщил о разгроме «Товарищества» и просил опубликовать в «Социал-демократе» имена членов организации, подвергшихся репрессиям со стороны царского правительства. Это письмо к группе «Освобождение труда» сохранилось (Литературное наследство Плеханова. Сб. 1, М., 1934, стр. 255).

[42] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 1112, л. 7; «Красная летопись», 1923, № 7, стр. 347.

всю основную работу сосредоточить в руках самих рабочих. Он сам и его ближайшие товарищи (Лазарев, Шалаевский, Климанов) работали на заводах рядовыми рабочими, и потому их пропагандистская деятельность была не заметна для постороннего глаза. Казалось, что рабочие ведут свою «обычную беседу».

Выясняя причины, почему о Точисском и его кружке мало воспоминаний, следует отметить еще одну характерную черту, присущую этой организации. Революционно настроенным интеллигентам было трудно проникнуть в «Товарищество», так как Точисский смотрел на интеллигенцию как на временного попутчика и постоянно старался ограничить ее доступ в организацию. Кроме того, следует иметь в виду строжайшую конспирацию, которая пронизывала всю работу кружка. Поэтому, хотя «Товарищество» проводило значительную работу среди петербургского пролетариата, современники, исключая немногочисленных посвященных, ничего или почти ничего не знали о его деятельности.

Социал-демократическая организация «Товарищество санкт-петербургских мастеровых» представляет большой исторический интерес. Она возникла и работала во второй половине 80-х годов, когда марксизм в России еще не получил широкого распространения и признания. Поэтому выступление «Товарищества» на арене революционной борьбы в России против основных народовольческих идей, культа героев-одиночек, революционного авантюризма, тактических установок и приемов работы народников является большой заслугой организации перед российским пролетариатом.

Значительный интерес представляют структура, приемы конспирации, особенности методов пропаганды, которыми руководствовались члены «Товарищества» в своей работе. Организационные формы, тактические приемы, присущие данной социал-демократической организации, — это то, что выработали, создали сами участники организации, так как позаимствовать их им было почти неоткуда. Члены «Товарищества» еще во многом ошибались, были далеко не последовательны в своих взглядах, но бесспорным является тот факт, что по важнейшим принципиальным вопросам программы и тактики они стояли на социал-демократических позициях.

«Товарищество санкт-петербургских мастеровых» воспитало кадры революционных рабочих, которые после разгрома организации удержали ее знамя и понесли его дальше. Замечательные рабочие-пропагандисты Е. А. Климанов, В. А. Шелгунов и другие члены кружка Точисского составили руководящее ядро другой социал-демократической организации — группы Бруснева, которая в свою очередь дала рабочие кадры ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БРУСНЕВА

ГЛАВА I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ БРУСНЕВА

Образование интеллигентского центра. Конец 80-х начало 90-х годов в революционном движении России знаменательны тем, что именно в этот период в Петербурге возникла социал-демократическая организация, охватившая своей деятельностью большинство рабочих районов столицы. Подъем стачечного движения не мог не наложить определенного отпечатка на весь облик и деятельность этой организации.[1]

Воспоминания рабочих, активных деятелей этой организации, Н. Богданова, В. Шелгунова, К. Норинского, В. Карелиной и других дают ценные сведения о возникновении и деятельности группы.[2] Они сообщают много интересного о работе разрозненных рабочих кружков, о постепенном сплочении их в единую организацию, о роли интеллигенции — студенчества в деле пропаганды и организации рабочих кружков, о составе кружков, о руководителях и об организационной структуре группы.

После разгрома «Партии русских социал-демократов» и арестов «интеллигентского состава» «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» передовые рабочие Путиловского, Обуховского, Балтийского, Александровского и других заводов Петербурга заменили пропагандистов-интеллигентов, вырванных арестами и ссылками. Они сохранили связи, про-

[1] Стачечная борьба рабочих, несмотря на глубокий кризис 90-х годов, не только не пошла на убыль, она разрасталась, принимая все более массовый характер (см. «Рабочее движение в России в XIX веке». Сб. документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, т. III, ч. 2. М., 1952).

[2] Важнейшие данные об этой организации и ее деятелях дают и воспоминания ее пропагандистов-интеллигентов М. И. Бруснева, Л. Б. Красина, В. С. Голубева, В. В. Святловского, М. С. Ольминского и др.

должили работу в кружках, на вечерних технических курсах, в воскресных школах.

Рост рабочего движения оказывал влияние на студенческую молодежь. Несмотря на известные упадочнические настроения, проявлявшиеся у некоторой части студенчества конца 80-х годов (что в некоторой степени тормозило создание новой социал-демократической организации после разгрома первых двух[3]), в высших учебных заведениях столицы возникают кружки социал-демократического направления, главным образом среди студентов Технологического института и Университета. Члены студенческих кружков и одиночки,[4] искавшие связей с рабочими, постепенно восстанавливали старые связи и налаживали новые. Студенты стали появляться в рабочих кружках в качестве пропагандистов, обеспечивая их литературой (легальной и нелегальной), помогали организовывать новые кружки. Так возникла в Петербурге третья социал-демократическая организация.

Эта организация, работавшая в конце 80-х и начале 90-х годов XIX в., в исторической литературе известна как «Социал-демократическая организация Бруснева». Присвоенное группе название имеет своим основанием только то, что одним из ее организаторов был Михаил Иванович Бруснев. Однако историческая справедливость требует указать, что наряду с Брусневым над созданием этой организации работали и другие интеллигенты — Василий Семенович Голубев, Вацлав Фадеевич Цивинский, Леонид Борисович Красин, а также и рабочие Василий Андреевич Шелгунов, Егор Афанасьевич Климанов, Федор Афанасьевич Афанасьев, Гаврил Мефодиев и другие.[5] Сам М. И. Бруснев, знакомя товарищей в Москве и Туле с петербургской организацией, называл ее «Рабочим союзом».[6] С.-петербургским «Рабочим союзом» называли свою организацию и активные ее деятели — рабочие, в частности Г. Мефодиев и другие.[7] В заключении прокурора С.-петербургской судебной палаты организация неоднократно названа «Рабочим союзом».[8]

[3] С. Н. Валк. Рабочее движение Петербурга в 80-х и начале 90-х годов и первые социал-демократические группы (см. Очерки истории Ленинграда, т. II, М. — Л., 1957, стр. 384). — Начало 90-х годов дает другую картину. Начавшийся подъем общественного движения, вызванный тяжелым бедствием крестьянства ряда губерний, охваченных неурожаем, выразился главным образом в росте студенческих волнений. Студенческие «беспорядки», начавшиеся в Москве, прокатились по всем университетским городам. В ходе борьбы «академические» требования студентов сменялись требованиями политических свобод.

[4] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. Воспоминания. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 18.

[5] Член этой группы В. В. Святловский писал, что с одинаковым правом эта организация могла бы быть названа и «Группой Голубева» (см. В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 149).

[6] ЦГИАМ, ф. ДП, 7 д-во, 1893 г., д. 220, т. I, л. 93; ЦГИАМ, ф. 102, 5 д-во, 1892 г., д. 259, ч. I, л. 26.

Деятельность группы Бруснева не ограничилась Петербургом, она вышла за его пределы, охватив ряд промышленных центров России. Особенно большая и деятельная организация наряду с Петербургом возникла в Москве, когда туда в 1891 г. переехал М. И. Бруснев.

Архивные материалы Департамента полиции по III, IV, V делопроизводствам, материалы Министерства юстиции, ряд воспоминаний самих деятелей — участников этой ранней социал-демократической организации, а также и современников, дают возможность в известной степени выяснить характер этой организации и деятельность ее по распространению марксизма в России.

Социал-демократическая организация Бруснева оформилась постепенно. Во главе организации стояли два центра: интеллигентский (студенческая группа) и рабочий.

Бруснев в своих воспоминаниях рассказывал, что, приехав в Петербург в 1885 г., он поступил в Технологический институт и включился в работу студенческих кружков самообразования. В 1889 г. среди студентов петербургских высших учебных заведений, главным образом технологов, возникла мысль об образовании всеобщей студенческой организации. Толчком к этому послужили студенческие беспорядки, вызванные усиливавшимися репрессиями.[9] В Петербурге было проведено несколько собраний, на которые приглашались студенты разных учебных заведений. Диспуты, возникшие на этих собраниях, выявили сторонников социал-демократического направления. Большинство студентов высказалось против террористической деятельности, против народнической программы.

В результате возник ряд студенческих кружков саморазвития, главным образом социал-демократического направления, в которых изучали общественные науки, политэкономию, усердно штудировали «Капитал» К. Маркса, примечания Н. Г. Чернышевского к работе Д. Милля.[10] Эти кружки, установив между собой связи, составили довольно значительное «сообщество», во главе которого стояли студенты Технологического института. Организация ставила своей задачей подготовку пропагандистов для работы среди пролетариата.

[7] ЦГИАМ, ф. ДП, 7 д-во, 1893 г., д. 220, т. I, л. 38.

[8] ЦГИАМ, ф. 1405, 1893 г., св. 93, ед. хр. 10547, л. 403. — Однако С. Н. Валк высказывал предположение, что «Рабочим союзом» эту организацию называли ее деятели в обиходе и что придать ей это название рискованно.

[9] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, л. 2.

[10] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 18, 19.

Одновременно с этим «сообществом» действовали и более узкие конспиративные студенческие кружки пропагандистов. В один из них входили студенты-технологи, в другой — студенты Университета и других институтов.[11] Члены этих кружков установили связи с рабочими кружками, где вели пропаганду.

Из существовавших студенческих кружков можно назвать кружок, в состав которого входили: Р. Э. Классон, А. П. Коробко, О. К. Григорьева, участвовала в этом кружке и Н. К. Крупская.[12] В кружке серьезно изучали первый том «Капитала» К. Маркса. Работал в этот период и кружок Родзевичей. Членами этого кружка были: Г. М. Родзевич, Ю. И. Родзевич, Г. Петровский, П. А. Голубев, В. И. Иванов и др.[13] Г. М. Родзевич вел пропаганду среди рабочих, свой рабочий кружок он затем передал М. И. Брусневу.

Осенью 1889 г. М. Бруснев был введен в состав одного из студенческих кружков пропагандистов, связанных с рабочими.[14] Кружок состоял из студентов-технологов: В. Цивинского, Ч. Баньковского, И. Бурачевского, И. Епифанова и других. Несколько позднее в него вошел Л. Красин.

Н. К. Крупская указывает, что в те времена у каждого учебного заведения была своя физиономия: студенты Лесного института были главным образом народниками, студенты Петербургского университета склонялись к марксизму, но с примесью «легального марксизма», вокруг Технологического института группировалась марксистская революционная молодежь.[15]

Л. Б. Красин в своих воспоминаниях писал: «Несомненно, что соприкосновение с рабочей средой во время практических занятий в мастерских на фабриках и заводах пробуждало у технологов интерес к рабочему движению. Студенческие кружки саморазвития, изучавшие общественные науки, политическую экономию, приходили к выводу о необходимости... организации рабочих кружков и рабочего движения».[16]

---

[11] С. Н. Валк. Рабочее движение в Петербурге в 80-х и начале 90-х годов и первые социал-демократические группы, стр. 385.

[12] Затем Н. К. Крупская перешла в кружок Бруснева. См. Н. К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 137.

[13] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 17.

[14] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, л. 3. — Через этот кружок Бруснев приобщился к рабочему движению.

[15] Н. К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 137. — Именно тем, что Технологический институт был центром марксистского движения в Петербурге, Н. К. Крупская объясняет то, что В. И. Ленин поселился в том районе. Об этом Н. К. Крупская в 1924 г. писала из Москвы в Ленинград П. Н. Столпянскому.

[16] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5, л. 8.

Первыми марксистами из среды студентов-технологов Н. К. Крупская называет М. И. Бруснева, Л. Б. Красина, В. Ф. Цивинского и др.[17]

О движении среди петербургского студенчества, приведшего к созданию социал-демократической группы Бруснева, вспоминает и рабочий завода «Сименс и Гальске» А. А. Соловьев. Он рассказывает, что в 1889 г. среди петербургского студенчества началось революционное брожение, начали создаваться социал-демократические кружки — «сообщества». Вначале эти студенческие кружки занимались главным образом саморазвитием, затем стали искать связей с рабочими кружками.[18] Так, в 1889 г. возник студенческий социал-демократический кружок, в который вошел М. И. Бруснев. Этот кружок превратился затем в интеллигентский центр группы Бруснева.[19]

Интеллигентский центр организации состоял в основном из студентов-технологов, а также студентов Университета и Лесного института. Из студентов-технологов в центр входила группа русских студентов: М. И. Бруснев, Л. Б. Красин, В. И. Иванов и группа поляков: Лелевель, Цивинский, Бурачевский, Баньковский, Косинский; из студентов С.-Петербургского университета — В. С. Голубев, В. В. Святловский, Д. В. Странден и др. Группа студентов Лесного института была представлена Н. Сивохиным.[20] В близких отношениях к интеллигентскому центру стоял студент С.-Петербургского университета В. В. Бартенев.

Начавшиеся в 1890 г. аресты студентов в связи со «студенческими беспорядками» произвели большие опустошения в рядах интеллигентского состава организации.[21] К осени 1890 г. в интеллигентском центре осталось только четыре человека: М. И. Бруснев, В. С. Голубев, Л. Б. Красин, В. Ф. Цивинский. Надо было пополнить ряды интеллигенции. К этому времени в Духовной академии оформился довольно сильный

---

[17] Н. К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 137.

[18] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 2, л. 5.

[19] Н. Л. Сергиевский считает, что бруснeвский центр ведет свою родословную от кружка студентов-технологов, работавших несколькими годами раньше. Персонально в этот кружок, как утверждает Сергиевский, входили: Б. Ф. Лелевель, Г. М. Родзевич, Г. Петровский, П. Голубев (горняк), В. Иванов, А. Диорденко. Однако с достоверностью известно лишь то, что указанные студенты вели пропагандистскую работу ранее образования бруснeвского центра и что Лелевель, Родзевич, Иванов входили в образовавшийся в 1889 г. студенческий центр (см. Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 17—20).

[20] Н. Сивохин к этому времени, как и большинство студентов Лесного института, еще разделял народнические взгляды.

[21] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 114.

кружок. Для установления связи с ним был послан Л. Б. Красин. Он провел ряд собраний в Духовной академии, в результате которых десять «академиков» примкнуло к организации.[22] Часть «академиков» (Колтыпин, Богоявленский. Воскресенский) стали вести занятия в рабочих кружках. Но их работа продолжалась недолго. В апреле 1891 г. начальство Академии обнаружило у студентов рукописи и брошюры революционного содержания. Примкнувшие к группе Бруснева «академики» были исключены из Академии и высланы из Петербурга.[23]

Образование Центрального рабочего кружка. Студенческий кружок под руководством М. Бруснева установил связи с рабочими кружками и создал ряд новых кружков. В жизни революционных рабочих кружков, из которых и сложилась социал-демократическая организация Бруснева, нужно отметить два периода. Первый, или ранний, период характеризовался тем, что между кружками не только разных районов, но даже заводов одного района налаженных, постоянных связей не было.[24] Существовавшие связи были нерегулярны и носили случайный характер, существа деятельности кружков они не касались. Чаще всего связь устанавливалась через студента-пропагандиста. Не было планомерности и в работе кружков. Пропаганда велась без всякой предварительно разработанной программы. Каждый студент-пропагандист по-своему вел занятия, сам выбирал материал, тему для работы в кружке.[25]

Подчеркивая отсутствие налаженной систематической связи между отдельными рабочими кружками в этот период их деятельности, Бруснев указывает, что кружки не были объединены в одну организацию, связь устанавливалась исключительнс по знакомству и была случайной.[26] Существо связей сводилось лишь к информационным сообщениям о работе кружков между интеллигентами-пропагандистами и в лучшем случае между интеллигентом-пропагандистом и передовым рабочим, интересующимся состоянием работы в других районах.

Однако рост рабочего движения и появление новых кружков настоятельно требовали единства организации.

В Петербурге к зиме 1889/90 года насчитывалось до двадцати кружков, где вели пропаганду интеллигенты, и ряд рабочих кружков, где руководителями являлись сами рабочие.[27] Кружки имелись за Нарвской и Невской заставами, на Выборгской стороне, в центре города. Создавались они главным образом на крупных предприятиях: на Путиловском (здесь работало несколько кружков), Балтийском, Обуховском заводах, на Карточной фабрике, на фабрике Воронина, в Экспедиции заготовления государственных бумаг, в Галерной гавани и др. Выросшая сеть кружков предъявляла серьезные требования к руководству. Интеллигентский центр группы Бруснева не справлялся с новыми задачами. В конце 1889 г. возникла идея объединить рабочие кружки всех районов Петербурга. Эта мысль появилась как у рабочих-кружковцев, так и у интеллигентов-пропагандистов.[28] Часть студентов-пропагандистов считала, что им должно принадлежать руководство всем движением, что во главе всей организации должен быть поставлен интеллигентский центр. Бруснев же считал, что такая схема построения организации неправильна, в своей основе «неудачна» и не приведет к положительным результатам, так как рабочее движение по своему классовому содержанию отлично от студенческого. Кроме того, студенческая масса была очень текучей: во-первых, студентов часто арестовывали в связи со «студенческими беспорядками», во-вторых, они разъезжались на каникулы, прекращая занятия в рабочих кружках, а по окончании учебного заведения покидали Петербург. О разъездах студентов-пропагандистов на каникулы или на «дачи», мешавших нормальной работе кружков, с горечью говорил В. А. Шелгунов.[29] Бывали моменты, когда с наступлением лета некому было заниматься в рабочих кружках, тем более осуществлять руководство всей организацией. Поэтому Бруснев считал, что необходимо найти постоянную опору для организации, которая несмотря ни на что была бы преемственно непрерывной. Такой опорой могли быть только сами рабочие.[30]

Бруснев и другие интеллигенты-руководители пришли к выводу о необходимости пересмотреть структуру организации, создать рабочий центр, в руках которого сосредоточить общее руководство, оставив за пропагандистами-интеллигентами руководство пропагандой в узком смысле этого слова, т. е. постановку и проведение занятий в кружках.[31]

Параллельно с этими планами организационного оформле-

---

[22] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 23.
[23] Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в 1891 г., вып. XVI, стр. 4.
[24] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, л. 5.
[25] Там же.
[26] Там же.

[27] С. Н. Валк. Рабочее движение в Петербурге в 80-х начале 90-х годов и первые социал-демократические группы, стр. 386.
[28] К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге. 1893—1901. «Прибой», 1924, стр. 14; В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 113.
[29] В. А. Шелгунов. Воспоминания. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы“». ГИЗ. Донское отд. 1921, стр. 57.
[30] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 22, 23.
[31] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, лл. 5—6.

ния руководящего центра, обсуждавшимися среди интеллигентов-руководителей, наблюдался и другой процесс — движение снизу, из рабочей среды. Передовые рабочие ощущали насущную необходимость в крепкой, сплоченной организации: все явственнее чувствовалась разрозненность, оторванность кружков, отсутствие связи в их деятельности, отсутствие единого руководства. Передовые рабочие также поставили перед собой задачу — создать руководящий рабочий центр.

В конце 1889 и начале 1890 г. осуществилось организационное объединение рабочих кружков. В этих целях были созваны два общих собрания, на которых присутствовали представители большинства рабочих кружков. Происходили они — одно за Нарвской заставой, другое — на Васильевском острове, в квартире рабочего Балтийского завода В. Фомина, в Гавани.[32] На этих собраниях было принято решение о создании «Центрального рабочего кружка», в руках которого должны были быть сосредоточены все нити руководства.

Известно, что на этих же собраниях обсуждались проекты устава организации. Разработка примерного устава была заранее поручена нескольким лицам, в том числе и В. Фомину.

В своих воспоминаниях В. Фомин указывал, что к вопросу устава члены организации отнеслись очень серьезно; проекты тщательно обсуждались и многократно переделывались.[33] Только в результате всестороннего обсуждения различных проектов был принят устав организации.

«...В Гавани, в маленькой комнате рабочего Балтийского завода Владимира Фомина, — пишет Н. Богданов, — был выработан и принят устав нашей организации. Были установлены районы, и от каждого района по одному представителю в комитет... Не велики были наши силы, но огромны воодушевление и решимость начать борьбу за освобождение рабочего класса».[34] Собрания представителей рабочих кружков Петербурга проделали большую работу. Они выработали новую организационную структуру, создали руководящий центр и приняли устав организации. С образования руководящего рабочего центра — Центрального рабочего кружка, объединившего разрозненные рабочие кружки, начался второй период в жизни организации.[35]

На основе принятых решений началась перестройка петербургской бrusневской организации. В каждом рабочем кружке был выделен руководитель-организатор из состава

[32] М. С. Ольминский. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 41.

[33] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 74, 75.

[34] М. С. Ольминский. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 41.

[35] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, л. 1.

рабочих-кружковцев. Были установлены районы деятельности. Все кружки данного района объединились в одну районную организацию. От каждого района были выделены представители в Центральный рабочий кружок, или, как его стали называть, Центральный рабочий комитет.[36] Студенческий центральный кружок в свою очередь выделил одного делегата в Центральный рабочий кружок. Представитель от интеллигенции пользовался равными правами с рабочими делегатами.

По свидетельству М. И. Бруснева, Центральный рабочий комитет состоял из восьми делегатов рабочих по числу районов, где функционировали низовые рабочие кружки, и одного делегата интеллигента-пропагандиста.[37] Такое соотношение рабочих и интеллигентов в Центральном рабочем кружке явно свидетельствовало о классовом составе организации. Делегатами, составившими Центральный рабочий кружок, были передовые рабочие: Федор Афанасьев — от Василеостровских кружков; Егор Афанасьев (Климанов) — делегат от Экспедиции заготовления государственных бумаг и Франко-русского завода; Петр Евграфов — от Нового адмиралтейства; Владимир Прошин — от Резиновой мануфактуры; Николай Богданов — представитель Невской заставы; Гавриил Мефодиев — от мастерских Варшавской ж. д.; Василий Буянов — от Путиловского завода; Яков Фомин — от Балтийского завода. Председателя Центрального кружка не избирали, секретарем выделили Николая Богданова, кассиром — Егора Афанасьева (Климанова).[38]

Николай Богданов подчеркивал, что в целях конспирации при организации Центрального кружка выборное начало не применялось.[39] О «естественном», а не выборном начале, на котором был создан Центральный рабочий кружок, вспоминает В. Бартенев; «Центральный рабочий кружок составился естественным путем, рабочие туда не выбирались».[40]

Центральный рабочий кружок просуществовал три года, до разгрома всей организации в 1892 г. За период с 1889 по 1892 г. первоначальный состав центра видоизменялся: из-за арестов и выбытия некоторых членов комитета приходилось прибегать к кооптации.

Центральный рабочий кружок в отличие от интеллигент-

[36] В. В. Святловский указывает, что Центральный кружок имел и другое название: «Групповое собрание представителей заводов» (см. В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 148—149).

[37] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. Воспоминания. «Пролетарская революция», 1923, 2 (14), стр. 23.

[38] М. С. Ольминский. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 41.

[39] Там же.

[40] В. Бартенев. Из воспоминаний петербуржца во второй половине 80-х годов. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 196.

ского центра был создан для непосредственной практической организационной работы. Бруснев, подчеркивая организаторскую роль рабочего центра, говорил: «Это был настоящий «центральный комитет», в задачи которого пропаганда входила только отчасти, и многие из членов этого комитета даже не занимались пропагандой, а некоторым это даже возбранялось».[41]

На Центральный рабочий кружок возлагалось руководство организацией, сплочение воедино разрозненных рабочих кружков, забота о росте организации, создание новых кружков. Центральный кружок собирался регулярно каждую неделю. На собраниях делались доклады о положении дел в организации и в отдельных кружках, обсуждались кандидатуры новых членов организации. На Центральном рабочем кружке лежала и такая ответственная задача, как подбор руководителей-пропагандистов для работы в кружках.[42]

В кружках, объединенных рабочим центром, было свыше ста петербургских рабочих, преимущественно крупных заводов. Численный состав каждого кружка был невелик — 5—8 человек. Работали кружки нелегально, строго соблюдая конспирацию.

Рабочие кружки делились на две категории: кружки высшего типа, где передовые рабочие подготавливались к самостоятельной пропагандистской деятельности, — пропагандистами в этих кружках были интеллигенты; и кружки низшего типа, где занятия велись самими рабочими-пропагандистами.

В своей работе Центральный рабочий кружок был связан с Центральным кружком интеллигентов-пропагандистов через их делегата, который являлся полноправным членом Центрального рабочего кружка. Первым представителем от интеллигентов-пропагандистов в Центральном рабочем кружке был Василий Семенович Голубев (студент С.-Петербургского университета).[43] После ареста В. С. Голубева в 1890 г. его место занял М. И. Бруснев, а в связи с отъездом Бруснева в Москву представителем в рабочий Центр был направлен М. С. Ольминский,[44] а затем В. Ф. Цивинский.

[41] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 1, л. 30.

[42] В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 13—14; В. Бартенев. Из воспоминаний петербуржца во второй половине 80-х годов. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 196.

[43] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. Воспоминания. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 23.

[44] М. С. Ольминский (Александров) был членом «Группы народовольцев», но привлекался брусневцами в качестве пропагандиста рабочих кружков. К этому времени М. Ольминский уже встал на путь критической оценки народничества и находился на пути перехода к социал-демократизму (см. М. С. Александров. Группа народовольцев. «Былое», 1906, № 11, стр. 8).

Следует отметить еще одну попытку в деле укрепления организационной структуры группы Бруснева. К концу 1890 г. был поднят вопрос о необходимости создания, кроме Центрального рабочего кружка, также и районных центров. Но эта идея не была осуществлена из-за начавшихся арестов, ослабивших организацию.[45] Хотя эта идея и не была осуществлена, но сама постановка такого вопроса представляет большой интерес. Она говорит о том, что растущая организация предъявляла повышенные требования к руководству. Руководство из одного центра все более разветвлявшейся организацией без должного руководства на местах, в районах, уже не удовлетворяло. Интересна эта идея еще и потому, что она дает основание судить, в каком направлении организация искала выхода и как нащупывались новые организационные формы, которые несомненно укрепили бы организацию.

Наряду с рабочим центром в социал-демократической организации Бруснева, как указывалось, существовал и интеллигентский центр. По своим функциям эти два центра резко отличались. Интеллигентский центр являлся по преимуществу пропагандистским, в его задачи входило руководство делом пропаганды в рабочих кружках. Каждый член этого центра был пропагандистом рабочего кружка или занимался на дому с наиболее развитыми рабочими, подготовляя из них в свою очередь пропагандистов. На собраниях этого центра, которые проводились также регулярно, каждую неделю, члены его делились опытом пропагандистской деятельности, вырабатывали общие установки в деле пропаганды как по содержанию, так и по методике ее проведения, обсуждали программы занятий. Интеллигентский центр выполнял функции педагогического совета.[46]

Пропагандисты-интеллигенты. Из руководителей-интеллигентов наиболее выдающимися были: Бруснев Михаил Иванович, Голубев Василий Семенович, Цивинский Вацлав Фадеевич, Красин Леонид Борисович.

М. И. Бруснева рабочие уважали и любили как организатора и пропагандиста. О М. И. Брусневе очень тепло писала Н. К. Крупская: «М. И. Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, целиком ушедшим в рабочее движение».[47]

Вспоминая о практической революционной деятельности Бруснева, Л. Б. Красин указывал, что Бруснев был основным

[45] В. Бартенев. Из воспоминаний петербуржца во второй половине 80-х годов. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 197.

[46] Там же, стр. 196. — Ю. З. Полевой считает, что интеллигентский центр занимался главным образом вопросами пропаганды среди интеллигенции (см. Ю. З. Полевой, ук. соч., стр. 379).

[47] Н.К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей, документов, стр. 137.

организатором всей пропагандистской деятельности организации и через него шли все нити связей с рабочими кружками Петербурга.[48]

Бруснев был умелым руководителем и хорошим конспиратором. Этим отчасти объясняется то, что он, ведя большую работу среди рабочих Петербурга, не попался жандармам.[49] Одетый в рабочий костюм, Бруснев не выделялся среди рабочих, не возбуждал серьезных подозрений. О его революционной деятельности в Петербурге власти только догадывались.[50]

Михаил Иванович Бруснев

В записке московского обер-полицмейстера в Департамент полиции за 1891 г. указано, что «студент Технологического института М. И. Бруснев был на замечании С.-Петербургского охранного отделения в 1889—1890 гг. по подозрению в принадлежности к революционному сообществу».[51]

---

[48] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней (1887—1892). «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 10.

[49] М. Бруснев был арестован в 1892 г. в Москве как руководитель Временного организационного исполнительного комитета московского ядра организации Бруснева.

[50] ЦГИАМ, ф. 102, св. 112, 5 д-во, 1892 г., д. 259, ч. 1, д. 50.

[51] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1891 г., д. 741, л. 108.

Бруснев был знаком с имевшейся тогда в России марксистской литературой. Н. К. Крупская, Л. Б. Красин и другие в своих воспоминаниях называют Бруснева марксистом, социал-демократом. Сам Бруснев, однако, не считал, что его мировоззрение было последовательно марксистским. О себе и своих товарищах по организации он говорил, что они считали себя социал-демократами и так называли себя при выступлениях на собраниях, где присутствовала публика разных направлений.[52]

Судьба М. И. Бруснева такова. После отбытия наказания (шесть лет в тюрьме и десять лет в ссылке в Восточной Сибири) он отошел от революционной деятельности. Однако после Октябрьской революции Бруснев как специалист честно работал.[53] Умер М. Бруснев в 1937 г.

В. С. Голубев пользовался большим авторитетом и уважением у рабочих, знавших его под кличкой «дядя Сеня». Он был деятельным руководителем и пропагандистом организации, одним из ее основателей. Его можно было видеть в разных районах города, неутомимо шагавшего пешком на занятия в рабочие кружки.[54] В своей практической деятельности Голубев в то время безусловно проводил социал-демократическую линию. Но, очевидно, все же Голубев не был до конца последовательным социал-демократом. Дальнейшая его жизнь служит доказательством этому. Известно, что в ссылке под влиянием Зайчневского Голубев перешел к социал-революционерам. После отбытия срока ссылки он поселился в Саратове, где редактировал «Саратовскую земскую неделю». В 1905 г. он был редактором газеты «Наша жизнь». Воспоминания самого В. С. Голубева также свидетельствуют о непоследовательности его социал-демократических убеждений. «Мы не были социал-демократами в собственном смысле этого слова», — писал Голубев.[55]

Вацлав Фадеевич Цивинский также принадлежал к руководящему ядру брусневской группы и, как и первые два товарища, был неутомимым пропагандистом в рабочих кружках. Цивинский пользовался популярностью среди рабочих, но его аристократический вид не давал ему возможности слиться с массой рабочих, как это умело делали Голубев и Бруснев. Цель своей работы в организации Цивинский понимал не-

---

[52] М. И. Бруснев. Первые революционные шаги Л. Б. Красина. «Леонид Борисович Красин („Никитич“)». Сб. воспоминаний, статей, документов, стр. 69.

[53] Заслугой М. Бруснева является и то, что его работы о первых социал-демократических организациях помогают уяснить многое из того, как работали и вели пропаганду пионеры марксизма в России.

[54] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3(15), стр. 16—17.

[55] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 111.

сколько иначе, чем другие. Он считал, что надо создать небольшую инициативную группу, связанную с рабочими, которая должна будет руководить восстанием и организовать новое правительство. Это свидетельствует о том, что Цивинский еще не отрешился от народничества. Однако рабочим вопросом он очень интересовался и был деятельным членом организации.[56]

К интеллигентскому центру бруcневской организации принадлежал и Л. Б. Красин. Он был привлечен в организацию после того, как проявил себя активным участником студенческих «беспорядков». Л. Б. Красин приехал в Петербург из Сибири, поступил в Технологический институт и сразу же включился в работу «землячества», став членом кружка «Упрямых сибиряков». В течение 1888—1889 гг. «сибиряки» регулярно собирались три раза в неделю, изучали «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского, а затем и «Капитал» К. Маркса. О «сибиряках» заговорили, как о людях, выступающих против террора, отстаивающих первостепенное значение экономики и, наконец, изучающих произведения К. Маркса. На студенческих вечеринках в 1889 г. «сибиряки», и в их числе Л. Б. Красин, вели ожесточенные дискуссии со студентами других высших учебных заведений.

В письмах к родителям за 1889—1891 гг. Л. Б. Красин неоднократно сообщал, что изучает «Капитал» Маркса, в котором разоблачается буржуазное общество. При этом необходимость изучения политической экономии, он обосновывал тем, что по своей специальности он будет близко стоять к производству и распределению богатств.[57]

Став членом брусневской группы, Л. Б. Красин руководил кружком ткачей на Обводном канале, а затем работал и в других кружках. В. М. Карелина, характеризуя Л. Б. Красина и его занятия в кружке, писала, что она и другие рабочие многим обязаны Красину, что Красин принадлежал к тому числу интеллигентов, которые самоотверженно работали с массами.[58] О большой популярности и уважении, которым пользовался Л. Б. Красин среди рабочих, рассказывает Н. К. Крупская.[59] После «Шелгуновской демонстрации» Красин был выслан из Петербурга в Нижний Новгород. Там он установил связи с местными кружками, работал в кружке учащейся молодежи, сделал шаги к установлению связей и с рабочими. Вместе с местными марксистами он вел борьбу с народниками — Анненским, Зверевым, Шмидтом и др. Следуя через Москву в нижегородскую ссылку, Красин содействовал установлению связей организации с Москвой.

---

[56] ЦГИАМ, ф. 102, св. 112, 5 д-во, 1894 г., д. 259, ч. 1, л. 33.

[57] С. Познер. Из переписки Л. Б. Красина за 1887—1895 гг. «Леонид Борисович Красин („Никитич“)». Сб. воспоминаний, статей, документов, стр. 120.

[58] В. М. Карелина. Леонид Борисович Красин — пропагандист и организатор рабочих кружков. «Леонид Борисович Красин („Никитич“)». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 88.

[59] Н. К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич“)». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 137.

Леонид Борисович Красин

М. И. Бруснев, Л. Б. Красин, В. С. Голубев, В. Ф. Цивинский — это только более влиятельная часть, руководящая группа интеллигентов-пропагандистов, входившая в брусневскую организацию. И хотя они стояли выше других, но и у них в ряде случаев имели место немарксистские взгляды. Вспоминая годы пребывания в группе Бруснева, Л. Б. Красин писал,

что их мировоззрение было, конечно, ниже, чем у Плеханова и его группы «Освобождение труда».[60]

Пропагандисты-интеллигенты организации Бруснева поставили перед собой задачу — нести рабочим знания, подготовить из рабочих руководителей, «русских Бебелей», способных самостоятельно вести работу среди своих товарищей.[61]

Руководители организации — передовые рабочие. Наряду с группой интеллигентов-организаторов, в группу Бруснева входил ряд замечательных передовых рабочих. Среди петербургских рабочих было немало выдающихся пролетариев. К ним следует в первую очередь отнести: Е. А. Климанова, В. А. Шелгунова, В. В. Буянова, Г. А. Мефодиева, Ф. А. Афанасьева, В. Фомина, С. Фунтикова, А. Фишера, Н. Богданова, К. Норинского, В. Прошина, А. Карелина, В. Карелину, И. Егорова, И. Желабина, Н. Г. Полетаева и других.

На передовых рабочих, беззаветно преданных делу, прежде всего и опиралась социал-демократическая организация Бруснева. С первыми четырьмя передовыми рабочими мы встречались при рассмотрении рабочего ядра «Товарищества санкт-петербургских мастеровых». Это были те, кто уцелел от разгрома и вошел в брусневскую организацию.

Одним из членов Центрального рабочего кружка являлся Н. Богданов — слесарь мастерских Варшавской ж. д. В 1889 г. он окончил техническую школу и продолжал самостоятельно пополнять свое образование. В созданном им кружке он вместе с молодыми рабочими познакомился со статьями Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева, Н. В. Шелгунова, Г. И. Успенского, организовал библиотеку. Затем в кружке Богданова начал работать пропагандист Владимир Переверзев, через которого и была установлена связь с группой Бруснева.[62] Когда образовался Центральный рабочий кружок, Богданов вошел в него как представитель Невского района и стал его секретарем. По отзывам товарищей, Богданов был чутким и отзывчивым человеком, пользовался популярностью и любовью среди членов организации.

При аресте у Богданова было обнаружено значительное количество печатных, гектографированных и рукописных сочинений и воззваний революционного содержания.[63]

Одним из замечательных организаторов рабочего движения в группе Бруснева был рабочий Воронинской мануфактуры Ф. А. Афанасьев. Уже в те дни вся его жизнь была посвящена организации рабочего класса, пробуждению его сознания. Ф. Афанасьев был одним из активнейших организаторов рабочих кружков. Вместе с Е. Климановым и Н. Богдановым он являлся организатором первой маевки. В 1891 г. по

Федор Афанасьевич Афанасьев

заданию Центрального рабочего кружка Ф. Афанасьев переехал в Москву, где поступил на Прохоровскую фабрику. В Москве он провел большую работу по установлению связей с рабочими и созданию рабочих кружков.[64]

К Афанасьеву влекло рабочих не только как к руководителю, но и как «к учителю жизни».[65] Это был человек редкой

---

[60] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3(15), стр. 9.

[61] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, л. 17.

[62] М. С. Ольминский. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к „Союзу Борьбы"». стр. 40.

[63] ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 92, ед. хр. 10979, 1891 г., лл. 1—2. — Впоследствии Н. Д. Богданов стал меньшевиком.

[64] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. Воспоминания. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14).

[65] В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 147.

душевной красоты и глубокого убеждения. «Сколько веры в победу рабочего движения, в социализм было в этом закаленном бойце. На всех нас производил сильное впечатление этот скромный человек, который за свою долгую революционную деятельность мог многим похвалиться и многое порассказать. И он бы один из первых был удивлен, если бы кто-нибудь назвал его героем. А на это он имел право больше, чем кто-либо другой». Так писал об Ф. А. Афанасьеве М. В. Фрунзе, которому довелось работать с ним в Иваново-Вознесенске. «Отцом» называли его рабочие, а интеллигентская часть организации относилась к нему с глубоким уважением.[66]

22 октября 1905 г. член большевистской партии Ф. Афанасьев трагически погиб от рук черносотенцев во время рабочей демонстрации в Иваново-Вознесенске. Он отдал свою жизнь за дело рабочего класса. Имя Ф. Афанасьева принадлежит к числу тех имен, которые должен чтить рабочий класс России, — писал о нем Л. Б. Красин.[67]

Большой интерес представляет деятельность передового рабочего Константина Норинского. С юных лет — тяжелый, непосильный труд, лишения и вместе с тем тяга к знаниям, к свету, к борьбе за лучшую жизнь. В 1884—1885 гг. под влиянием народовольцев он начал читать политическую литературу. Затем на Норинского большое влияние оказал передовой рабочий И. И. Тимофеев, связанный с группой Точисского. Через Тимофеева Норинский, как и другие рабочие, пользовался книгами из библиотеки «Товарищества». В 1886 г. К. Норинский организовал кружок рабочих и небольшую библиотеку.[68] Особую заботу проявлял он в отношении молодых рабочих. Чтобы сплотить молодежь, Норинский организовывал кружки — драматический, хоровой, распространял литературу, вел революционную пропаганду, летом устраивал прогулки, катанье на лодках.

После разгрома организации в 1892 г., когда был создан второй Центральный рабочий кружок, Норинский вошел в него как представитель района. В. А. Шелгунов вспоминает, что на вопрос В. И. Ленина, много ли в Петербурге передовых рабочих, он назвал трех рабочих, в том числе Норинского. К. Норинский стал членом «Союза борьбы», и затем коммунистом.

Рабочий Андрей Фишер начал свою трудовую жизнь «мальчиком» в частных мастерских и прежде чем стать слесарем бегал за кипятком, баранками, «мерзавчиками», получая 15 коп. в день.[69] Работая на Балтийском заводе, еще совсем молодым Фишер вступил в рабочий кружок, поражая товарищей своей серьезностью и вдумчивостью. Революционной работе, делу пропаганды среди товарищей он отдавал много сил и душевной теплоты. Он умел заставить слушать себя и соглашаться с ним. Его доводы были всегда убедительны.[70]

Сергей Фунтиков работал на Семянниковском заводе и принимал активное участие в жизни рабочих кружков Невской заставы.[71] Одно время он разделял взгляды народников, но затем отошел от них. Порвав с деревней, с семьей, С. Фунтиков целиком отдался рабочему делу.[72] Внешне Фунтиков казался суровым, но это был человек добрейшей души, готовый отдать все для товарищей, для любимого дела. Рабочие любили Фунтикова за его искренность и преданность революционному делу. К нему приходили за книгой, за советом, побеседовать, отвести душу. Об аресте Фунтикова с болью вспоминает И. В. Бабушкин: «Нашего Ф[унтикова] нет, нет нашего патриарха, отца, с его вдумчивыми глазами, строго серьезным лицом, с его железной энергией и бесстрашным мужеством. Ох, тяжело терять таких людей».[73]

Передовой рабочий Г. Мефодиев — слесарь в мастерских Варшавской ж. д., участник кружка Точисского был одним из деятельных членов группы Бруснева. «Ганя» (такова его конспиративная кличка) был неплохим оратором и пропагандистом. Среди товарищей по работе и по организации он пользовался уважением.[74] Организация поручила Мефодиеву ответственный участок работы — создание конспиративной квартиры. Весной 1891 г. он был арестован и выслан из Петербурга за участие в похоронах писателя демократа Н. В. Шелгунова. Высланный из Петербурга, Г. Мефодиев и на новом месте, в Туле, становится в центре работы по созданию рабочих кружков.[75]

Перечисленные рабочие — это только небольшая часть тех, кто активно участвовал в рабочем движении этого периода. Тип передового пролетария, революционера-рабочего форми-

---

[66] В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 147.

[67] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 11.

[68] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, л. 70.

[69] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 2, л. 5.

[70] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, л. 72.

[71] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 12, л. 21 об.

[72] К. Норинский. Мои воспоминания. Сб. «От группы Благоева к „Союзу Борьбы"», стр. 13. — Очень тепло о С. Фунтикове вспоминает Н. К. Крупская, знавшая его как ученика вечерней корниловской школы. В сочинениях С. Фунтикова постоянно звучала тема «капиталисты и рабочие».

[73] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1955, стр. 41.

[74] М. С. Александров. Группа народовольцев (1891—1894). «Былое», 1906, № 11, стр. 7; В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 145.

[75] ЦГИАМ, ф. 102, св. 112, 5 д-во, 1892 г., д. 259, ч. 1, лл. 26, 50, 53.

ровался в течение 70—80-х годов. Небольшая группа, насчитывавшая вначале единицы, в конце 80-х в 90-х годах имела в своих рядах уже несколько десятков замечательных рабочих-организаторов. Эти рабочие, в свою очередь, воспитывали новых последователей социал-демократического движения, отдавали все свои силы и способности делу рабочего класса. Передовые рабочие были образованными, развитыми, сознательными людьми. Они много читали, занимались, были организаторами и пропагандистами рабочих кружков. Даже жандармские власти отмечали, что «в настоящее время в Петербурге проживает немало рабочих, вполне усвоивших революционные учения».[76] Их отличительные черты: стойкость, честность, преданность делу, высокая принципиальность, чуткость, отзывчивость. Они тесно и органически были связаны со своим классом, сознавали свой долг по отношению к угнетенным. Они проявляли подлинный героизм, когда, несмотря на ужасные условия жизни и каторжную работу, учились и вырабатывали «из себя сознательных социал-демократов, „рабочую интеллигенцию“».[77]

Заслуга передовых рабочих не только в том, что они организовывали рабочие кружки, но и в том, что они боролись против идеологии народничества, что они своим классовым чутьем и при помощи революционной социал-демократической интеллигенции сумели стать на путь социал-демократии, на на путь марксизма. К ним можно полностью отнести слова В. И. Ленина: «Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности».[78]

Взаимоотношения между рабочими и интеллигенцией. Взаимоотношения интеллигенции и рабочих в группе Бруснева были совсем иными, чем в «Товариществе санкт-петербургских мастеровых», где ее использовали подчас на второстепенной, технической работе. Революционно настроенную интеллигенцию ценили и уважали в организации Бруснева. Передовые рабочие считали, что руководителями организации должны быть сами рабочие — в этом они видели силу организации, этим объясняли ее рост и успехи. Но при этом они подчеркивали немаловажную роль интеллигенции в создании и укреплении рабочей организации. «С интеллигенцией у нас была самая тесная связь, — вспоминает В. Карелина, — к ее словам мы прислушивались и уважали ее».[79]

[76] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 888, л. 18.
[77] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 258.
[78] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 334.
[79] В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 18.

На тесные связи интеллигенции и рабочих в группе Бруснева указывают и жандармские документы. Так, в записке Дурново Рачковскому от 29 октября1892 г. говорится: «... уже имеются указания на близкие отношения рабочих с интеллигентными деятелями с.-петербургских кружков».[80]

В группе Бруснева никто не помышлял превратить интеллигенцию в техническую силу. Чем шире росли кружки рабочих, тем острее ощущался недостаток в руководителях-пропагандистах. Поэтому, кроме интеллигентов, входивших в состав организации, приходилось привлекать к работе интеллигентов и не членов организации;[81] курсистки, студенты оказывали организации всевозможные услуги. Некоторые из них впоследствии приняли серьезное участие в работе кружков и выдвинулись в рабочем движении.[82] Об этих периодических и даже случайных связях с интеллигенцией рассказывает Бруснев. Он отмечал, что особым уменьем налаживать такого рода связи, уменьем найти и использовать «подходящего» человека из среды студентов отличался Е. А. Климанов.[83]

Связи с интеллигенцией были предметом особого внимания Центрального рабочего кружка, поскольку такого рода связи были сопряжены с некоторой опасностью и могли привести к раскрытию и провалу всей организации, а кроме того, не исключена была возможность проникновения в организацию чуждых влияний, в частности нежелательных народовольческих идей.

Существование двух центров — рабочего и интеллигентского было связано не с недоверием к интеллигенции, а являлось той организационной формой, которая в тот период была присуща социал-демократическим организациям. Обычно оба центра существовали либо рядом друг с другом, либо были связаны взаимным обменом представительства, либо, как это было в организации Бруснева, в состав рабочего центра входил представитель от интеллигентского центра.

Интеллигенция в группе Бруснева играла важную роль в создании рабочих кружков, в социал-демократической пропаганде. Но не исключительно интеллигенции принадлежит эта роль. Рабочие кружки, входившие в группу Бруснева, создавались и по инициативе самих рабочих, куда затем привлекались интеллигенты-пропагандисты. Наиболее сознательные и передовые рабочие были не только организаторами

[80] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 888, л. 18.
[81] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, стр. 26.
[82] В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 153.
[83] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 26; ЦГИАМ, ф. 102, св. 112, 5 д-во, 1894 г., д. 259, ч. 1, л. 38.

ГЛАВА III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БРУСНЕВА

В конце 80-х и начале 90-х годов XIX в. деятельность социал-демократических групп сводилась главным образом к пропаганде в узких замкнутых кружках. В пропагандистской деятельности брусневской организации можно усмотреть дальнейшее развитие тех приемов и методов, которые использовались «Партией русских социал-демократов» и «Товариществом санкт-петербургских мастеровых».

В период кружковой пропаганды все усилия передовых рабочих и руководителей-интеллигентов были направлены к тому, чтобы воспитать из рабочих, участников кружков, сознательных революционеров, социал-демократов, людей, подготовленных к самостоятельной работе. Пропаганда, проводимая организацией Бруснева, шла успешно. Число рабочих, объединенных в кружки, возрастало, росло и число кружков. Кружки были созданы почти во всех рабочих районах города. В них входили и одиночки и группы рабочих почти всех крупных заводов и фабрик: Балтийского завода, Нового Адмиралтейства, Путиловского завода, Резиновой мануфактуры, Экспедиции заготовления государственных бумаг, Калинкинского завода, железнодорожных мастерских, текстильных фабрик Петербурга, крупнейших заводов Невской заставы. Одни кружки объединяли рабочих только одного предприятия, в другие входили рабочие разных заводов. Это были главным образом товарищи детства, товарищи по работе, или друзья по вечерней школе, техническим курсам. Пропагандой были охвачены рабочие самых различных профессий: кузнецы, ткачи, слесари, столяры, печатники, литографы, наборщики, рабочие текстильщики и т. д.[1] Это созда-

[1] В. В. Святловский. На заре российского социал-демократического движения. «Былое», 1922, № 19, стр. 144.

вало дополнительные трудности, требовало от пропагандистов умелого, дифференцированного подхода.

С образованием Центрального рабочего кружка, когда начали налаживаться более тесные связи, отдельные кружки превратились в части одной рабочей организации. «Мы знали, — вспоминает К. Норинский, — что сеть таких кружков раскинута во всех частях Питера, что всюду ведется работа. Представители от районов собираются периодически. Связь между районами установлена».[2]

Рабочие кружки брусневской организации. *Василеостровская группа.* Васильевский остров с его Гаванью был одним из первых районов Петербурга, где возникли рабочие кружки саморазвития. Заводы Васильевского острова привлекали к себе внимание интеллигентов-пропагандистов задолго до возникновения организации Бруснева. Известно, что еще Д. Благоев работал в кружке василеостровских рабочих. В 1887 г. на Васильевском острове в механической мастерской Балтийского завода возник рабочий кружок. Организатором его был И. И. Тимофеев — рабочий этого же завода, член «Товарищества» Точисского. Первоначально в кружок входило 5 человек: Иван Тимофеев, Владимир Фомин, Петр Евграфов, Константин Куприянов, Михаил Яковлев.[3] И после разгрома «Товарищества» кружок продолжал работать, пополняясь новыми членами. В него вошли: Константин Норинский, Иван Егоров, Андрей Фишер, Петр Кайзо, Константин Беляев, Иван Яковлев, Федор Кириллов, Федор Пашин, Федор Петров, Сергей Фунтиков, Петр Лопатин, Петр Савельев, Иван Крашенников, Николай Хотябин (склонявшийся к народовольчеству), Федор Кузнецов, Алексей Токарь, Федор Маляр и другие. Первым пропагандистом в этом кружке был студент Технологического института Лелевель, рабочие знали его под именем «Павла Ивановича».[4] Когда гаванский кружок разросся, организация направила туда одного из своих лучших пропагандистов — М. И. Бруснева. В кружке его знали под именем «Федора Васильевича».

Во главе балтийского рабочего кружка в это время стоял В. Фомин.[5] Занятия кружка проходили на его квартире в Гавани. В. Фомин отмечает три этапа в жизни кружка балтийцев.[6] Первый этап совпадал со временем особых притеснений на заводе. Тогда кружковцы призывали рабочих бороться против насилий и их лозунгом было «на насилие отвечать насилием». В то же время кружок интересовался и живо от-

[2] К. Норинский. Мои воспоминания. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 11.
[3] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, л. 53.
[4] Там же.
[5] А. Фишер. В России и в Англии, стр 12.
[6] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 59—64.

кликался на злободневные в тот период международные события. Интересовались кружковцы борьбой ирландского народа, событиями во Франции, обсуждали их и рассказывали о них на заводе рабочим. Второй этап связан с тем, что появилась неудовлетворенность прежними методами работы. Кружковцы сетовали на то, что работа идет медленно и слишком вяло, хотелось живого дела. Некоторые предлагали сделаться книгоношами, ходить по заводам и фабрикам, распространять книги и вести пропаганду. Но дальше планов и различных проектов они не пошли. В этот период кружок осуществил интересное мероприятие — организовал нелегальный рабочий кооператив среди рабочих механической мастерской завода.[7] Цель, которую при этом ставил перед собой кружок, — на коллективном общем деле воспитывать у рабочих чувство солидарности, общности интересов.

Третий этап в развитии кружка связан с периодом роста рабочих кружков и установлением связей между отдельными рабочими кружками Петербурга через созданный Центральный кружок.[8] Так, кружковцы-балтийцы откликнулись на призыв центра участвовать в похоронах Шелгунова и в праздновании 1 Мая.

Кружок балтийцев обладал сравнительно большой библиотекой. В. Фомин рассказывает, что когда И. Тимофеев уходил с завода, он передал кружку библиотеку, получив ее, как известно, от Точисского. В библиотеке насчитывалось более тысячи названий, и она продолжала пополняться. Библиотекарем был избран В. Фомин.

Пропагандистами в кружке Балтийского завода были студенты — русские и поляки. Из поляков Фомин называл, кроме Лелевеля, Бурачевского, Цивинского и др. Поляки имели связь с Германией, были в курсе социал-демократического движения за границей, о чем информировали кружковцев.[9] Из русских Фомин вспоминает В. Голубева, М. Бруснева. В начале 1892 г., когда кружок балтийцев остался без пропагандиста, кружковцы по очереди сами проводили занятия. Они к этой работе уже были подготовлены, так как метод занятий, принятый в кружке, давал навыки самостоятельной работы. Кроме того, гаванский кружок объединял развитых, передовых рабочих и, как указывает Фомин, стоящих приблизительно на одном уровне.[10] Каждый в соответствии со своей индивидуальностью и дарованием вносил свое.[11] В кружке

[7] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 63—64.
[8] Там же, л. 64.
[9] Там же, л. 55.
[10] В. Фомин отрицает указание К. Норинского о том, что в кружках были «главные» и рядовые (см. К. Норинский. Дополнения к воспоминаниям. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 48).
[11] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 65, 67.

установились прочные товарищеские отношения, дружба, взаимное уважение. Общее дело крепко связывало их. Кружок все время рос, и к 1892 г. его состав настолько увеличился, что из соображений конспирации пришлось его разделить на два. Для нового отпочковавшегося кружка была снята особая квартира на 14-й линии Васильевского острова.

Одновременно с кружком В. Фомина с 1889 г. на Балтийском заводе существовал и другой кружок, группировавшийся вокруг токаря И. В. Крутова. Пропагандистом этого кружка был В. В. Бартенев, студент Университета, близко стоявший к группе Бруснева. Бартенева затем сменил В. С. Голубев.

В начале 1892 г. рабочий Федор Пашин организовал еще один кружок рабочих Балтийского завода. Этот кружок после знаменитых «лодзинских беспорядков» распространял среди петербургских рабочих «Открытое письмо к польским рабочим» и «Первое письмо к голодающим крестьянам».[12]

Кроме указанных, на Васильевском острове существовало еще несколько кружков, примыкавших к группе Бруснева. Так, известен кружок рабочего М. Фигатнера, собиравшийся у него на квартире под его руководством. В кружок Фигатнера входили рабочие: И. Кейзер, В. Князев, А. Ильин. В. Форсов и др. Существовал кружок, собиравшийся на квартире рабочего Федора Кириллова. Известен кружок пожилых рабочих, который собирался на квартире слесаря Розенфельда. Членами этого кружка были рабочие: Николай Желабин, Метшус, по прозвищу «царь-борода», Кузнецов и др.[13]

Кружки Нарвской заставы. Пропагандистская деятельность организации Бруснева за Нарвской заставой протекала в основном среди рабочих Путиловского завода. Путиловский завод с его большим отрядом рабочих давно привлекал пропагандистов. В конце 80-х годов здесь появились организаторы и пропагандисты-интеллигенты. Это были главным образом студенты-технологи и горняки.

В 1888 г. на Путиловском заводе проходили учебную практику студенты технолог В. Н. Иванов и горняк П. А. Голубев. О П. А. Голубеве известно, что он был связан с «Товариществом санкт-петербургских мастеровых» и являлся пропагандистом в рабочих кружках. Период своей практики на заводе Голубев использовал для организации кружка путиловских рабочих. Кружок, созданный П. А. Голубевым, собирался на квартире старого путиловского рабочего Н. П. Паршукова.

Почти одновременно с кружком П. А. Голубева, весной 1889 г., при участии студента-технолога И. К. Бурачевского на заводе были созданы два рабочих кружка. Один объеди-

[12] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, оп. 166, 1891—1892 гг., д. 12, л. 30; ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 558, л. 8.
[13] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 98.

нял рабочих поляков, другой — русских. Польский кружок путиловцев возглавлял рабочий Д. Д. Рафаловский. В кружок входили рабочие: Фома Жалковский, Георгий Витковский, Иосиф Томашевский, Петр Родчас, Мечислав Норкевич, Николай Василевич, Николай Лашкевич, Викентий Узелло-Узелевич. Русский кружок возглавлялся рабочим Василием Буяновым, который одновременно был и кассиром кружка. В состав этого кружка входили П. К. Победимский, Н. Д. Данилов, Ф. Г. Игнатьев и др.[14] Между польскими и русскими рабочими не было отчужденности и не национальной рознью объясняется образование разных кружков. Причина этому другая — пропагандист И. Бурачевский, будучи сам поляком, имел возможность проводить занятия среди польских рабочих на их родном языке.

На протяжении 1889—1890 гг. оба эти кружка регулярно занимались. Бурачевский приносил и раздавал рабочим книги, брошюры революционного содержания на польском и русском языках. Он не ограничивался только пропагандой, а призывал рабочих к стачкам, собирал деньги в пользу политических ссыльных и заключенных, советовал организовать кассу взаимопомощи, объясняя, что при наличии кассы рабочие сумеют более стойко отстаивать свои требования. Пропаганда Бурачевского возымела свое действие, и в конце ноября 1889 г. кружковцы приступили к организации кассы. Были определены членские взносы в кассу пятьдесят копеек ежемесячно. Известно, что часть собранных денег была ассигнована высланным из Петербурга рабочим.[15]

В июне 1890 г. в механической мастерской Путиловского завода во время жандармского обыска было обнаружено значительное количество брошюр и рукописей революционного содержания. При сличении почерков оказалось, что часть из них была написана рукой Бурачевского.[16] Сам Бурачевский был арестован несколько раньше в связи со «студенческими беспорядками». После его ареста и высылки из Петербурга, рабочие, входившие в его кружок, примкнули к кружку, которым руководил П. А. Голубев. Пополнившийся новыми членами кружок Голубева продолжал занятия до лета 1890 г. В 1890 г. жандармы напали на след «преступной» деятельности, противоправительственной пропаганды на Путиловском заводе. Началась слежка, а за ней последовали аресты рабочих. Арестовали и подвергли тюремному заключению, а затем высылке под надзор полиции с воспрещением жительства в столицах и столичных губерниях Василия Буянова, Николая Паршукова, Викентия Узелло-Узелевича, Даниила Рафаловича, Павла Победимского, Николая Данилова, Федора Игнатьева. Арестовали и пропагандиста П. А. Голубева.[17]

Многочисленные аресты путиловских рабочих чуть было не прекратили начавшую развертываться пропагандистскую деятельность на заводе. М. И. Бруснев вспоминает, что ему пришлось взяться за восстановление разрушенной арестами путиловской организации.[18]

Рабочие кружки на Обводном канале. В районе Обводного канала в мастерских Варшавской ж. д. еще в 1887 г. имелись кружки Котова и Мефодиева.

Местом сбора кружка Мефодиева в течение 1888—1889 гг. был Сивков переулок в Нарвском районе (угол Забалканского и Обводного канала).[19] Руководителем — пропагандистом кружка являлся В. С. Голубев. От Голубева этот кружок перешел к М. С. Ольминскому.

В эти же годы (1888—1889) в районе Обводного канала работал еще ряд кружков, вошедших затем в состав организации Бруснева. Известен кружок рабочего-слесаря Н. Д. Богданова и кружок рабочих Резиновой мануфактуры. В районе Обводного канала работал и кружок ткачей. Организаторами его являлись братья ткачи Афанасьевы Егор и Федор. В состав кружка, кроме братьев Афанасьевых, входили их зять Яков, работницы-ткачихи Анна Егоровна Гаврилова, Вера Марковна Карелина и др.[20] Пропагандистом в этот кружок был направлен Л. Б. Красин, вернувшийся в 1890 г. из ссылки в Петербург. Он проработал в кружке до «Шелгуновской демонстрации», после которой его как участника демонстрации вместе с большой группой студентов вторично выслали из Петербурга.

В. Карелина рассказывает о занятиях кружка под руководством Красина, о первом впечатлении, которое произвел молодой пропагандист на пожилых рабочих-ткачей, членов этого кружка. На занятия Красин явился в костюме рабочего: в синей засаленной блузе, в русских сапогах, руки его были измазаны сажей. «Вот так серьезный пропагандист! Нечего сказать — нашли кого послать к таким бородачам-рабочим нашего кружка». Но когда Красин приступил к занятиям, вспоминает Карелина, им стало неловко за поспешную критику «мальчугана». Карелина подчеркивает, что она, да и

[14] Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1890 г., вып. XV, стр. 148—149.

[15] Там же, стр. 59.

[16] Там же, стр. 60.

[17] Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1891 г., вып. XVI, стр. 103.

[18] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), л. 22.

[19] М. С. Ольминский. Давние связи. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 73.

[20] В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 12.

многие другие, обязаны Красину-«Никитичу» своим развитием и знаниями.[21]

Кружки фабрики «Экспедиция заготовления государственных бумаг». В Экспедиции заготовления государственных бумаг в 1890 г. был создан рабочий кружок. Его организатором явился Е. А. Климанов, а пропагандистом М. И. Бруснев. Занятия кружка происходили на Рижском проспекте Нарвского района. Среди рабочих «Экспедиции» существовали и другие кружки. Известно, что в 1892 г. на квартире Г. Лунегова (рабочего «Экспедиции») собирался кружок, в состав которого входили: Г. Лунегов, Н. Балабанов, Е. Афанасьев, братья Сергеевы, В. Яковлев, В. Александров, рабочий по прозвищу «Переплетчиков» и др. Кружок объединял как рабочих «Экспедиции», так и других предприятий. Руководил кружком сначала В. Цивинский, известный под именем «Осипа Ивановича», а затем В. Святловский. Посещал кружок и Н. Сивохин (студент Лесного института). В кружке от изучения теории Дарвина скоро перешли к изучению положения рабочего класса в России и на Западе и к вопросам борьбы с капиталистами.[22] Члены кружка по предложению своего пропагандиста Цивинского организовали сбор средств в помощь рабочим Митрофаниевской мануфактуры, участвовавшим в стачке.

Кружки Петербургской стороны. На Петербургской стороне на заводе Яковлева по Большой Спасской работал кружок, связанный с брусневской организацией. В своих воспоминаниях рабочий Андрей Фишер рассказывает, что ему с помощью рабочего Владимира Форсова и перешедших с Балтийского завода старых товарищей Ивана Яковлева, Ивана Кейзера, Александра Ильина и Ивана Егорова удалось организовать кружок. К лету 1891 г. кружок окончательно сформировался.[23] К. Норинский как член Центрального рабочего кружка, связанный с рабочими разных районов, зная о кружке Фишера на заводе Яковлева, называет и других участников этого кружка — В. Князева и Савельева.[24]

Кружок рабочих завода Яковлева собирался на квартире его организатора Андрея Фишера на Петербургской стороне. Квартирная хозяйка Фишера не подозревала о революционной деятельности жильца, поэтому кружок мог спокойно работать. В кружке не было пропагандиста-интеллигента. Это был один

[21] В. М. Карелина. Леонид Борисович — пропагандист и организатор рабочих кружков. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов, стр. 88.

[22] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 558, лл. 36—42.

[23] А. Фишер. В России и в Англии, стр. 12. — Фишер называет Форсова Иваном.

[24] К. Норинский. Дополнение к воспоминаниям. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 48; «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 103.

из первых рабочих кружков, где пропаганду вел рабочий. Пропагандистом кружка являлся его же участник, рабочий И. Егоров. А. Фишер, вспоминая о пропагандисте Иване Егорове, писал, что он был их подлинным наставником. И. Егоров был очень развитым рабочим, обладал особым уменьем доходчиво и ясно передавать свои знания другим, говорил «просто, логично и убедительно». На занятия кружка Егоров приносил сочинения Д. И. Писарева, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, рекомендовал своим товарищам читать этих авторов. Кружковцы знакомились также с произведениями Ф. Лассаля. Все эти материалы использовались при обсуждении вопросов, связанных с рабочим движением. С уходом Фишера на другой завод созданный им кружок на заводе Яковлева не прекратил своей работы. Руководителем кружка остался Иван Егоров.

Кружки Невской заставы. Невская застава с крупными заводами и многочисленными фабриками была ареной деятельности организации Бруснева. Известно о тех, довольно больших связях, которые установило еще «Товарищество» Точисского в этом районе, а до него пропагандисты «Партии русских социал-демократов». Члены организации Бруснева, ее руководящий центр имели возможность использовать и приумножить эти связи, создавая новые кружки. В 1889 г. на Обуховском заводе работал довольно большой кружок. В его состав входили: Николай Александрович Клопов, Дмитрий Яковлевич Фомин, Константин Захарович Чекин, Петр и Павел Даниловы, Алексей Павлович Горбунов, Сергей Емельянович Афанасьев. Пропагандистом этого кружка был студент-технолог Лелевель.

За Невской заставой на Карточной фабрике работал кружок рабочих-слесарей. Среди его членов были активные деятели группы Бруснева — Н. Богданов и А. Филимонов. Они начали пропагандистскую работу среди женщин-работниц этой фабрики. В 1891 г. власти обнаружили «подпольную» деятельность этого кружка. Богданов и Филимонов подверглись обыску и аресту. При обыске на общей квартире Богданова и Филимонова взяли пишущую машинку, несколько воззваний и брошюр.[25] Кружок понес серьезную утрату, но все же работы своей не прекратил. У его участников оказалось достаточно сил и способностей вести дело дальше.

Кружки Выборгской стороны. На Выборгской стороне существовало несколько рабочих кружков. Некоторые возникли еще до образования группы Бруснева. Так, в 1887 г. на Выборгской стороне работало два кружка: кружок Кучкина и кружок Гринина. В 1888 г. возникло еще два кружка:

[25] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 138; ЦГИАЛ, ф. 1405, МЮ, 1891 г., оп. 97, ед. хр. 10979, лл. 1—3.

кружок рабочих на заводе Леснера и кружок ткачей. Организация Бруснева и здесь явилась преемником и продолжателем начатого дела. Аресты в 1890 г. коснулись и кружковцев Выборгского района. Арестован был организатор одного из первых кружков Н. Кучкин и еще ряд товарищей, но работа в кружке не прекратилась. К осени 1890 г. удалось восстановить частично нарушенные связи между рабочими кружками и центром бруснёвской организации. Процесс возникновения новых кружков продолжался. В 1891 г. в этом районе организовался кружок на заводе Растеряева. В его состав вошли: Михаил Князев, Егор Туманов; посещали занятия кружка и женщины-работницы: В. Карелина, А. Болдырева. В кружок рабочих завода Растеряева входили рабочие с писчебумажной фабрики Печаткина. В начале 1892 г. организовался еще один кружок, объединивший рабочих фабрики Чешера.[26]

Кружки судостроительных заводов. Значительный интерес представляет кружок, работавший в 1891 и начале 1892 г. на «Франко-русском» заводе (Берда). Бруснёвская организация и здесь использовала связи, установленные еще «Товариществом санкт-петербургских мастеровых». Этот кружок объединял как рабочих «Франко-русского» завода, так и рабочих Нового Адмиралтейства. Организатором кружка был Петр Евграфов, он же являлся и членом Центрального рабочего кружка от городского района. В кружок входили рабочие М. Стефаненков, А. Ивайлов, Ф. Петров, П. Лопатин, Ф. Пашин, П. Раскольников и др. Пропагандистом кружка был студент Университета Д. В. Странден.[27] Под его руководством в кружке изучали политическую экономию, он же снабжал рабочих подпольными изданиями.[28]

После отъезда Страндена за границу руководство кружком перешло к рабочим П. Евграфову и Ф. Пашину. Собирался кружок на квартире у Лопатина и Раскольникова по Торговой улице дом 6, кв. 17. Кружок образовал свою кассу для оказания помощи рабочим, пострадавшим за участие в рабочем движении.

Члены кружка деятельно помогали делу организации и участвовали в проведении празднования 1 Мая в 1892 г.[29]

Кружок литографов и печатников. Организация Бруснева вела работу в кружке, объединявшем рабочих литографов

[26] В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 15. — Карелина в это время жила на Выборгской стороне в третьей квартире-коммуне группы Бруснева.

[27] ЦГИАМ, ф. ДП, 3 д-во, 1892 г., д. 558, л. 42; ф. 102, оп. 166, 1891—1892 гг., д. 12, л. 29.

[28] Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, за 1892—1893 гг., вып. XVII, стр. 12.

[29] ЦГИАМ, ф. 102, ДП, оп. 166, 1891—1892 гг., д. 12, л. 30.

и печатников. Организатором этого кружка явился молодой рабочий-литограф, активный член группы Бруснева Алексей Егорович Карелин. Из состава кружка А. Е. Карелина известны рабочие Яков Иванов и К. Белов. Связь этого кружка с Центральным рабочим кружком была самая тесная и осуществлялась через организатора его А. Е. Карелина. Члены этого кружка были грамотными, развитыми рабочими.

Кружок служащих. Передовыми рабочими бруснёвской организации была сделана попытка распространить свое влияние и на другую социальную прослойку: начать работу среди демократических слоев интеллигенции — низших служащих. Рабочий Петр Кейзер организовал кружок среди служащих «Российского страхового общества». Пропагандистом в этот кружок был направлен брат Петра — рабочий Иван Кейзер, член Центрального рабочего кружка.[30] Здесь мы имеем совсем новое явление, когда организаторами и пропагандистами являются рабочие, а слушателями, членами кружка — служащие. Этот факт еще раз подчеркивает сравнительно высокий уровень развития передовых рабочих бруснёвской организации, которые, несмотря на тяжелые условия труда, много читали, занимались в кружках саморазвития и выросли в культурных, политически грамотных для своего времени рабочих. Эти передовые рабочие с успехом заменяли пропагандистов-интеллигентов.

Пропагандистская деятельность. Программа занятий в кружках. Рабочие кружки были разными по уровню подготовки их членов, поэтому и само содержание пропагандистской работы в них было различным.

В начале, как рассказывают члены организации, выработанной программы занятий в кружках не было. Общая установка сводилась к тому, чтобы сначала поднять общекультурный уровень рабочих, затем дать сведения из области естественных наук, а уже затем переходить к политической экономии и социологии. Каждый руководитель сам определял план своей работы, ориентируясь на запросы, на уровень членов своего кружка.

С рабочими текстильных предприятий приходилось начинать с азов, с простой грамоты. Интереснее было работать с металлистами — грамотными и более развитыми рабочими. В. И. Ленин писал позднее, что «история рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих».[31]

Характеризуя общее направление занятий в кружках, В. С. Голубев пишет, что занятия сводились главным обра-

[30] А. Фишер. В России и в Англии, стр. 21.

[31] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 257.

зом к преподаванию «материалистических наук». Сначала давались элементарные сведения по естественным наукам, затем переходили к политической экономии и социологии.[32]

После многократных обсуждений интеллигентский центр принял программу для занятий с рабочими.[33] В этой программе, отобранной жандармами у Бруснева, отразилось стремление брусневцев к углубленной пропагандистской работе — характерная черта, свойственная социал-демократическим организациям раннего периода, еще не связанным с массовым рабочим движением.

Программа охватывала многие области знаний, включая естественные науки, учение Дарвина, историю культуры, политическую экономию, рабочее движение в России и на Западе, учение о социализме.[34] Характерно, что начиналась программа с указаний научить членов кружков «читать, писать и считать».[35] Затем переходили к изучению химии, физики, ботаники, анатомии, геологии, астрономии. Но основная задача, которую ставили перед собой руководители организации, проводя занятия по данной программе, заключалась в ее последующих разделах, знакомивших рабочих с историей революционных движений, с общественными науками. В конечном счете суть обучения, как свидетельствует об этом последний раздел программы, заключалась в том, чтобы подвести рабочих к пониманию того, что должна представлять собой «полная, подробно и точно, определенно обоснованная программа минимума требований для данного времени»,[36] т. е. к пониманию своих классовых задач, за которые предстоит бороться с существующим строем.

Эту программу брусневская организация именовала программой-максимум. Для ее осуществления требовалось время и достаточный образовательный уровень членов кружка. По заявлению самого Бруснева, эта программа не могла быть применима для всех кружков, она предназначалась только для

[32] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 108.

[33] Один экземпляр текста этой программы, озаглавленной «Рукописная программа М. И. Бруснева для занятий с рабочими», был обнаружен во время обыска и служил вещественным доказательством «преступной деятельности Бруснева». В докладе Департамента полиции программа для занятий названа «Инструкция и перечень книг, которые надо раздать рабочим для восприятия идей социализма», и дальше ей дается название «Введение в историю и политическую экономию» (ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 5 д-во, 1894 г., д. 259, ч. 1, л. 7).

[34] Эта довольно подробная программа состоит из десяти разделов и большого списка литературы, рекомендуемой для занятий и для последующего чтения. Программа опубликована в 1921 г. в сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 85—87 и в 1952 г. в сб. «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 131—132.

[35] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 131.

[36] Там же, стр. 132.

более подготовленных, передовых рабочих.[37] В связи с этим в организации существовала еще одна программа, или, как ее называли, программа-минимум.

Организация Бруснева вынуждена была в силу неподготовленности рабочих, слабого их развития, безграмотности давать начатки общего образования, начинать с общекультурной подготовки.

Типы пропагандистских кружков. Руководители организации Бруснева, создавая пропагандистские кружки, исходили из учета общеобразовательного и политического уровня рабочих. Это обусловило наличие разных типов кружков.

О существовании типов кружков, так называемых высших и низших, свидетельствует ряд воспоминаний современников и участников движения. М. И. Бруснев говорит о еще более детальной разбивке кружков; он указывает три типа кружков: высшие, средние и низшие.[38] В низших кружках, или первоначальных, как их называет Бруснев, пропагандистами были сами рабочие. Начинали здесь с «азов», читали популярные брошюры, подымали общекультурный уровень слушателей, подготавливая их к пониманию причин своего бедственного положения. В. И. Ленин, подчеркивая необходимость специфики в работе социал-демократов с разными слоями рабочих, писал: «. . . очень возможно, что первые шаги по пробуждению сознания в низших слоях рабочих должны пасть на долю легальной просветительной деятельности».[39]

В кружках среднего типа, членами которых являлись рабочие более развитые, пропагандистская работа велась по преимуществу интеллигентами. Здесь целью пропаганды являлась выработка социал-демократического мировоззрения. В этих кружках изучалось естествознание, политэкономия, социальные науки, вопросы рабочего движения.

Кружок высшего типа готовил рабочих-пропагандистов, самостоятельных руководителей, способных заменить интеллигентов. Состав этого кружка подбирался из наиболее развитых, подготовленных рабочих, проявивших пропагандистские и организаторские способности.

О кружке высшего типа, или кружке пропагандистов, вспоминают В. Карелина, К. Норинский и другие. Известен и состав этого кружка. В него вошли наиболее развитые рабочие: Федор Афанасьев, Василий Шелгунов, Егор Климанов, Николай Богданов, Александр Филимонов, Гавриил Мефодиев, Алексей Карелин, Владимир Фомин, Владимир Прошин, Яков Иванов. Занятия в кружке вели М. Бруснев и Л. Красин. Занимались по утрам в воскресные дни и в вечерние часы по буд-

[37] М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 21.

[38] ЛПА, ф. И-1, св. 1, д. 5а, л. 6.

[39] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 259.

ням.[40] Кружок работал очень напряженно, не один раз в неделю, как обычные рабочие кружки.

Много сил и труда отдавали передовые рабочие делу политической подготовки, при этом надо учесть, что все члены этого кружка одновременно вели работу в кружках по своим районам, были организаторами всей работы.

К. Норинский и В. Карелина рассказывают еще об одном методе работы с передовыми рабочими в брусневской организации. «Для товарищей, интересующихся и способных работать, велось особое преподавание на дому кого-либо из интеллигентов, — писала В. Карелина. — Там подробно проходился курс специальных наук, необходимых борцу. Это был первый шаг к созданию школы пропагандистов. Товарищ, посещая такие лекции, обычно самостоятельно потом выступал на рабочих кружках».[41] Вопрос о подготовке пропагандистов из рабочей среды становился все более злободневным. Интеллигентов-пропагандистов стало не хватать.[42] Если в начале 80-х годов кружков для интеллигентов, желающих вести занятия, было явно мало, то в 90-х годах рост кружков потребовал специальной подготовки пропагандистов, повысились и требования к ним. «От пропагандиста, — вспоминает В. С. Голубев, — требовалось знакомство с Марксом, знание рабочего вопроса и истории европейских революций».[43] Кроме того, «пропагандист должен был быть „подходящим человеком" и с внешней стороны, надо было не очень выделяться в рабочей среде, а главное, надо было уметь подойти к рабочим».[44]

Степень развития и подготовки рабочих вызывала необходимость работать над повышением их общеобразовательного уровня. По этому поводу немало иронизировали народники: «Конечно, рабочим куда интереснее слушать рассказы о цветочках, — говорили они, — чем заниматься революционной работой!»[45] Но это была клевета на социал-демократов. Сознательное усвоение классового мировоззрения, усвоение социал-демократических идей требовали соответствующей подготовки. «Чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, — писал Л. Б. Красин, — чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, способных разбираться в трудной обстановке борьбы с капиталом и самодержавием, необходимо прежде всего познакомить их с основами естество-

---

[40] В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 16.

[41] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. II, стр. 100.

[42] «ЦГИАМ, ф. ДП, 7 д-во, 1893 г., д. 200, т. I, л. 57.

[43] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 108.

[44] Там же.

[45] Акимов-Махновец. Очерк развития социал-демократии в России. СПб., 1906, стр. 39—40.

знания и в особенности с теорией эволюции».[46] Этим и объясняется то, что в кружковой деятельности было много чисто культурнической работы, о которой позднее писал В. И. Ленин, характеризуя содержание кружковой работы первой половины 90-х годов: «В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу почти культурнической работы».[47]

Кружковщина и элементы культурничества в пропаганде этого периода истории рабочего движения были неизбежным этапом, диктовавшимся всем ходом исторического развития. Работа социал-демократов носила, так сказать, подготовительный характер. Однако надо отметить, что передовые рабочие не давали руководителям-интеллигентам увлекаться чисто культурнической пропагандой. Уже в этот период наблюдалась большая тяга рабочих к «умственной жизни». В своих кружках они стремились получить не только общую грамотность, но и политические знания, которые помогли бы понять законы развития общества, научили бы их сознательному отношению к окружающей жизни, к событиям.

Таким образом, наблюдались два течения, идущие навстречу друг другу: с одной стороны, стремление социал-демократов передать свои знания рабочим, с другой — стремление рабочих к знанию, к расширению политического кругозора.

Пропагандистский период истории социал-демократических организаций России сыграл большую роль в деле подготовки передовых, сознательных кадров рабочих. В этот период были сделаны шаги по воспитанию, выращиванию той группы рабочих профессионалов-революционеров и группы передовой интеллигенции, которые во главе с В. И. Лениным были организующей силой революционного марксизма в России.

В. И. Ленин называет десятилетие 1884—1894 гг. утробным периодом истории партии, когда российские социал-демократы только разрабатывали теорию и программу, когда социал-демократия существовала без рабочего движения.[48] Группа Бруснева, работавшая в конце 80-х — начале 90-х годов, внесла свою посильную лепту в общее дело борьбы российского пролетариата за партию. Деятельность ее протекала в конце первого периода в развитии российского социал-демократического движения, периода кружковой пропаганды. Группа, сама еще не связанная с массовым рабочим движением, не будучи массовой рабочей организацией, готовила сознательные кадры будущей пролетарской, революционной партии.

Какова была внутренняя жизнь кружков и какую работу проводили кружковцы в рабочей среде? Отвечая на этот во-

---

[46] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 14.

[47] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 189.

[48] См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 483.

прос, следует говорить о двух сторонах в жизни и работе кружков.

Первая сторона, — вспоминает В. Фомин, — это непосредственные занятия в самом кружке, учеба самих кружковцев под руководством пропагандиста, интеллигента, или своего более развитого товарища-рабочего. В этом случае роль кружка и кружковцев в известном смысле была пассивной. Члены кружка получали знания от своего пропагандиста и из бесед с товарищами по кружку. На своих кружковых занятиях они узнавали о жизни и борьбе зарубежных пролетариев, здесь шла теоретическая подготовка, расширялся их политический кругозор. Эта была очень важная, серьезная сторона дела.[49] Кружки работали регулярно, собирались раз в неделю на квартире одного из его участников или в специально снятой для этой цели комнате. Занятия были отдыхом от дурмана тяжелой изнуряющей и отупляющей работы. Встреча с товарищами, обмен мыслями, новые сведения — все это будило сознание рабочего, окрыляло его надеждой на лучшую жизнь.

Была и другая сторона деятельности кружка. Рабочие, участники кружка, работая на заводе, естественно являлись здесь, среди товарищей по работе, проводниками тех идей, тех знаний, которые они сами получали в кружках. Это была активная сторона их деятельности. Здесь отдельные кружковцы были «самостоятельными творцами». Фомин отмечает, что «вся творческая работа, вся энергия проявлялась именно в этой работе кружка».[50] Перед кружковцами была сама жизнь, полная препятствий, неожиданностей, со своими бесчисленными противоречиями. Вот эту самую жизнь кружковцы и хотели переделать.[51] Однако эта сторона деятельности получила свое развитие позднее, когда передовые рабочие уже начали искать пути сближения с массами.

Кружковые занятия обычно проводились по субботам. Этот день был выбран не случайно. Этого требовали условия конспирации. В субботу в рабочих районах движение на улице было обычно оживленное, кроме того, появление в субботний день в доме посторонних людей не так бросалось в глаза дворнику, полиции, любопытным жильцам. Учитывалось и то, что работа в субботу заканчивалась раньше, а следующий день был свободным — воскресным. Кружковые занятия после недели тяжелой работы на заводе были праздником для рабочих. Здесь кружковцы были в среде своих товарищей, здесь можно было разобраться в вопросах, накопившихся за неделю, за время встреч с товарищами по работе, по цеху,

[49] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр 34, л. 2.
[50] Там же.
[51] Там же, л. 3.

выяснить непонятное из прочитанной книги. Обыкновенно у каждого члена кружка накапливался ряд неразрешенных вопросов. Пропагандист-интеллигент был тем товарищем, который помогал выяснить недоумения, разрешить споры. Затем начинались занятия по намеченной части программы.[52] У пропагандиста, вспоминает Фомин, всегда имелось несколько свежих газетных статей, особенно из «Русских ведомостей», запас известий о жизни рабочих за границей. Иногда пропагандист сообщал данные из нелегальных источников, о «жизни» в Петропавловской крепости, о каторге, о ссылке. Он же доставлял в кружок и нелегальную литературу.[53]

В целях конспирации кружки создавались небольшие — по 5—7 человек. Занятия в них продолжались три-четыре часа. Внешне они обставлялись как вечеринки. На столе обычно стояли бутылки, закуски, все необходимое для отвода глаз дворнику и городовому. Кончались занятия поздно, далеко за полночь. С занятий расходились по одному, чтобы не возбудить подозрений.

Яркую картину работы кружка дают воспоминания рабочего А. А. Соловьева: «Всю зиму и весну 1889—1890 г. Гаванский кружок занимался с „Федором Васильевичем“ (Брусневым). В глухой темной Гавани, в тесной комнатушке изучали законы вселенной, законы человеческого общества. Где-то далеко от заморья сверкал Невский, кричали лихачи, заседали и кутили дельцы, но другой жизнью жил в эти часы Гаванский кружок. . . В кружке занимались космографией и дарвинизмом, читали Манифест, брошюры Плеханова, издания группы „Освобождение труда“».[54]

Учитывая усталость рабочих, пришедших после трудового дня, надо было строить занятия так, чтобы сделать их максимально интересными, живыми. Опыт подсказывал лучший метод, работа строилась так: попеременно одна часть кружковцев задавала вопросы, а другая отвечала на них. Такая форма беседы вносила оживление, каждый член кружка был активным участником проводимых занятий. Все это, вспоминает Фомин, помогало усвоению предмета и исподволь готовило каждого кружковца к самостоятельной работе. Кружковые занятия давали не только фактические знания, они поднимали активность, заражали энергией, и рабочие расходились с занятий бодрые духом и полные надежд.[55]

Получив соответствующую зарядку на занятиях в своем

[52] Там же, лл. 30—32. — Л. Б. Красин в своих воспоминаниях дает такую же картину кружковых занятий, только порядок занятий другой: вначале сообщение пропагандиста по программе, а затем вопросы слушателей («Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 14).
[53] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 30—32.
[54] Там же, св. 1, ед. хр. 2, л. 6.
[55] ЛПА, ф. И-1, св. 3, ед. хр. 34, лл. 32, 56.

ГЛАВА V

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РАБОТЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ (БЛАГОЕВ—ТОЧИССКИЙ—БРУСНЕВ)

Организация Бруснева является преемницей группы Благоева и «Товарищества» Точисского, хотя сам Бруснев указывал, что кружки «Партии русских социал-демократов» и кружки их группы непосредственных связей не имели. Бруснев при этом ссылался на то, что ни он сам, ни другие участники-интеллигенты — В. Голубев, И. Бурачевский, В. Бартенев о «Партии русских социал-демократов» или о ее кружках не слыхали.[1] В отношении рабочих, членов организации, Бруснев писал, что «может быть Е. Климанов знал о благоевцах».[2] Однако из этого вовсе не следует, что не было преемственности в деятельности первых социал-демократических организаций как по характеру проводимой работы среди рабочих Петербурга, так и по линии персональной преемственности пропагандистских кадров, а также рабочего состава организаций. Что касается перечисленных Брусневым деятелей петербургской группы, якобы не знавших о «Партии русских социал-демократов», то здесь Бруснев явно ошибается.

В. С. Голубев в своих воспоминаниях писал, что узнал о пропаганде среди рабочих в 1887 г. от студента-горняка П. Голубева и студентов-технологов А. Герасимова и Г. Петровского, связанных с группой Благоева, и что они же ввели его в первые рабочие кружки.[3] Известно, что В. С. Голубев в 1888 г. вел пропаганду среди рабочих на Путиловском заводе, где в это время студент-горняк П. А. Голубев, используя свое пребывание на заводе в качестве практиканта, также вел, как и первый, пропаганду среди рабочих этого завода. Несомненно, они знали о работе друг друга.

[1] ЛПА, ф. И-1, св. 1, ед. хр. 5а, л. 4.
[2] Там же.
[3] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 107.

Более того, В. Голубев утверждает, что в 80-х годах существовала преемственность в работе среди пролетариата. При этом он отмечает, что преемственность по пропаганде среди рабочих сохранилась, главным образом, среди студентов Технологического и Горного институтов.[4]

Не только В. Голубев, но и И. Бурачевский, член брусневской группы, начал свою пропагандистскую деятельность в кружках путиловских рабочих еще до образования петербургской организации Бруснева. Свой кружок он получил также от Г. Петровского.

Преемственность в работе социал-демократических групп Петербурга можно установить не только среди интеллигентов-пропагандистов. Она осуществлялась и через рабочие кружки. Это можно проследить по составу кружков, по методам, формам и характеру самой пропагандистской работы. Известно, что в период деятельности благоевской группы, в 1886 г., Н. Богданов организовал кружок рабочей молодежи мастерских Варшавской железной дороги. Одним из пропагандистов этого кружка был Переверзев, которого направил в кружок Г. Петровский.[5] В 1889 г., когда Переверзев был арестован, кружок Богданова перешел к брусневцу Г. Родзевичу. Таким образом, кружок Богданова, возникший в период деятельности благоевцев, вошел затем в состав петербургской организации Бруснева, а сам Богданов стал членом Центрального рабочего кружка.

Кружок Е. Климанова, хотя и созданный в последний период деятельности благоевской организации, через своего организатора Климанова был связан с «Партией русских социал-демократов». Затем этот кружок был связан с «Товариществом санкт-петербургских мастеровых», а после разгрома его интеллигентского ядра вошел в состав группы Бруснева. Сам Е. Климанов играл руководящую роль в брусневской организации, являясь членом Центрального рабочего кружка. Таким образом, здесь, несомненно, имеется персональная связь, преемственность между тремя первыми социал-демократическими организациями Петербурга. То же можно сказать и о кружке И. Тимофеева на Балтийском заводе. И. Тимофеев был тесно связан с благоевцем Г. Петровским, затем являлся членом группы Точисского. После разгрома «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» кружок балтийцев влился в группу Бруснева.

Известно, что после разгрома интеллигентского ядра «Товарищества» брусневец Б. Лелевель установил связь с рабочим Г. Мефодиевым, членом группы Точисского. Многочислен-

[4] В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 107.
[5] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2(35), стр. 23.

ные связи в рабочей среде, которые имел Мефодиев, стали использоваться организацией Бруснева. В. Святловский указывает, что такие рабочие, как Г. Мефодиев, В. Филимонов, Е. Климанов «получили свое социал-демократическое крещение в 1885—1887 гг.».[6] Это замечание свидетельствует о связях рабочих с благоевской группой и группой Точисского, указывает на то, что через них связующие нити вели и к организации Бруснева.

При выяснении вопроса о преемственности в работе социал-демократических организаций Петербурга следует учесть и то, что благоевцы работали на тех же заводах, в тех же районах, где велась работа группой Точисского, а затем более широко развернула работу организация Бруснева. Несомненно, что в рабочие кружки каждой последующей организации входили некоторые рабочие, уже приобщившиеся к пропаганде в предыдущей организации. Передовые рабочие тянулись к знанию, к книге, и, раз попав в кружок, стремились продолжать учебу.

Рабочие члены кружков после разгрома организаций являлись в первую очередь теми кадрами, из которых создавались новые социал-демократические кружки. Не все кружки распадались вслед за арестом пропагандиста и даже разгромом всей организации. Сохранившиеся рабочие кружки предыдущей социал-демократической группы целиком входили в состав другой. Так создавалась преемственность. «Марксисты начала 90-х годов, — пишет Н. Сергиевский, — очень часто удивлялись развитию и подготовленности своих кружковых рабочих».[7]

Известно, что в организацию Бруснева вошла часть членов социал-демократического кружка «интеллигентов», некоторые из них были в свое время связаны с группой Благоева, другие с «Товариществом» Точисского. В состав этого кружка входили Г. М. и Ю. И. Радзевичи, В. И. Иванов, П. А. Голубев, Б. Ф. Лелевель, В. Ф. Цивинский, В. С. Голубев, И. К. Бурачевский и другие.[8] В организацию Бруснева влился также ряд рабочих кружков, связанных ранее с группой Точисского. Кружки Тимофеева, Климанова, Крутова, Клопова, Буянова — вот далеко не полный перечень этих кружков.

Таким образом, можно констатировать, что рабочая часть «Товарищества санкт-петербургских мастеровых» целиком вошла в организацию Бруснева. Влившийся в организацию как интеллигентский, так и рабочий состав, ранее связанный

[6] В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19, стр. 145.

[7] Н. Л. Сергиевский. Партия русских социал-демократов. М., ГИЗ, 1929, стр. 37.

[8] Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35), стр. 24.

с благоевцами и Точисским, конечно, не мог не оказать влияния на группу Бруснева.

Приведенное выше предположение Бруснева об отсутствии преемственности в работе первых социал-демократических организаций, очевидно, надо отнести за счет строжайшей конспирации, в силу которой старые связи не становились достоянием гласности; о них знали только те, кто сам их осуществлял.

Организация Бруснева. Кружок технологов. После арестов 1892 г., обрушившихся на брусневскую организацию, нанесших большой удар социал-демократическому движению, из интеллигентского центра брусневцев уцелели немногие, связи с рабочими в значительной степени оборвались. Большие потери понес и Центральный рабочий кружок, вследствие чего многие рабочие кружки лишились своих руководителей. Но никакие репрессивные меры царского правительства не могли приостановить развивавшегося движения. Социал-демократическое движение уже пустило глубокие корни.

Несмотря на многочисленные аресты, часть членов интеллигентской группы и людей, близко стоявших к ней, все же уцелела. Среди оставшихся на свободе были и члены интеллигентского центра, студенты-технологи. Они и явились продолжателями дела брусневцев. Осенью 1892 г. они организовали кружок, известный под названием «кружка технологов», продолживший в своей работе традиции разгромленной организации. Кружку удалось восстановить некоторые связи с рабочими кружками и с группой «Освобождение труда».[9]

Деятельность кружка технологов представляет значительный интерес, так как от него непосредственно идут нити к ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В кружок вошли Г. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Л. К. Запорожец, сестры Невзоровы, Н. К. Крупская. Живо представляю себе, вспоминает С. П. Шестернин, бурнопламенного Кржижановского, рассудительного и скромного Ванеева, спокойного и сдержанного Старкова, подвижного Сильвина, жизнерадостных сестер Невзоровых.[10]

В кружке «технологов» велись углубленные занятия по изучению теории марксизма, штудировали I том «Капитала», издания группы «Освобождение труда» и другие марксистские работы. Изучению теории придавалось большое значение, даже прием в группу новых членов обусловливался их теоретической подготовленностью. Однако изучение марксизма

[9] Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 2(15), стр. 26—27.

[10] С. П. Шестернин. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940, стр. 86.

в значительной степени было академическим, вне связи с жизнью, с российской действительностью. Разгром организации Бруснева привел кружковцев к мысли об ином построении кружка. Они в целях сугубой конспирации создали организацию из небольших ячеек, каждая из которых имела небольшое количество связей. Этим предполагалось достичь в случае «провала» наименьших потерь. Связь с рабочими кружками предполагалось осуществлять через отдельных членов организации.

Пропагандистская работа в кружке «технологов» приняла особую форму. Члены его почти не вели пропаганды в рабочих кружках, предпочитая занятия с отдельными рабочими. Каждый член организации занимался с двумя-тремя наиболее развитыми рабочими. Через своих учеников «технологи» оказывали воздействие на заводские рабочие кружки, которыми руководили сами рабочие. Таким образом, связь между рабочими кружками поддерживалась самими рабочими. Такая постановка пропагандистской работы вела к ослаблению непосредственных связей интеллигентов с рабочими кружками. Кружок «технологов» в целях конспирации отрывался даже от той части передовых рабочих, с которыми была установлена связь его предшественниками — брусневцами.

Главной задачей кружка «технологов», как и у его предшественников, оставалась подготовка руководителей для рабочего движения.

Кружок «технологов», как и другие социал-демократические кружки до конца 80-х и начала 90-х годов, был чисто пропагандистским кружком. В своей работе он ограничивался узким кругом передовых рабочих, не был связан с рабочим движением, которое к этому времени становилось все более массовым. Рабочее движение росло и настоятельно требовало социал-демократического руководства.

Центральный рабочий кружок организации Бруснева, несмотря на аресты 1892 г., продолжал существовать. Вместо арестованных товарищей работали новые. Пополнившись новыми членами, Центральный рабочий кружок продолжал работу по организации кружков, налаживанию связей с рабочими районами.

В связи с частыми арестами передовые рабочие задумывались над необходимостью готовить себе смену. После ареста Е. Климанова, П. Евграфова, Г. Лунегова и других оставшиеся товарищи собрались на совещание, где было принято решение — работу ни при каких обстоятельствах не бросать, каждому готовить преемника, которому в случае арестов должны быть переданы все связи. А. Фишер, например, вспоминает, что он избрал себе преемником Ивана Яковлева.[11] Так сделали и другие.

[11] А. Фишер. В России и в Англии, стр. 23.

В 1893 г. установились связи между кружком технологов и Владимиром Ильичом Лениным, приехавшим из Самары в Петербург 31 августа 1893 г.

Это было время, когда в истории русского революционного движения заканчивался разночинский период, страна стояла накануне нового пролетарского периода. Переход этот совершился в середине 90-х годов и был связан с выступлением В. И. Ленина на политической арене.

90-е годы XIX в. явились теми годами, когда в России быстро развивался капитализм, ускоренными темпами росла крупная промышленность и соответственно рос и развивался новый класс — промышленный пролетариат. За одно только пятилетие с 1890 по 1895 г. число крупных предприятий выросло в полтора раза, и к 1895 г. они составляли уже свыше 10% общего числа предприятий, в то время как в 1890 г. их было только 6,7%.[12]

Развитие капитализма в России, рост рабочего класса, сопровождавшийся усилением его борьбы, создание первых социал-демократических организаций подготовили почву для более широкого распространения марксизма в России. Развивавшееся рабочее движение необходимо было превратить в сознательное организованное движение масс, в целеустремленное движение пролетариата. Нужна была революционная партия, которая внесла бы в рабочее движение социалистическое сознание, соединила его с социализмом.

С конца XIX в. центр мирового революционного движения стал перемещаться в Россию, она становилась узловым пунктом всех противоречий империализма. Передовым борцом против русского царизма и западноевропейского империализма должен был выступить российский пролетариат. Нужна была партия, которая возглавила бы борьбу пролетариата, повела бы его на выполнение всемирно-исторической задачи. Борьбу за создание такой партии, за соединение социализма с рабочим движением возглавил В. И. Ленин.

Приезд В. И. Ленина и начало его революционной деятельности в Петербурге, борьба против народничества, создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» знаменуют начало ленинского этапа в развитии марксизма и революционного движения в России.

Образование петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» связано с переходом к массовой агитации. Впервые в России под руководством В. И. Ленина началось соединение научного социализма с рабочим движением. Деятельность ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» подготовила создание революционной марксистской рабочей партии в России, партии нового типа.

[12] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 448, 451.

Создание петербургского «Союза борьбы» знаменовало собой переход русской социал-демократии ко второму этапу ее развития, о котором В. И. Ленин писал: «Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия».[13]

Как ни замечателен этот шаг, следует помнить, что он в известной мере был подготовлен первым периодом истории русской социал-демократии, тем периодом, когда действовали первые марксистские группы и кружки. Деятелями первых марксистских кружков и групп 80-х и начала 90-х годов XIX столетия была небольшая прослойка передовых рабочих и революционной, главным образом студенческой, молодежи.

Это они дали кадры ленинскому «Союзу борьбы», деятельность которого привела к созданию партии нового типа.

Советский народ всегда будет с волнением перечитывать страницы из истории борьбы за пролетарскую партию и ему всегда будут дороги скромные герои, отдавшие свои силы, знания и жизнь за великое дело освобождения рабочего класса.

Созданная и выкованная гением революции В. И. Лениным Коммунистическая партия привела наш народ к победе в Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества. Огромных, поистине всемирно-исторических побед добилась испытанная и закаленная в боях Коммунистическая партия Советского Союза. Сила нашей партии в ее монолитном единстве, в ее тесных неразрывных связях с народом, в умении поднять массы на решение исторических задач. Наша партия сильна тем, что она руководствуется во всей своей деятельности марксистско-ленинской теорией. Наша партия победила и побеждает верностью ленинизму. Яркий светоч марксистско-ленинской теории озаряет путь нашего народа и трудящихся всего мира к полному торжеству коммунизма.

---

[13] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 483.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Классики марксизма-ленинизма

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.

К. Маркс и Ф. Энгельс. К истории «Союза коммунистов». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие к русскому изданию Манифеста Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.

К. Маркс. Письмо в редакцию «Отечественных записок» Михайловскому. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.

К. Маркс. Послесловие ко второму изданию (первого тома) Капитала. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, изд. 2.

Ф. Энгельс. Карл Маркс. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.

Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.

Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Социальные отношения в России». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Ф. Энгельс. К смерти Карла Маркса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.

Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Ф. Энгельс. Предисловие к статье «Социальные отношения в России». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.

В. И. Ленин. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. (По поводу книги В. Е. Постникова — «Южно-русское крестьянское хозяйство»). Соч., т. 1.

В. И. Ленин. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч., т. 1.

В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов). Соч., т. 1.

В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПб., 1894. Соч., т. 1.

В. И. Ленин. Фридрих Энгельс. Соч., т. 2.

В. И. Ленин. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Соч., т. 2.

В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Соч., т. 2.

В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Соч., т. 2.
В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Соч., т. 2.
В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2.
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. Соч., т. 3.
В. И. Ленин. Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в № 12 «Научного Обозрения» за 1899 г.). Соч., т. 3.
В. И. Ленин. К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова). Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Наша программа. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Наша ближайшая задача. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Насущный вопрос. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. По поводу «Profession de foi». Соч., т. 4.
В. И. Ленин. О стачках. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Соч., т. 5.
В. И. Ленин. Предисловие ко второму изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов». Соч., т. 6.
В. И. Ленин. Революционный авантюризм. Соч., т. 6.
В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Соч., т. 6.
В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Соч., т. 8.
В. И. Ленин. Первые уроки. Соч., т. 8.
В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Соч., т. 9.
В. И. Ленин. Предисловие к сборнику «За 12 лет». Соч., т. 13.
В. И. Ленин. Марксизм и ревизионизм. Соч., т. 15.
В. И. Ленин. Карикатура на большевизм. Соч., т. 15.
В. И. Ленин. Иван Васильевич Бабушкин (Некролог). Соч., т. 16.
В. И. Ленин. О некоторых особенностях исторического развития марксизма. Соч., т. 17.
В. И. Ленин. Прежде и теперь. Соч., т. 18.
В. И. Ленин. О народничестве. Соч., т. 18.
В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса. Соч., т. 18.
В. И. Ленин. Две утопии. Соч., т. 18.
В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Соч., т. 19.
В. И. Ленин. Август Бебель. Соч., т. 19.
В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Идейная борьба в рабочем движении. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Об авантюризме. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31.
В. И. Ленин. Несколько слов о Н. Е. Федосееве. Соч., т. 33.
В. И. Ленин. Письма к родным. В кн. Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., 1955.
Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1898—1924, изд. 7. М., 1954.

Источники (опубликованные)

Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914). Казань и Самара (1887—1893). «Красный архив», 1934, т. 1 (62).
Д. Н. Благоев. Членам группы «Освобождение труда». Группа «Освобождение труда». Сб. 6, М. — Л., 1928.

А. Брейтфус. Редакции «Социал-демократ». Литературное наследство Плеханова. Сб. 1, М., 1934.
Биобиблиографический словарь. Деятели революционного движения в России. «Красная летопись», 1922, № 4.
В. Быстрянский. Материалы о группе «Освобождение труда», «Красная летопись», 1923, № 8.
С. Н. Валк. Материалы к истории Первого мая в России. «Красная летопись», 1922, № 4.
О. Власова. Материалы для истории русского рабочего движения за 1881—1895 гг. «Красная летопись», 1923, № 5.
Возникновение социал-демократии в России и ее первые шаги. Юб. сб. материалов и статей (К 25-летию РКП). Гомель, 1923.
Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча). Сб. 1—6, 1924—1928.
Доклад Департамента полиции министру внутренних дел по делу сына отставного полковника Павла Августа Рене Болеслава Людвига Людвигова Точисского и др. «Красная летопись», 1923, № 7.
Д. Н. Жбанков. Бабья сторона. Материалы для статистики Костромской губ., вып. VIII. Кострома, 1891.
Историко-революционный сборник, тт. I—III. М. — Л., 1922—1926.
К истории рабочего класса в России. «Красный архив», 1922, № 2.
К истории рабочего движения 80—90-х годов. «Красный архив», 1938, № 6.
Э. А. Корольчук. «Рабочее движение 70-х годов». Сб. архивных документов. М., 1934.
Э. А. Корольчук и Е. А. Соколова. Хроника революционного рабочего движения в Петербурге, т. 1. Л., 1940.
Ф. Матасова. Материалы для истории русского рабочего движения. «Красная летопись», 1925, № 1—2.
Материалы по делу М. И. Бруснева. Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы». (1886—1894)». Донское отд. 1921.
«Морозовская стачка. 1885—1935». Сб. статей, документов и воспоминаний. М., 1935.
В. Невский. К истории партии русских социал-демократов (Благоевская группа). «Пролетарская революция», 1922, № 5.
Б. Николаевский. Программа первого в России социал-демократического кружка. «Былое», 1918, № 13.
П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1894.
Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи за 1885—1896 гг.
Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге. С предисловием Г. В. Плеханова. Женева, 1892.
«Первое мая в царской России 1890—1916 гг». Сб. документов. М., 1939.
Программа Временного организационного исполнительного комитета. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы“. (1886—1894)». Донское отд., 1921.
К. А. Пушкаревич. Д. Н. Благоев-студент Санкт-Петербургского университета (31 VIII 1881 — 1 III 1885 гг.). Материалы к биографии. Труды Ин-та славяноведения АН СССР, 1954, № 2.
Н. Л. Сергиевский. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов (благоевцев), 1885. Л., 1928.
Н. Л. Сергиевский. О кружке Точисского. «Красная летопись», 1923, № 7.
Н. Л. Сергиевский. О федосеевском кружке. 1888—1889 гг. (архивная справка). «Красная летопись», 1922, № 5.
Стачки 1881—1895 гг. Центрархив. Материалы по истории рабочего движения в России. М., 1930.
Хроника социалистического движения в России, 1878—1887. Официальный отчет. М., Изд. Саблина, 1907.
Ф. Ф. Эрисман. «Санитарное исследование фабричных заведений

Московского уезда». Сб. статистических сведений по Московской губернии. Отдел Санитарный, т. III, вып. IV. М., 1882.

Мемуарная литература

М. С. Александров. Группа народовольцев (1891—1894). «Былое», 1906, № 11.

С. Д. Аллилуев. Пройденный путь. М., 1956.

М. А. Багаев. Моя жизнь. Воспоминания ивановца большевика-подпольщика. Иваново, 1949.

Анна Болдырева. Минувшие годы (воспоминания работницы). «Текстильщик», 1923, № 1—2 (42—43).

А. Брейтфус. Точисский и его кружок. «Красная летопись», 1923, № 7.

В. Бартенев. Из воспоминаний петербуржца во II-й половине 80-х годов. «Минувшие годы», 1908, № 10.

Н. Д. Богданов. На заре социал-демократии (Воспоминания о петербургской организации 1885—1892 гг.). «Освобождение труда», 1918, № 2. Воронеж.

В. Д. Бонч-Бруевич. На заре революционной пролетарской борьбы (по личным воспоминаниям), 1932.

Д. Н. Благоев. Мои воспоминания. ГИЗ, 1928.

М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. (Воспоминания). «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14).

М. И. Бруснев. Первые революционные шаги Л. Красина. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов. М. — Л., 1928.

Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, 1893—1900. М., 1955.

Воспоминания родных о В. И. Ленине. М., 1955.

В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12.

М. Г. Григорьев. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг. «Пролетарская революция», 1924, № 4(27).

М. Г. Григорьев («Егорыч»). Воспоминания о федосеевском кружке в Казани. «Пролетарская революция», 1923, № 8(26).

А. И. Елизарова. Страничка воспоминаний (Первое выступление Владимира Ильича в Москве). «Пролетарская революция», 1923, № 2/14.

В. М. Карелина. На заре рабочего движения в Санкт-Петербурге. «Красная летопись», 1922, № 4.

В. М. Карелина. Леонид Борисович — пропагандист и организатор рабочих кружков. «Леонид Борисович Красин. („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов. М. — Л., 1928.

Л. Б. Красин. Дела давно минувших дней. «Пролетарская революция», 1923, № 3(15).

Л. Б. Красин. Автобиографические заметки. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов. М., 1928.

Л. Б. Красин. Большевики в подполье. М. — Л., 1932.

Н. К. Крупская. О Красине. «Леонид Борисович Красин („Никитич")». Сб. воспоминаний, статей и документов. М. — Л., 1928.

Н. К. Крупская. Как я стала марксисткой. Педагогические сочинения, т. I. М., 1957.

П. Ф. Кудели. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. Л., 1925.

М. Лебедева (Точисская). К биографии П. В. Точисского (Воспоминания сестры). Историко-революционный сборник, т. III. М. — Л., 1926.

П. Н. Лепешинский. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 году). Л., 1925.

С. И. Мицкевич. На грани двух эпох (мемуарная запись), 1937.

С. И. Мицкевич. Из далекого прошлого. «Пролетарская революция», 1922, № 5.

С. И. Мицкевич. Революционная Москва. ГИЗ, 1940.

П. А. Моисеенко. Воспоминания. 1878—1923. М., 1924.

К. Норинский. Мои воспоминания. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Донское отд., 1921.

К. Норинский. Дополнения к воспоминаниям. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Донское отд., 1921.

М. С. Ольминский. Давние связи. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Донское отд., 1921.

М. С. Ольминский. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Донское отд., 1921.

М. С. Ольминский. Из воспоминаний революционера. «Рабочий мир», 1919, № 4—5.

«От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Статьи и воспоминания. Донское отд., 1921.

В. В. Святловский. На заре российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19.

В. В. Святловский. К истории 1 Мая. (1890—1893). «Былое» 1921, № 6.

Н. Л. Сергиевский. Воспоминания о Н. Е. Федосееве. 1892—1895. «Федосеев Николай Евграфович». Сб. воспоминаний. М. — Пг., 1923.

М. А. Сильвин. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958.

К. М. Тахтарев. Рабочее движение в Петербурге. Л., «Прибой», 1924.

«Федосеев Николай Евграфович — один из пионеров революционного марксизма в России». Сб. воспоминаний. М. — П., 1923.

Н. Е. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958.

А. Фишер. В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего, 1922.

В. Харитонов. Из воспоминаний участника группы Благоева. «Пролетарская революция», 1928, № 8(79).

А. С. Шаповалов. В борьбе за социализм. (Воспоминания). М., 1934.

С. П. Шестернин. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения 1880—1900 гг. Иваново, 1940.

В. А. Шелгунов. Рабочие на пути к марксизму. «Старый большевик», 1933, № 2(5).

В. А. Шелгунов. Воспоминания. Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы" (1886—1894)». Донское отд., 1921.

Исторические исследования, литература

П. Анатольев. Из истории марксистской рабочей печати в России (80-е годы). «История пролетариата СССР». Сб. 6. М.—Л., 1931.

Н. Батурин. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906.

В. В. Берви-Флеровский. Положение рабочего класса в России. Избранные экономические произведения, т. 1. М., 1958.

В. Бурцев. За 100 лет (1800—1896). Сб. по истории политических и общественных движений в России. Лондон, 1897.

М. И. Бруснев. Федор Афанасьевич Афанасьев (Некролог). «Новая жизнь», 1905, № 13.

А. М. Валеев. Н. Е. Федосеев — один из первых марксистов в России. Казань, 1952.

С. Н. Валк. Рабочее движение в Петербурге в 80-х и начале 90-х годов и первые социал-демократические группы. Очерки истории Ленинграда, т. II, Изд. АН СССР, 1957.

И. Н. Васин. Первые марксистские организации в Москве (1884—1894). «Вопросы истории», 1952, № 10.

М. Ф. Владимирский. Очерки рабочего и социал-демократического движения в Нижнем Новгороде и Сормове. М., 1957.

В. В. Воровский. К истории марксизма в России. Соч., т. 1. М., 1933.

Б. М. Волин. Революционный марксизм в борьбе с народничеством. М., 1939.

А. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890.
Е. М. Дементьев. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1897.
З. Дружинин. Ювеналий Мельников. М., 1929.
История ВКП(б) под ред. Е. М. Ярославского, тт. 1—4. М.—Л., 1926—1930.
История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1959.
Б. С. Итенберг. «Южнороссийский союз рабочих» — первая пролетарская организация в России. М., 1954.
Э. А. Корольчук. Из истории «Южнороссийского союза рабочих». Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та А. И. Герцена, т. 78. Л., 1948.
Э. А. Корольчук. Рабочее движение 70—80-х годов в России. «Пропаганда и агитация», 1938, № 18.
Э. А. Корольчук. «Северный союз русских рабочих» и революционное рабочее движение 70-х годов XIX в. в Петербурге. Л., 1946.
Э. А. Корольчук. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Л., 1940.
В. Н. Котов. Проникновение и распространение марксизма в России (с 40-х до 90-х годов XIX в.). М., 1954.
Н. К. Крупская. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». От подпольного кружка к пролетарской диктатуре, вып. 1. М. — Л., 1930.
П. Лепешинский. Как возникла ленинская партия. М., 1933.
М. Н. Лядов. История российской социал-демократической партии, ч. 1. СПб., 1906.
И. Никитин. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Госполитиздат, 1950.
И. Никитин. Первые рабочие союзы и социал-демократические организации в России. Госполитиздат, 1952.
С. Овсянникова. Группа Благоева. Из истории распространения марксизма в России. Изд. соц.-эк. лит., 1959.
Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. Изд. АН СССР, 1959 г.
Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Соч., т. II.
Г. В. Плеханов. Наши разногласия. Соч., т. II.
Г. В. Плеханов. Программа группы «Освобождение труда», т. II.
Г. В. Плеханов. Второй проект программы русских социал-демократов, т. II.
Г. В. Плеханов. Всероссийское разорение. Соч., т. III.
Г. В. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Соч., т. III.
Г. В. Плеханов. О задачах социалистов в борьбе с голодом. Соч., т. III.
Г. В. Плеханов. Политические задачи русских социал-демократов. Соч., т. III.
Г. В. Плеханов. Современные задачи русских рабочих. Соч., т. II.
Г. В. Плеханов. Первые шаги социал-демократического движения в России. Соч., т. XXIV.
Г. В. Плеханов. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна. История революционного движения в России. Соч., т. XXIV.
Г. В. Плеханов. Об издании «Библиотеки современного социализма», т. II.
К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, 1908.
Н. П. Паялин. Завод имени Ленина (1857—1918). Л., 1933.
Н. П. Паялин. Невская застава. «Молодая гвардия», 1938.
А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958.
А. С. Рослова. Первые массовые политические выступления петербургских рабочих. «Вопросы истории», № 2, 1956.
Ф. Радзиловская. Подпольные библиотеки первых марксистских групп и кружков в царской России 80-х и начала 90-х годов XIX столетия. «Красный библиотекарь», 1939, № 8.
Н. Л. Сергиевский. Плеханов и группа Благоева. «Пролетарская революция», 1928, № 8.
Н. Л. Сергиевский. Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М. — Л., 1929.
Н. Л. Сергиевский. Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. Историко-революционный сборник, т. II, Л., 1924.
Н. Л. Сергиевский. К вопросу о возрасте Ленинградской организации ВКП(б). «Красная летопись», 1930, № 2 (35).
Н. Л. Сергиевский. Федосеевский кружок. 1888—1889 гг. «Красная летопись», 1923, № 7.
Н. Л. Сергиевский. Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда». «Красный архив», 1926, № 5(18).
С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1800—1895). Ростов, 1905.
Л. Н. Сталь. П. Точисский (Некролог). Братская могила. М., 1923.
А. Тун. История революционного движения в России. П., 1920.
И. А. Федосов. Революционное движение в России во 2-й четверти XIX в. Революционные организации и кружки. М., 1958.
Н. В. Шелгунов. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. «Современник», 1861, кн. XXXIV.
А. М. Шнитман. Революционная деятельность Д. Н. Благоева в России и в Болгарии (1878—1885). «Вопросы истории», 1956, № 2.
П. М. Шморгун. Распространение марксизма на Украине в 80-х и в начале 90-х годов XIX в. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 4.
С. Щепров. На пути к созданию партии. ГИЗ, М., 1959.
С. Щепров. Выдающийся революционер Н. Е. Федосеев. М., Госполитиздат, 1958.
Е. Ярославский. Борьба за создание социал-демократической рабочей партии в России (1883—1901). М., 1944.
Е. Ярославский. Группа «Освобождение труда» и ее историческое значение. «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. VIII, ч. 1. 1940.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Казакевич Роза Абрамовна

Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х—начала 90-х годов

(кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева)

Обложка художника *П. А. Кузнецова*
Художественный редактор *А. Г. Малахов*

Редактор *Э. С. Востокова.*
Техн. редактор *Е. Г. Жукова.* Корректоры *Г. И. Ирич* и *Г. К. Ламагина*

Сдано в набор 29/VI 1960 г. М-26918. Подписано к печати 9/XI 1960 г.
Уч.-изд. л. 13,98. Печ. л. 13. Бум. л. 6,5. Формат бум. 60×92 1/16. Тираж 1300 экз. Заказ 996. Цена 8 р. 40 к. С 1/I 1961 г. цена 84 к.

Отпечатано с набора 2-й фабрики детской книги в типографии ЛОЛГУ. Ленинград, В-164, Университетская наб., 7/9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
41	13—14 сверху	Шелаевский	Шалаевский
147	7 "	Григорьевну	Григорьеву
171	4 снизу	18981	1891
197	15 "	Л. К. Запорожец	П. К. Запорожец
198	22 "	до конца 80-х	конца 80-х

Зак. 996.